

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

21

1989

21

1989

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

21

1989

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauere-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. V., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

ЧЕТЫРЕ ГОДА ПЕРЕСТРОЙКИ • ИТОГИ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ФОРУМ»

1. Как Вы оцениваете те перемены, что произошли в Советском Союзе в первые четыре года перестройки?

Предполагали ли Вы весной 1985 года, что события будут развиваться подобным образом?

В чем, по-Вашему, несомненные достижения перестройки и где их нет или совсем мало?

Какие силы, явления, события тормозили перестроечные процессы в эти годы?

2. Ваше мнение о нынешней ситуации и важнейших событиях самого последнего времени?

Какова сейчас расстановка политических сил в стране?

3. Каковы перспективы демократизации Советского Союза?

4. Что бы Вы сказали Михаилу Горбачеву, если бы у Вас с ним состоялся пятиминутный разговор?

Милован Джилас — писатель, публицист, правозащитник, бывший вице-президент Югославии, в прошлом политзаключенный. Живет в Белграде.

1. Перестройка (*экономические реформы*) до сих пор не дала никаких существенных результатов и не даст их до тех пор, пока не произойдут радикальные *политические*

перемены, пока не будет отменена монополия партбюрократии на власть.

Я уже в 1985 году предполагал, что в СССР либо наступит кризис, либо произойдут перемены, но я не предвидел тех форм, в которых они (эти перемены) проявятся. Не ожидал я, что могут стать возможными те формы, в которых перемены происходят сейчас.

Успехи есть в области гласности, но и здесь они прежде всего проявляются в том, что все меньше запрещается и все больше разрешается, но не в том, что зафиксировано в законе.

Наиболее важные достижения: начало парламентской жизни и относительная свобода высказываний.

Основные препятствия: все еще сильна бюрократия и все еще сильны иллюзии относительно возможности изменения системы при сохранении существующих структурных форм и монополии на власть.

2. Процесс перемен продолжается при наличии серьезных затруднений в области экономики, в межнациональных отношениях и в формировании новых, четких программ (изменении политического сознания).

3. Демократизация, главным образом стихийная, будет продолжаться, однако сохранятся трудности и опасности, источником которых будут: великодержавный шовинизм, неэффективная экономика, националистическая бюрократия и партийный централизм.

4. Я бы посоветовал Горбачеву освободиться от ленинистских иллюзий, от иллюзорных представлений о том, что советское общество — это общество социалистическое и что такое общество можно спасти и что его вообще стоит спасать.

8 июля 1989 г.

Кронид Любарский — редактор журнала «Страна и мир» и бюллетеня «Вести из СССР», участник правозащитного движения в СССР, бывший политзаключенный. Живет в Мюнхене.

1. Разумеется, не предполагал, что развитие пойдет таким образом. Уверен, что никто не предполагал, даже (и в первую очередь) сам Горбачев. Перемены такого рода, конечно, ожидалось, но в куда более дальней исторической перспективе.

Основные успехи (если говорить о целенаправленной деятельности «перестройщиков») очевидны. Это: 1. Гласность, которая сейчас может быть названа уже свободой слова, демонстраций и ассоциаций (хотя еще не свободой печати). Следует сделать оговорку, что по территории страны гласность и свобода слова распространены еще неравномерно. Скажем, Украина, Белоруссия и Средняя Азия далеко еще не достигли свободы слова и ассоциаций. Есть и другие исключения. 2. Внешняя политика, хотя она все еще имеет тенденцию скатываться в беспринципность (Китай, Иран). Но в целом искренность и серьезность усилий по снижению международной напряженности несомненны.

Во всех остальных областях успехов практически нет. Этих областей так много, что перечислить их просто невозможно. Выделю основные: 1. Экономика. 2. Создание правового государства.

Однако, главный успех перестройки не есть результат сознательных усилий, а является его как бы побочным результатом (скорее всего непредвиденным и не вполне желательным для «перестройщиков»). Это — пробуждение народной инициативы и политического самосознания. Именно оно и определит наше будущее.

К числу «тормозных» сил я бы отнес прежде всего аппаратную ограниченность, нерешительность и отсутствие широкого кругозора у инициаторов перестройки, в первую очередь Горбачева. «Роль личности в истории» здесь проявила себя вполне: проявили себя не только его плюсы, но и минусы. Вторая тормозная сила многократно названа —

это аппарат, все его звенья. Третий тормозящий фактор — не сразу преодолеваемый скептицизм народа, который трудно убедить, что речь не идет об очередной кампании. Наконец главным тормозящим фактором является глубина пропасти, в которую мы скатились — чем глубже яма, тем труднее из нее выбираться. «Явления и события» я бы не назвал тормозом — все они (кроме разве Чернобыля) — это не тормоза, а сама перестройка. Можно было бы назвать Карабахский кризис тормозящим фактором, но это было бы странно: это ведь и есть часть перестройки — в национальных отношениях. Если бы таких кризисов не возникало, значит перестройка еще и не начиналась. А ремонт в доме неосуществим без обнажения грязных углов.

2. Важнейшие события самого последнего времени — это: 1. Съезд народных депутатов и предшествовавшая ему избирательная кампания. 2. Рождение массового рабочего движения, начало организованных забастовок. 3. Резкое обострение национальных конфликтов во всех частях страны.

Нынешняя ситуация представляется мне достаточно мрачной. Боюсь, что время упущено. В последнее время модно было говорить: «Если до 1993 г. не будет сделано то-то и то-то, то наступит катастрофа.», «Если до 1991 г. ...» и т. п. Боюсь, что теперь уже надо говорить в прошедшем времени. Поворотный пункт наступил в апреле-мае. Его определили два события: тбилисская бойня, показавшая национальным республикам стратегию властей в области национальных отношений, и Съезд, показавший народу полное отсутствие у руководства позитивной политической (а не аппаратной!) и экономической стратегии. Зенит перестроечной карьеры Михаила Горбачева позади. Четыре года — надо отдать ему должное — он вел страну и направлял ход событий. Теперь события его ведут, а ему приходится (и не всегда удается) поспевать за ними. Забастовки шахтеров — лишь первая ласточка. Гражданские инициативы — забастовочные комитеты, народные фронты, национальные движения отныне определяют политическое развитие страны. Партия же и правительство лишь будут пытаться как-то сдержать это

развитие. Поскольку удовлетворить народные требования они не могут из-за отсутствия политических и материальных ресурсов, неизбежен переход от политики умиротворения к политике пресечения.

Неизбежен резкий поворот направо (в смысле — в сторону консерватизма), возможно даже силовым (военным) путем. Едва ли он будет успешен, ибо общество уже изменилось необратимо. Поэтому опасность гражданской войны и хаоса в высшей степени велика. Пытаться предсказать ее последствия сейчас немислимо. Паралич власти и начало развала имперской структуры — лишь наиболее очевидные и непосредственные следствия.

3. На этот вопрос я в сущности уже ответил.

4. Я бы сказал Михаилу Горбачеву: «Михаил Сергеевич, у вас все еще есть шанс спасти страну, перестройку и себя: обратиться к народу через головы аппарата и политбюро — непосредственно! — и возглавить революцию в подлинном смысле, начиная с коренной ломки системы собственности. Вы еще можете оседлать события. Их можно направлять, если вы поймете, в каком направлении они движутся!» Здесь Михаил Горбачев меня бы перебил и начал бы пространно возражать, и мои 5 минут истекли бы.

22 июля 1989 г.

Сергей Максудов — историк и социолог, автор нескольких книг и многих исследовательских работ по проблемам советской истории, научный сотрудник Гарвардского университета. Живет в Бостоне (США).

1. Перемены мне трудно оценить иначе, как *фантастические*. Весной 1985 года ничего подобного не ожидал, ухудшений тоже не ожидал, хотя арест Льва Тимофеева казался дурным предзнаменованием. Даже два года назад, когда «Форум» проводил похожий опрос, подобной скорости перемен не предвидел.

Несомненный успех перестройки — вовлечение миллионов людей в политическую деятельность и, более того, видимый результат этой деятельности в виде провала ряда

партийных руководителей на выборах на съезд народных депутатов. Пресса «гласности» («Огонек», «Новый мир»...), передачи вроде «Пятого колеса» и «Взгляда» приближают нас к свободе слова.

Успехов совсем нет в экономике, напротив, там происходит развал, отчасти, на мой взгляд, спровоцированный незаинтересованностью и растерянностью старой системы управления («саботаж»).

Силы ограничивающие и тормозящие — в массах людей, в их опасениях перемен, в зависти к активным, готовым работать по-новому, в неуважении к частной собственности и хорошей работе. В политике — в пренебрежении к законам. Меня, в частности, неприятно поразило включение Ельцина в Верховный Совет — обмен выбранного депутата с невыбранным, не предусмотренный никакими законами, не имеющий прецедента, просто уступка властей массам населения. Это почти революция, но ее-то и не хотелось бы видеть.

2. Нынешняя ситуация опасна нестабильностью, ухудшением продовольственного положения, инфляционной волной (единственным пока «положительным» результатом кооперативной деятельности), потребительскими навыками большинства населения, половинчатыми решениями властей. Печалит отсутствие серьезной программы и у власти, и у возможной оппозиции. Больше всего нужна программа по национальному вопросу и экономике.

Важнейшими событиями считаю возникновение «народных фронтов», «Мемориала», выборы депутатов съезда (то, как они проходили в Москве, Ленинграде, Киеве, в Прибалтике). Политические силы состоят, мне кажется, из 1-2 млн. партийных руководителей у власти, 1-2 млн. интеллигентов, технических и гуманитарных, готовых активно участвовать в переменах и идти много дальше и быстрее, чем движется правительство (в эту группу я включаю и активистов национальных движений). Между этими активными группами огромное политическое «боло-то», желающее жить лучше, но опасющееся перемен. Настроение этой массы не выливается в политические

действия, так как нет пока механизмов преобразования воли народа в политику. Но в качестве потенциальной угрозы это настроение давит на власти.

3. Демократизация будет продолжаться независимо от воли правителей, поскольку уже дан необычайно сильный толчок, развязаны языки и освобождаются мысли, особенно на национальных окраинах. Хорошо бы вступить на путь компромиссных решений в Прибалтике, на Украине, во всей стране и во всех областях. За компромиссом преимущество стабильности и, думаю, что власти постепенно это поймут.

4. Что касается советов Горбачеву, я бы сказал: «Михаил Сергеевич, как лидер, работающий на историю, не забывайте и об историках, — срочно откройте архивы, все и всем. Это в ваших и в наших интересах».

Олесь Шевченко — председатель Киевского отделения Украинского Хельсинкского союза, журналист, бывший политзаключенный.

1. Дым идет, тормоза горят, но поезд государства с мифическим названием «Союз Советских Социалистических Республик» продолжает двигаться, хоть уже и медленнее, к пропасти. Обстановка усугубляется двойственной позицией верхнего аппарата власти, который, сознавая необходимость коренных преобразований системы, не находит в себе достаточной смелости для действия. В результате перемены произошли, в основном, в общественном сознании, но почти не коснулись административно-командной системы. «Ни один дьявол, — как говорил Троцкий, — еще не обстригал добровольно своих когтей».

Весной 1985 года меня этапировали из концлагеря в Пермской области в потерянный в казахстанских песках аул Жаскайрат Гурьевской области — в ссылку. После смерти Брежнева власть безраздельно перешла в руки государственной мафии — КГБ. Юрий Андропов, которого кое-кто на Западе считал интеллигентом, задал курс на физическое уничтожение инакомыслящих.

«Андроповская» статья 188³ дала право кагэбистам продлевать срока политзаключенным, не выпуская их из-за

колючей проволоки. Начальник отряда, прощаясь, сказал мне: «Не понимаю, Шевченко, почему Вас выпускают на ссылку. Все документы на оформление следующего срока для Вас уже подготовлены». На этапе, а потом в ссылке я понял, почему меня «выпустили» на ссылку: киевские «шефы» с улицы Владимирской решили расправиться со мной чужими руками. Но Богу было угодно, чтобы три наркомана (я в камере Уфимской тюрьмы был с ними четвертым узником), напиваясь и накуриваясь опиумом, получаемым от тюремного надзирателя, меня не удавили и не зарезали. Богу было угодно, чтобы подосланные убийцы, ворвавшиеся в три часа ночи в мою ссылную комнатуху, глядевшую окном в пустыню, не успели пронзить меня выставленным бандитским ножом. Я выскочил в дверь, а ночь была, к счастью, темна.

Это было в ночь на 4 мая 1985 года... Мог ли я предполагать? Как мог я предполагать что-либо, прочитав интервью Горбачева газете «Юманите», где он уверял, что в Советском Союзе нет политзаключенных, а есть только уголовные переступники? Но мог ли предполагать такое развитие событий и сам Горбачев? Я уверен, что нет. Достоинство советского президента в том, что ему удастся поспевать за развитием событий, не утрачивая способности к эволюции взглядов.

Главный успех — в преодолении чувства страха. Страх и обман — две цементирующие силы советского государства. Гласность — это те пилюли, которыми еще долго, долго нужно лечиться советскому обществу, чтобы не быть инвалидом в здоровой семье цивилизованных европейских стран.

Нет успехов в экономике. В районах Киевщины туалетное мыло дают по сто грамм в три месяца на одного человека. Мой коллега получил в августе письмо из города Ачинска Красноярского края от бывшего союзника Валерия Крюкова, в котором сообщается о введении карточной системы на чай — по сто грамм в месяц, на сахар — по килограмму в месяц, и на мясо — по пятьсот грамм в месяц на человека. Экономисты прогнозируют уже через год-полтора введение в СССР всеобщей карточной системы. Необходима принципиальная перестройка экономики

землю, все средства производства нужно передать производителю. Необходимо открыть свободный рынок. Необходимо немедленная политическая и экономическая децентрализация. Дискуссия на эту тему стала уже надоедать. Во всяком случае, западные кредиты дадут эффект всего лишь временного допинга.

2. Консервативный аппарат проявляет удивительную солидарность в организованном саботаже перестроечных идей. Особенно крепки его позиции в Украинской ССР. Здесь они просто гуляют, превратив Украину в полигон для отработки подавления демократических начинаний. Со страниц партийной печати ведется массивная, нарастающая, злобная и лживая пропагандистская кампания против независимых общественных объединений, против восстановления попраных национальных прав, против украинских писателей, возглавивших народный РУХ (движение) за перестройку, против народных депутатов, ставших на сторону народа, против Украинского Хельсинкского сообщества как наиболее популярной независимой общественной организации.

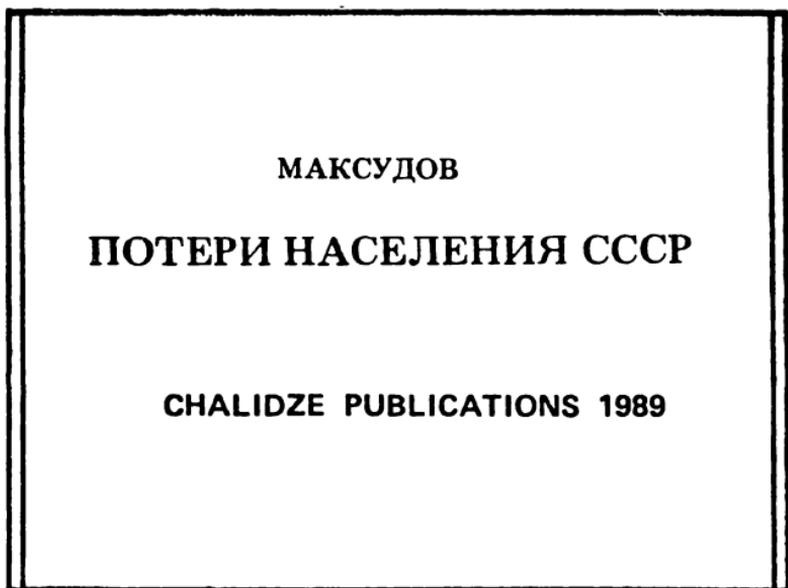
На этом месте моя эпистолярная беседа с уважаемым Владимиром Малинковичем была прервана неожиданным визитом ко мне участкового милиционера, который ознакомил меня с передаваемым в суд протоколом, обвиняющим меня в участии в несанкционированном митинге. На самом деле в указанный день — 13 августа — у памятника св. Владимиру состоялась праздничная литургия, устроенная священниками и верующими Украинской Католической Церкви. Но судить меня, несомненно, будут, потому что на наибольшем доселе в Киеве — 30-тысячном — митинге 2-го сентября было почти единодушно (против лишь трое) принято дополнение к резолюции митинга: «30-тысячный митинг выражает недоверие Первому секретарю ЦК компартии Украины В. Щербицкому и Председателю Президиума Верховного Совета УССР Валентине Шевченко и требует их отставки». Будут судить и моих друзей — по доносам лжесвидетелей, за надуманные «грехи», — но только не за эту резолюцию.

места в парламенте помимо всеобщих выборов. С принятием же демократического закона о выборах вопрос «кто кого?» станет на повестку дня уже к концу нынешнего года.

4. Я сказал бы Горбачеву, что президенты и общественные лидеры приходят и уходят, а народы остаются. Меняются государственные системы, а народы остаются. Я согласился бы с ним в том, что общечеловеческие ценности — превыше всего.

5 сентября 1989

Новая книга:

Юрий Щербак*

ОТВЕРГАЮ ВСЯКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Вопрос: Как Вы оцениваете те перемены, что произошли в Советском Союзе в первые четыре года перестройки? Предполагали ли Вы весной 1985 года, что события будут развиваться подобным образом?

Ответ: Естественно, я не предполагал весной 85 года, что события будут развиваться в Киеве так стремительно и что произойдут во многом кардинальные изменения в жизни нашей страны. Сейчас, после первого съезда народных депутатов, после первой сессии Верховного Совета, многие высказываются скептически, говорят, что по сути ничего не изменилось — административная система осталась той же. Часто высказываются мнения о том, что кроме гласности мы ничего не имеем. Я с этим согласиться не могу. Не могу согласиться и со скептическим отношением к съезду народных депутатов, как к съезду «несбывшихся надежд», как к съезду, который кроме слов ничего не даст стране. Все это потому, что мы сейчас не в состоянии выйти из исторического процесса, из этого нашего времени, посмотреть со стороны и оценить те изменения, которые произошли. Но, наверное, надо это делать. Надо каждому, к примеру, просмотреть, начиная с 1980 года, газеты: что они писали и какова была наша жизнь. Да и не только газеты — просто вспомнить, что происходило в этой стране, и понять, что сейчас происходит. Это нечто чрезвычайно важное, это просто преддверие каких-то грандиозных перемен. Мы еще даже не знаем, что нас ожидает. Конечно, процесс этот может быть заторможен, приостановлен. Может даже осуществиться попытка возврата назад. Но моя теория такая — то, что уже сделано, тот плацдарм свободы, что уже отвоеван —

*Ю. Щербак — писатель, врач, лидер «зеленого движения» на Украине, народный депутат СССР, депутат Верховного Совета СССР (Киев).

это вернуть назад нельзя; и все общество вернуть назад, в прежнее состояние — невозможно.

Вообще все развивается по законам биологии, по законам развития, законам эволюции. В процессе эволюции обратного хода почти нет. Поэтому какие бы отступления ни были (они возможны), они все равно не задержат движения. Даже если провести аналогию между нынешним периодом и периодом хрущевским, то брежневская реакция, какой бы она ни была (тогда ночь воцарилась опять, если и не ночь сталинская, то сумерки серые), все вернуть назад не смогла. Тот плацдарм свободы, что был отвоеван при Хрущеве, не исчез, не пропал даром. Он остался. И что очень интересно — большинство тех людей, что играют сейчас активную роль в перестройке, они ведь вышли оттуда. Они вышли из XX съезда. Опять же, пятидесятилетние люди сейчас самые умудренные опытом и в то же время еще активные и полные сил. А может быть, они такие, потому что во времена их молодости был дан первый глоток свободы человеку.

Так что я бы сейчас расценивал перемены как радикальные в сфере духа, как радикальные в сфере нашего разума, нашего понимания происходящих событий. Они не радикальные еще в экономике, хотя уже и там закладываются какие-то кирпичики. Из них нельзя еще выстроить какую-то стенку. Пока. Но главное — мы поняли, что с нами произошло. Я не говорю о группке каких-то интеллигентов, которые, наверное, понимали это и 20 лет назад (и 30 лет тому были люди, которые понимали, что происходит), я говорю о том, что сейчас созрело массовое понимание, произошел количественный и качественный сдвиг. Качественный в том смысле, что люди поняли абсурдность многих утопических идей (марксизма, в частности) и поняли, что путь этот ведет в никуда. И не только какие-то отдельные яркие представители народа, мыслители, которые были в свое время обречены на молчание или на одиночество, — массы их не понимали. Сейчас происходит почти массовое усвоение всех этих вещей. Хотя и нельзя сказать, что весь народ правильно все оценивает.

Сейчас очень драматический период в жизни нашей страны, очень важный. Страна должна пройти положенную

ей дистанцию, она не может перескочить через что-то и оказаться совсем другой. Не бывает так: проснулась страна — вчера она была в одном режиме, в одной системе, а сегодня уже в совершенно другой. Мы должны пройти этот путь, эту дистанцию. И мы ее проходим со всеми издержками, со всеми остановками, непоследовательно, очень трудно. Этот государственный корабль куда-нибудь повернуть вообще трудно. Мы не знаем, как наша личная судьба (каждого из нас) сложится, мы не знаем, что нас ожидает завтра, послезавтра. Могут быть разные неожиданности, но все равно этот процесс неизбежен — процесс распада старой системы. Это уже не от нас зависит — и не от Горбачева, и не от Лигачева... Это зависит от самой истории, от логики истории. Такая же ситуация в Польше, такая же ситуация в Венгрии. Рано или поздно такая ситуация возникнет и в других странах. Потому что, очевидно, есть какие-то объективные потребности XX века. Конечно, можно создать государство типа Албании или Северной Кореи, которое будет заповедником утопий. Но это рано или поздно закончится. Конечно, невозможно сравнивать Албанию с Советским Союзом — многофакторность нашего государства и огромная его сложность, его глобальная роль ни с чем не сравнимы. И это обязывает. Было время и мы бились, чтобы выйти на мировую арену, стать сверхдержавой — мы добились этого. Но теперь эта роль сверхдержавы — она на нас огромной тяжестью висит, она всему народу вылезла боком. Но теперь она же заставляет нас и переделываться, перестраиваться. Потому что, если бы мы были какой-то периферией, это могло бы продолжаться еще хоть сто лет. В конце концов можно было бы установить какую-нибудь социалистически-монархическую систему или феодальный социализм, или военно-феодальный строй. И это могло бы продолжаться, но с такой сложной страной и великой страной это не может продолжаться. Существуют, видно, какие-то объективные реальности мира, которые мы не всегда замечаем. Я думаю, что эта эпоха всемирных революций, которая прошла в начале XX века, она была объективно обусловлена ходом истории, исторического процесса — выходом огромных масс народа на историчес-

кую арену. Затем эта волна прокатилась по всему миру — какой-то формой фашизма или сталинизма, какой-то формой депрессии в Соединенных Штатах Америки и Европе в конце 20-х — начале 30-х годов. Тогда что-то происходило с обществом, и то, что сейчас происходит с нами, — это тоже какая-то историческая закономерность. Объективная. Мы сейчас в потоке истории находимся, мы плывем по этому потоку, нами сейчас управляет история. Тут у меня пессимистический взгляд. Вот Горбачев — его вынесла какая-то историческая минута на поверхность, на вершину. Он очень сильный человек, я чисто биологически это чувствую. Я наблюдал за ним, был рядом. У него очень сильное биополе. И я не первый это заметил. Кто-то где-то это уже говорил. Я подходил к нему — ни один из тех, кто был рядом с ним, не имел никакого биополя. Нет его и у Рыжкова, хотя он очень милый, хороший человек. А Горбачев — сильная личность и у него великое историческое предназначение как реформатора. Но теперь у меня такое убеждение, что и он уже не командует этим потоком, не руководит им. Он сделал какой-то первый шаг, а теперь нас несет поток. Горбачев сделал решительный, большой очень шаг. А как там дальше будет развиваться — непредсказуемо.

Вопрос: В чем, по-Вашему, несомненные достижения перестройки и где их нет или совсем мало?

Ответ: Первое и главное, самое основное достижение перестройки — это то, что можно прямо на разных уровнях сказать: мы пришли к краху и кризису. Пришел к кризису режим, пришла система. В кризисе оказалась система мышления. Мы долго тешились иллюзиями, что идеи очень хорошие, а вот только неправильно они воплощаются. Это не так. Сама идеология пришла в тупик. Идеология — вся эта утопическая мысль, что можно переделать человечество по заданной схеме, — сама по себе ни на чем не основана. В ее основе нет научных данных о мире, в котором мы сейчас живем. Основоположники марксизма находились под громадным влиянием французских просветителей, которые очень простодушно смотрели на человека, как на существо идеальное, существо, которое хорошими идеями просвеще-

ния можно управлять и изменять. Изначально вся эта установка идеалистическая — будет, мол, создано идеальное общество, т. е. может быть создано что-то *идеальное*.

Кроме того, был целый ряд идей практического свойства, которые не оправдались. Скажем, отношение к крестьянству. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — они совершенно неправильно оценивали роль крестьянства. Я читал их произведения (сейчас я перечитываю их с точки зрения крестьянской политики). Совсем недавно перечитывал Ленина. Простой вещи не было сказано: что это люди, которые кормят страну, и что без крестьян рабочий класс не будет рабочим классом. Человек сначала должен быть накормлен, а потом уже он становится социальным существом. Человек голодный — существо биологическое. Он теряет свои социальные функции. И если крестьяне не накормят страну, то не будет рабочего класса, не будет городов, ничего не будет. Все это было поставлено с ног на голову. Крестьяне были объявлены какими-то там мелкобуржуазными, отсталыми, реакционными элементами. Это повторялось десятки раз теоретиками. Специфика крестьянства, его особое назначение отрицались совершенно. Особенность труда крестьян, их особое отношение к земле (я бы сказал — поэтическое) совсем не принимались во внимание. То, что такое родственное отношение к земле, к растениям, к животным, дает только собственность, — этого не поняли. И надо было бы признать сейчас, что были заблуждения.

Возьмем национальный вопрос. Сначала была такая идея, что для рабочих не существует наций, рабочие всего мира едины. Классовый признак первичен. Эта идея рухнула еще в Первую мировую войну. Ленин очень сурово критиковал деятелей Социалистического интернационала за то, что они, так много кричавшие о международной солидарности пролетариев, вдруг стали шовинистами. Абстрактно он, наверное, был прав — ведь рабочие Франции убивали под шовинистическими лозунгами рабочих Германии. Но, оказывается, национальная идея где-то на уровне подсознания всегда сохраняется, и, если строго научно подходить, эту идею всегда нужно учитывать, к ней нужно

относиться серьезно. Крах старых представлений обнаружился уже 22 июня 1941 года. Крах идеи, что немецкие пролетарии никогда не поднимут оружия против советских трудящихся, против страны социализма. Они его подняли. Проблема была снята, когда Сталин обратился к национальному чувству народа.

Я не собираюсь давать развернутую критику марксистского учения. В нем, кстати, есть много верного и интересного, в частности — о роли рабочего класса и объединений трудящихся. Есть в этом учении много справедливого. Но нужно спокойно снять все это. Нам нужно деидеологизировать государство в конце концов. Идеологи пусть сидят на кафедрах и талдычат, что им хочется, а государство должно служить людям. Государство — это форма организации народа, а не организации идеологии.

Есть такой «джентльменский набор»: демократизация и гласность — это достижения перестройки, а вот экономических достижений нет. Я думаю, несправедливо требовать их немедленно. Главное, следует признать наличие кризиса, признать, что система, которая строилась в течение 70-ти лет, не выдержала испытания временем и сейчас фактически рухнула. Это и было бы главным достижением перестройки — признание этого факта. Все остальное — производное.

Путь расчищен, но не до конца. Остается еще масса всяких догм, и в народе они сохраняются чуть ли не на уровне мифа. Система еще сопротивляется. Система эта по-своему идеальна — в высшем своем, сталинском, выражении. Это потом уже она расшаталась и выявились внутренние противоречия. Сталинская система — это государство Платона в чистом виде. Она была идеально сбалансированной, но только она была безумной. Безумие — ее единственный недостаток, а все остальное в ней было прекрасно.

Сейчас стали появляться новые мифы — нас, мол, спасут кооперативы или аренда. Я думаю, это тоже мифология. По-моему, переход на рыночную экономику сейчас почти невозможен, во всяком случае очень труден. Пока. Капитализм прошел столетний, а то и двухсотлетний путь развития. А у нас часто берут его конечный результат. Весь

вопрос в том, как к этому результату прийти. И процветающие фермерские хозяйства — это ведь тоже конечный результат непростого процесса. Нельзя пройти длинную дорогу, которую проходил Запад с большим трудом и долго, — нельзя преодолеть этот путь в один момент.

Опаснейшая это вещь — нетерпение и нетерпимость. Я призываю к спокойствию, к терпению. Мне кричат, что 70 лет уже терпели. Последний раз я выступал в музее Ленина (там был митинг после съезда) и просто испугался — настолько люди озлоблены и нетерпеливы, настолько они устали. Они недовольны уже давно. И во времена Сталина были недовольны, но тогда им голову дурили. И потом была война, позже — «абы не война!» Теперь уже все поняли, что их обманывали. Когда был пик брежневского растления, народ уже все понял, и сейчас, когда нужно проявить терпение, он проявляет как раз нетерпеливость. И это очень, очень опасно.

Достижения перестройки огромны — мы перешли на новый этап. Даже если сегодня все будет остановлено и всех перестреляют, все равно страна прошла уже очень важный этап.

Вопрос: Какие силы, явления, события тормозили перестроечные процессы в эти годы?

Ответ: Вот такая сейчас дикая система. Кентавр, у которого туловище и крепкие ноги от сталинской системы, а голова горбачевская — с этой отметиной на лысине (для нас это голова не только горбачевская, но и сахаровская). Никто никогда не знает, кто кем командует — туловище головой или голова телом. Голова думает, что командует она, но на деле часто командует тело головой, потому что его потребности сильнее. Мы говорим: враги перестройки, но ведь они не могут быть иными. Любой механик знает: в машине все части друг к другу пригнаны, и мотор, и колесики — все по мысли конструктора. Теперь мы хотим новый мотор создать. Разве можно колесики обвинять в том, что они сопротивляются этой конструкции? Конечно, они должны сопротивляться, они просто не годятся для новой

машины. Силы сопротивления весьма серьезны, но они не имеют альтернативы. Нина Андреева просто жалко выглядит со своими жалкими делами, и Юрий Бондарев проиграл в Сталинграде, когда кричал, работая на лозунгах Сталинграда, — волгоградцы не захотели отдать ему свой голос. Значит эти силы обречены. Можно, конечно, ввести чрезвычайное положение, посадить всех на карточки, перестрелять несколько министров и будет порядок — мыло появится. Это можно сделать, но это ничего не даст — разве что на год-два. Только глубокая перестройка способна изменить страну.

Есть еще мощная партия со своим аппаратом — она сохранилась. Есть государственный аппарат — и он сохранен. Нельзя еще говорить о том, что съезд народных депутатов реально взял власть в свои руки. Какие бы запросы ни делали депутаты — их легко отшвыривают, не желая допускать депутатов к власти.

Вопрос: Ваше мнение о нынешней ситуации и важнейших событиях последнего времени?

Ответ: Как будто существенных перемен еще немного, но дети, которым сейчас пятнадцать, живут в этой обстановке, и через пять лет они будут самой активной силой. То, что они сегодня увидели и услышали, у них никто не отберет.

Важнейшее событие последнего времени — это съезд народных депутатов, где Сахаров предложил декрет о власти. Я бы голосовал за этот декрет, но я уверен: даже если бы Горбачев сказал: «Давайте, товарищи, примем этот декрет» и все проголосовали бы за него, — все равно все оставалось бы так, как сейчас. Точно так же, как в 1917 году объявили, что уже произошла социалистическая революция, на деле она только-только разворачивалась и ничего там такого еще не было. Ведь декреты — это только заявления о намерениях: вот мы, мол, намерены, мы этого хотим. Может быть, в психологическом плане, пропагандистском, сахаровский декрет и имел смысл, но как ты не объявляй, что взял власть в свои руки, от этого мало что изменится. Даже назначение своих министров еще не дает власти. Все гораздо глубже.

Сейчас установилось какое-то двоевластие или даже троевластие. Я сейчас приехал из Латвии, где очень внимательно следил за политическими событиями. Там двоевластие. С одной стороны, партийно-государственная структура, и она еще имеет власть. С другой стороны, Народный фронт тоже имеет реальную и очень большую власть. Еще пример двоевластия: власть партийно-государственного аппарата в целом по стране и власть трудящихся, которые выходят из-под официального контроля. Там, где были забастовки, реальную власть получили забастовочные комитеты. Есть кое-где и элементы троевластия. Допустим, в Эстонии: партаппарат, Народный фронт и «Интердвижение». Ситуация эта очень сложная и опасная тем, что ею могут воспользоваться разные реакционные элементы, элементы диктаторские. А тов. Клямкин, скажем, прямо призывает диктатора. Недавно прочитал в «Московских новостях» его соображения о том, что нужен новый Наполеон. О том же его выступление в «Литературной газете». Мне кажется, что нужно провозгласить лозунг о создании реальной государственной власти. Потому что в условиях двоевластия, троевластия растет преступность. Очевидно, государственная администрация должна четко функционировать. Но при этом необходимо избавиться от идеологических элементов. Всю эту трепотню на тему о «всеобщем счастье» надо оставить — надо нормально кормить людей, надо привести в соответствие с современными требованиями систему здравоохранения, другие системы и надо заставить государственный аппарат четко выполнять свои обязанности. Сейчас этот аппарат выявил свою неэффективность.

Вопрос: Какова сейчас расстановка политических сил в стране?

Ответ: Сейчас страна расколота по нескольким направлениям — по горизонтали и по вертикали. По вертикали: верхи и низы противостоят друг другу. По горизонтали: национальные очаги напряженности в различных регионах. Мне кажется, альтернативы демократизации нет, но демократизация не должна перерасти в анархию, иначе

начнется распад. И тут нужно какое-то соглашение. Нужно, чтобы все здоровые силы, включая силы партии (партия, к сожалению, очень консервативна), это признали.

На многих предвыборных собраниях меня спрашивали: «Как Вы относитесь к многопартийной системе?» Ну, кто может быть против этого? Конечно же, в принципе я за. Всё это очень демократично, но я видел, как работает государственный аппарат в условиях нашей страны. Без партии он не мог работать. По-моему, партия все еще является единственной интегрирующей силой. Согласен, что плохо интегрирующей, но сейчас я не вижу никакой другой такой силы, которая могла бы все охватить.

В интегрирующей силе большое преимущество партии, но ее слабость в том, что она все время опаздывает. По моим расчетам, она, как минимум, на год, а то и на два отстает. Она очень консервативна, и это опасно. Сейчас она должна радикально демократизироваться и быть вместе с народом. Но для этого ей необходимо поменять свой окостеневший аппарат. Надо изменить приоритеты и четко отмежеваться от Сталина. Если до сих пор Сталин остается членом партии, то какое доверие может быть у людей к партии, верхушка которой организовала немыслимо страшные преступления. Надо было бы в государственном масштабе объявить Сталина преступником против человечности, а это тянет за собой «нюрнбергские суды». Партия сегодня могла бы поменять программу, поменять название. Есть разные возможности. Могут быть и разные направления в партии, которые действовали бы вполне свободно. Я не собираюсь давать им советы, я беспартийный, но, по крайней мере, я уверен: они отстают, и это очень опасно.

Демократизация необходима, но если она закончится всеобщим хаосом и всеобщими забастовками, начнется анархия и «русский бунт». У нас зимой 85-го или 86-го года страна чуть ли не оказалась парализованной из-за того, что поезда остановились, уголь не подвозили. Но это только природные условия, а если, не дай Бог, прибавить к этому умышленные действия людей... Поэтому какая-то сила, контролирующая страну, должна оставаться, иначе страна развалится.

Я поддерживаю все устремления прибалтийских народов, но будем смотреть на всё это реально. Что геополитически будет представлять собою страна? Запад, думаю, никогда в жизни не поддержит полный развал этой страны. Меня в Канаде спрашивали: «Украина в этом году выйдет из состава СССР или в следующем?» Я ответил: «Украины как таковой еще нет — ее еще надо создать. Она сама дезинтегрирована: одна часть — украинцы, другая — неукраинцы, и еще есть много людей в этом смысле вообще дезориентированных. Ее еще надо создать — процветающую республику. Чтобы люди любили Украину, чтобы здесь было хорошо, чтобы можно было бы сказать: на Украине жить очень здорово». Вот чего надо добиться. А пока мы погибаем из-за массы проблем, из-за экологической ситуации. Говорить сейчас о выходе?..

И кроме того, я не уверен, что можно отбросить великое государство опять к рубежам Московского великого княжества начала XVI века. Не уверен, что нужно это делать. А значит надо четко представлять, чего мы хотим, какое государство намерены строить.

Если максимально демократизировать федерацию, то, конечно, центр не сможет так жестко командовать республиками. Но это может быть лишь при взаимном согласии. Если такого согласия не будет, возможны очень серьезные последствия. Всякие драматически радикальные решения будут вызывать соответствующую реакцию. Хотя понятно, что право наций на самоопределение вплоть до отделения должно сохраняться. Кстати, у Ленина поначалу *самоопределение* стояло со знаком равенства к слову *отделение*. Он писал *самоопределение наций*, а в скобках — *отделение*. Потом уже появилась более эластичная формула: *самоопределение вплоть до отделения*, т. е. *отделение* уже рассматривалось как крайняя форма самоопределения.

Мы сейчас напоминаем путников, которые идут по очень крутому склону, крутому и опасному, связанные одной веревкой — если один споткнется, повалятся все. Путники разные, не любят, даже ненавидят друг друга, но... связаны одной веревкой. И сейчас дезинтеграция опасна.

Я не хочу видеть кровь, я не хочу, чтобы вешали

политических, не хочу расстрелов. И в этом смысле я всякую революцию отвергаю. Я об этом говорил избирателям, и они были ошарашены тем, что я против революций. Это кому-то может нравиться, а кому-то нет.

В 1987 году я был оптимистом, но сейчас оптимизма поубавилось. Я не могу предсказать ход событий, не могу сказать, как сложится политическая обстановка в стране в связи с выборами. Дело в том, что эти выборы могут нанести полное, а если не полное, то на 90 % поражение аппаратной системе. Для страны это, конечно, не крах, а, наоборот, освобождение, но для аппарата это будет крахом, и они могут вызвать всякие непредсказуемые вещи. Сегодня нам нужно молиться Богу, чтобы он пожалел нашу страну. Хотя вся предыдущая история не настраивает на оптимистический лад — нашу страну Бог не жалел никогда.

Вопрос: Что бы Вы сказали М. Горбачеву, если бы у Вас с ним состоялся пятиминутный разговор?

Ответ: Если бы у меня была возможность говорить с Горбачевым, я бы ему сказал, что я не совсем согласен с Клямкиным в том, что Горбачеву сейчас надо немедленно стать диктатором, но я согласен с тем, что ему надо определиться. Ему надо выбрать, с кем он. Его судьба вызывает сомнения и тревогу, если он останется со своими друзьями — бывшими и ныне уже никуда не годными коллегами (там есть несколько умных людей: Шеварднадзе, Яковлев, Рыжков — это светлые люди, а все остальные производят очень тягостное впечатление).

Горбачев не диктатор, он реальный политик. На него оказывают давление, и он идет на компромиссы. Компромиссы — это хорошо, но когда-то должны быть и принципиальные решения. Вот что я бы ему сказал, но он это и без меня знает.

Сентябрь, 1989.

Лен Карпинский

РЕШИТЕЛЬНЕЕ ИДТИ ВПЕРЕД

От редакции: В июле этого года редактор журнала «Форум» встретился в Мюнхене с известным московским публицистом, обозревателем газеты «Московские новости», одним из основателей клуба демократической интеллигенции «Московская трибуна» Леном Вячеславовичем Карпинским и попросил его ответить на вопросы журнала.

Малинкович. Лен Вячеславович, как Вы оцениваете те перемены, что произошли в Советском Союзе за последние четыре года, за годы перестройки?

Карпинский. Я считаю, что перемены, которые у нас произошли за это время, не просто огромные (это понятие недостаточно ясное), — я думаю, что они носят принципиальный, качественный характер и относятся уже к переменам коренным.

На первое место я бы поставил гласность. Конечно, прыжок из молчащего общества, — общества, которому затыкали рот, в общество свободных высказываний (ну, может быть, еще не в полной мере) является самой главной переменой, которая произошла за четыре с половиной года перестройки. Я это говорю как бы во внутренней полемике с другими точками зрения, которые обычно выражаются такой позицией: «Хватит болтать, пора приниматься за дело!» Надо сказать, что и на прошедшем съезде народных депутатов многие депутаты, выходя на трибуну, говорили о том, что пора, де, решать конкретные вопросы, а не обсуждать общие какие-то вещи и демонстрировать возможность свободно высказаться. Я придерживаюсь другой точки зрения. Я думаю, что пробуждение общественного сознания возможно только в слове, в свободных обсуждениях, и только общество, которое вооружено

гласностью, нельзя признать обществом спящим. Это общество, которое пробуждается и начинает сознавать свои собственные интересы, чего-то хотеть, общество, которое приобрело дар речи. Вот я бы и назвал эти четыре с половиной года таким состоянием, когда общество приобрело дар речи и, следовательно, дар сознания, способного выработать определенные цели. Все-таки человек начинается с идеи, с проекта, с мысленной обработки того, что он хочет, а потом уже речь идет о некоторых практических материальных действиях.

Малинкович. Гласность — это, очевидно, очень много, но все-таки это не вся перестройка. В чем еще Вы видите достижения перестройки и где таких достижений нет или мало?

Карпинский. Общепризнано, что очень мало достижений в экономической области, если иметь в виду конкретный выход экономики, т. е. сам продукт — как сельскохозяйственный, так и промышленный. Хотя и здесь есть сдвиги. Но важно, что благодаря гласности достигнуты принципиальные договоренности относительно той же экономической реформы. Речь идет о многообразии форм собственности, речь идет о развитии совершенно новых отношений на почве аренды, кооперации, хозрасчета, самостоятельности. И поскольку об этом договорились, приняли соответствующие законы, пусть и очень еще несовершенные (например, принят закон о предприятии, готовится закон об аренде), то таким образом и в области экономики появились определенные предпосылочные основания для структурных перемен. Поэтому можно надеяться, что в ближайшие годы и в экономической области произойдут заметные сдвиги. Но здесь пока мы меньше всего преуспели.

Малинкович. А не кажется ли Вам, что сейчас цейтнот, что благодаря гласности общественность стала гораздо более активной и люди уже не могут довольствоваться тем, чем довольствовались бы пять-шесть-восемь лет назад? Они хотят получить все сейчас, немедленно. И в связи с этим появилось движение популизма или, скажем так, движение с требованием немедленных гарантий социальной справедливости, которое выражается и в каких-то забастовках, в

каких-то массовых митингах и т. д. Не чувствуете ли Вы, что сейчас не хватает времени и реальных возможностей для того, чтобы в условиях гласности удовлетворить потребности всех, не вызывая каких-то взрывов, эмоциональных взрывов среди населения?

Карпинский. Я не только это чувствую, я глубоко уверен, что именно в результате развития гласности и опережающего движения этой сферы по отношению к остальным наметился новый разрыв между словом и делом. По сути слово о всесторонней перестройке было произнесено в самом начале. Это политические документы, касающиеся экономики и политической системы, новых общечеловеческих ценностей, на которые мы хотим перейти. С другой стороны, очевидно отставание в практической реализации этих уже выработанных деклараций. Я и мои товарищи иногда называем это «законом велосипедной езды» — когда вы останавливаетесь и начинаете активно вращать рулем и колесом, пытаетесь сохранить равновесие. Долго это продолжаться не может — надо двигаться вперед, либо вы завалитесь вправо или влево. Вот такое состояние. Кстати говоря, на съезде это было сформулировано как главный недостаток, в том числе и политического руководства. Это медлительность, нерешительность, как потом сам М. С. Горбачев сказал, «постепеновщина». Постепеновщина — это не просто постепенный характер развития, это именно медлительность, сбой ритма.

Поэтому я думаю, важна забастовка шахтеров в Кузбассе, которая выдвигает кроме конкретных социальных требований о сменах, о положении женщины, о бытовках, о столовых, также принципы, которые были сформулированы четыре года назад в программе экономической реформы. То есть реальная самостоятельность, самофинансирование, свободное распоряжение продуктом. Уже из одного этого факта видно, что между произнесенным и реально достигнутым наметился разрыв. Я бы даже более резко это сформулировал: уже не тот застой, брежневский, висит над нами, а наметились застойные тенденции внутри самой перестройки.

Малинкович. Но вряд ли такого застоя хотел бы сам Горбачев, вряд ли лидер не желал бы, чтобы страна очень быстро прошла этот переходный период и наконец-то стала на нормальные рельсы. Видимо, есть какие-то силы, которые тормозят процесс и оказывают давление на самого Горбачева?

Карпинский. Конечно, надо предполагать, что такие силы есть, и давление это ощущается. Тут, между прочим, я хотел бы сказать о другом очень важном достижении перестройки. Часто приходится сталкиваться с таким мнением: наше общество как барон Мюнхаузен, который сам себя вытащил за волосы из болота. Как можно рассчитывать на радикальные перемены, если они начаты сверху тем же аппаратом, который сам себя вытащил за волосы из болота. Как можно рассчитывать на радикальные перемены, если они начаты сверху тем же аппаратом, который сам насаждал все эти порядки, монтировал сталинистскую систему? Как можно ожидать, что он возьмется за решительный демонтаж этой системы?

Это очень важный момент. Что показала перестройка? Что такие силы все-таки есть. Они накопились и они развили достаточную мощь за четыре года перестройки. Во-первых, в самом аппарате, партийном и государственном. Сознание людей ведь не только формируется конформистски, т. е. приспособливается к обстоятельствам. Наряду с этим, ввиду противоречивости положения, формируется и негодующее, протестующее сознание. Оно давно начало формироваться в различных кругах общества: в интеллигенции, в том числе и в той же номенклатурной интеллигенции, партийной и государственной; среди рабочих, крестьян, которые не хотели больше мириться с, по сути дела, рабским, послушническим положением. И вот за эти четыре с половиной года такие силы перестройщиков, мне кажется, уже накопились в значительной мере внутри партии и среди того же рабочего класса и среди крестьян, вновь захотевших стать хозяевами земли. Это и силы, сосредоточенные в кооперативах. И мы в немалом количестве видели по телевизору на трибуне съезда эти молодые, сильные и разумные лица.

Но есть и силы, тормозящие процесс.

Малинкович. Что это за силы — конкретно?

Карпинский. А я бы назвал это новым социальным блоком бюрократии и иждивенчески развращенного народа. Речь идет о том, что, конечно, бюрократия (то есть тот же аппарат в определенном его качестве) от перестройки теряет очень много. Теряет свои привилегии и теряет главное — ощущение всевластия, положения вельможности, положения самых важных фигур в истории, которые благодетельствуют другим. Это выбивает, конечно, их из колеи. Эти люди и шли в аппарат для того, чтобы занять такое положение. И это множество людей из рабочих, которые рассуждают примерно таким образом: да, конечно, 600 рублей хорошо получать, но не вкалывая, а работая по-прежнему: приходя на рабочее место, получая свою заработную плату независимо от того, какого качества и какой целесообразности труд выполнен и как он воплощен в продукте. Вот эта вертикаль между бюрократическим аппаратом, не желающим расставаться с привилегией всевластия, и какими-то общественными слоями, не желающими расставаться с привилегией беззаботности и отсутствия хлопотной жизни, отсутствия напряженного труда. Хотя и по минимуму, но они в собесовской системе все же какими-то средствами к существованию снабжались, и гарантированно снабжались. Вот такое единение антиперестроечное, тормозящее, консервативное, я думаю, и составляет ту силу, которая мешает развороту событий.

Малинкович. Т. е., по-Вашему, есть какие-то классовые интересы определенных социальных слоев, которые мешают развитию перестройки. Но не получается ли в этом случае, что даже либералы из партийно-государственного руководства не захотят продолжать перестройку, не захотят, чтобы она пошла дальше этих их классовых интересов. Ведь интересы эти где-то ограничены. Горбачев и другие руководители, искренне заинтересованные в перестройке, видимо, не так видят эту перестройку, как целый ряд других социальных групп и слоев населения страны. Они, возможно, не хотели бы последовательной демократизации, а хотели

бы всего лишь создать здоровое, крепкое государство с какими-то элементами демократии, но вместе с тем централизованное, подчиненное аппарату, стоящему у власти.

Карпинский. Ваше соображение имеет веские основания, от него нельзя просто так отмахнуться. И в Союзе мы постоянно встречаемся с подобной точкой зрения. Попросту говоря: горбатого могила исправит, — такая это точка зрения. То есть люди, воспитанные в прошлые годы, особенно люди аппарата, не хотят и не могут поступаться своими привилегиями и интересами. Но я должен сказать, что у меня вызывает сомнение такая однозначная оценка, и вот почему. Мы при этом однозначно видим только этот интерес — сохранить властные функции. Но ведь есть же еще интересы (и они сформировались давно в людях, их много и у людей аппарата), когда именно творческая радость от результатов деятельности управления начинает становиться необходимой. И этот интерес, по своей силе и по своему импульсу, превышает интерес, связанный с этими самыми классовыми привилегиями. Ну хорошо, весь этот слой управляющий утрачивает свои бюрократические привилегии, но получает высшую человеческую радость и привилегию свободного творческого труда вместе с людьми, на основах солидарности и консолидации. Мне думается, что и нашим людям, воспитанным в другой ситуации, теперь уже не чужды и эти мысли, и эти интересы.

Малинкович. Я с Вами согласен, и я думаю, что нельзя отказывать людям в наличии гражданских чувств — в том числе и руководителям страны. И эти чувства в какой-то ситуации могут быть сильнее, чем чувство классового эгоизма, на мой взгляд. Так что я вместе с Вами разделяю веру в то, что либеральные круги партийно-государственного руководства действительно захотят поставить страну на ноги.

Ну, а как Вы сами? Четыре года назад, весной 1985 года, когда все это только начиналось, предполагали ли Вы, что перестройка пойдет так далеко?

Карпинский. Конечно, в деталях я не предполагал, как

это все будет происходить. Но я должен тогда по-другому немножко поставить вопрос. Я предполагал, что процесс, подобный сегодняшней перестройке, должен был бы с неизбежностью, с необходимостью начаться не четыре года назад, а примерно тридцать лет назад, после 1956 года, когда в результате XX съезда был развенчан Сталин. Но совершенно очевидным сразу стало (для многих, не только для меня), что фигура слетела с торжественного пьедестала, а сам постамент, т. е. авторитарно-административная сталинистская структура, остался. Система способна к регенерации, способна свою голову опять отрастить. И тогда уже было ясно, что идти надо гораздо дальше по пути структурных реформ и в области политики, и в области экономики. Поэтому мое поколение (и таких людей десятки, сотни) сформировалось уже тогда. И в те годы я говорил и писал, что брежневский период, период застоя — это временная, преходящая вещь, что все предпосылки существуют для того, чтобы общество наше вступило в новую пору — пору революционных перемен. Кстати, это больше всего им, тогдашнему партийному руководству, не понравилось, и меня вынудили покинуть партию. Таких людей было много всегда, и было общее предположение о революционном процессе, который, кстати говоря, должен был пойти не путем кровавых столкновений на улице, а, как я тогда выражался, «через вторую сигнальную систему общественного бытия», т. е. опять-таки через слово. Между прочим, Пражская весна 1968 года дала большой опыт того, как такие вещи могут происходить.

Я помню, что многие из нынешних политических лидеров, с которыми мы тогда по работе в комсомоле пересекались, были уже и в те времена так настроены. Ну, например, тот же самый Михаил Горбачев уже около тридцати лет назад, работая в Ставрополе, много говорил о необходимости перехода к совершенно другой системе работы на земле — на основе крестьянского владения землей, на основе производства конечного продукта, а не вот этой суеты бесперспективной. Так что реформаторские идеи формировались уже тогда. Формировался тот социальный блок, который сейчас противостоит силам торможения, а

именно: интеллигенция, в том числе и партийная интеллигенция, и значительные слои народа, уже тогда представленные в таком движении, как бригадный подряд Злобина и в очень многих других инициативах; эти люди почувствовали вкус быть одновременно работником и хозяином, владельцем. Сотни тысяч людей поняли, что если говорить о лозунге «кто не работает — тот не ест», то наше развитие его опровергает: многие плохо работающие хорошо едят и наоборот. Но вот другой тезис: «кто не владеет — тот не работает, или по крайней мере работает плохо» был доказан всей нашей историей. Поэтому-то сознание необходимости перестройки и формировалось в различных слоях населения. И то, что произошло после 1985 года, я бы назвал «пружиной, скакнувшей вперед». Она, эта пружина, была сжата и спрессована — отсюда феномен быстрого разворота на первых этапах перестроечного процесса.

Малинкович. Но по сути процесс демократизации начинался сразу же после XX съезда. Но потом он вдруг затормозился — ушел Хрущев. И надо сказать, что общество как таковое не оказало сопротивления ресталинизации, наступлению того периода, который мы теперь называем «периодом застоя».

Не боитесь ли Вы, что сейчас, в случае, скажем, наступления консервативных сил, общество также окажется довольно пассивным и консерваторам удастся победить?

Карпинский. Боюсь такого поворота событий, поскольку не надо быть фаталистом во взглядах на историю ни с одной стороны. Мы долгое время были фаталистами в отношении абсолютного совершенства нашей модели социализма и революции. Но сейчас не надо быть фаталистом и в том смысле, что процесс демократизации полностью необратим. Хотя я и один из авторов сборника «Иного не дано», но, к сожалению, в истории всегда дано «иное» и всегда есть несколько вариантов, и абсолютной гарантии никто не может дать. Но я верю, что сейчас силы, почувствовавшие вкус свободы, почувствовавшие возможность лучшей жизни, а главное одухотворенные целью вывести страну из позорной отсталости на магистральные пути человеческого развития, гораздо более могуществен-

ные и они окажут самое серьезное сопротивление любой попытке правой реакции.

Малинкович. Скажите, пожалуйста, из событий последнего времени, какое Вы считаете самым важным?

Карпинский. Я считаю важнейшим событием съезд, несмотря на его эклектичность и на то, что, как многие говорят, это был съезд отложенных решений. Но здраво поразмыслив, я думаю, что съезд имеет огромное значение и является важнейшим событием, потому что на нем более-менее адекватно был представлен под сводами Кремлевского дворца образ народа — народа уже умного, заинтересованного, активного. Хотя там разные были делегации и разные, так сказать, крылья. И мне кажется, что решения съезда, сформировавшего не только должностной аппарат и органы власти, но и создавшего зачатки совершенно новой политической структуры в лице вот этих комиссий и комитетов, коренным образом меняет обстановку в стране. Демократическая работа, в частности той же самой интеллигенции, получила теперь естественную крышу, получила организационный приют в тех новых структурах, где теперь появилась возможность серьезно, конструктивно и более-менее спокойно заниматься правотворчеством и выработать решения многочисленных проблем, которые на нас навалились. Кроме того, потенциально очень важным является последующее формирование должностного исполнительного аппарата, когда правительство было пропущено сквозь эти комиссии: огонь вопросов, огонь критики. Наши министры и другие должностные лица никогда в жизни подобного не знали. Это уже очень серьезная вещь.

Малинкович. Да, это, очевидно, существенный шаг вперед. Но, по-видимому, все-таки недостаточный для того, чтобы можно было сказать: государственные органы, высшие законодательные органы страны — это действительно демократические органы. На съезде выявилась специфическая расстановка сил: есть активное демократическое меньшинство из представителей либеральных кругов интеллигенции Москвы и Ленинграда и других городов и республик, с одной стороны, и есть в общем-то консерва-

тивное большинство. Юрий Афанасьев назвал его «агрессивно-послушным большинством». Может быть, это слишком сильно сказано. Ну, а между этими двумя полюсами существует группа депутатов, которые подвижны в своих воззрениях, которые реагируют в зависимости от обстоятельств и от уровня своего сознания и которые, по-видимому, будут политически развиваться. Такова расстановка сил на съезде. А какова, по-Вашему, расстановка сил в стране? Соответствует ли она той, что была представлена на съезде?

Карпинский. Вы знаете, это должны сказать социологи, которые, между прочим, должны повысить свою исследовательскую активность. Но мне кажется, что расстановка сил на съезде лишь приблизительно отразила расстановку сил в стране. Мне думается, что демократическое меньшинство, т. е. радикально настроенная группа депутатов (я не хочу говорить, что это московская группа, — это неверно, потому что обнаружилось, что это всесоюзного масштаба группа), имеет более широкую социальную базу, чем это выявилось в соотношении сил при голосовании на съезде. Может быть, это мои иллюзии или, скорее, мои желания, но я все-таки уверен, что большинство людей хотят скорейших демократических перемен и, конечно же, перемен в области экономики и уровня жизни.

Малинкович. Очень многие советские граждане объединены в различные общественные неформальные организации, народные движения. Эти народные движения пока не имеют возможности свободно представлять свою позицию. Считаете ли Вы, что все эти общественные организации могут получить трибуну только через депутатов-демократов, или необходим для этого какой-то специальный общественный форум? Скажем, параллельный парламент, где бы все эти общественные группы могли свободно обсуждать стоящие перед страной проблемы, выдвигать свои предложения, контрпредложения, альтернативные проекты и т. д.

Карпинский. Нет, я вижу роль и функцию депутатов совсем не в том, чтобы только через них протекало самовыражение общественности, которое сейчас бурно

организуется в различные фронты, группы, фонды и клубы, в том числе — политические клубы и движения. Нет. Роль депутатов (вот почему я говорю о значении съезда) в данном случае заключается в том, чтобы в созданных официальных правотворческих структурах активно содействовать развитию этих движений и выработать статус общественных движений. У нас неоднократно говорилось о том, что на носу разработка и принятие закона об общественных организациях. Роль депутатов заключается в том, чтобы это был закон не об ограничении и подавлении общественной активности, в том числе и политической, а наоборот, чтобы это был правовой документ, который узаконивал бы общественную активность, а она сегодня не может быть не политической. Нельзя говорить о плюрализме мнений, о плюрализме движений, который бы не доводился до политического плюрализма, т. е. до участия общественных групп и организаций в политическом процессе. Иначе это не демократия, а так, можно сказать, аборт, недоносок.

Малинкович. Очевидно, но я хотел бы заметить, что Советский Союз — страна огромная, общественное движение в провинции, к сожалению, не имеет возможности быть услышанным где-то в Москве или, тем более, за границей. И это уже накладывает отпечаток на ход событий. Скажем, о событиях в Средней Азии Москва, да и вся страна, слышит только от депутатов среднеазиатских республик, т. е. никто фактически не знает, о чем говорят, какие проблемы ставят представители общественных движений. Как они могут быть услышаны? Не стоит ли где-то в Москве организовать представительство этих движений? Ведь только там есть западные корреспонденты, ведь подлинной свободы информации в Советском Союзе до сих пор нет: поехать в Алма-Ату и даже связаться по телефону с Алма-Атой, тем более с Новым Узенем практически невозможно, во всяком случае очень трудно. Может быть, необходимо, чтобы московская интеллигенция помогла создать такие условия, чтобы представители провинции, не только национальных республик, но и различных городов России могли быть представлены и услышаны в Москве?

Карпинский. Я не исключаю плодотворность Вашей мысли и возможность создать такой форум, созвать в Москве учредительный съезд различных общественных движений и организаций. Я думаю, что это не исключено и сыграло бы хорошую роль.

Что касается интеллигенции, то мы, организовав столичную «Московскую трибуну», одно из неформальных объединений столичной интеллигенции, сделали ряд попыток (не безуспешных, кстати) вот такого объединительного характера, предоставляя трибуну и приглашая на нее представителей отдельных республик и областей страны, представителей разных неформальных движений, которые у нас выступали и рассказывали о том, как они живут. Делились своим опытом, прислушивались к нашим советам, получая таким образом поощрительные импульсы. Есть и другие формы сотрудничества. Я, например, участвовал в одном из «круглых столов», которые будет регулярно вести «ЛГ»: «стол» специально был посвящен приглашению руководителей и активистов совершенно разных по направлению общественных объединений и движений, которые обменивались опытом. И такие мероприятия будут проводиться и дальше другими столичными центрами.

Но я понимаю Ваш вопрос и как замечание относительно того, что делается это всё недостаточно активно и как-то нецеленаправленно, эпизодически. К сожалению, нет еще четкого проекта содействия развитию общественной самодеятельности.

Малинкович. И последний вопрос, несколько, может быть, неожиданный. Если бы у Вас появилась возможность встретиться с руководителем советского государства Михаилом Горбачевым, что бы Вы ему посоветовали, чтобы Вы ему сказали?

Карпинский. Вы знаете, наверно, я не сказал бы ему ничего нового по сравнению с тем, что уже очень четко и недвусмысленно заявили многие выступавшие на съезде. А именно: есть определенный кредит времени, который, может быть, еще допускает возможность делать два шага вперед — шаг назад и как-то потворствовать консервативным силам и

структурам, которые существуют в обществе. Я понимаю мотив: делается это для того, чтобы не развязать междоусобицу, а, как у нас выражаются, плыть в одной лодке. Но этот кредит времени в конце концов исчерпывается, и то, что сейчас происходило в Кузбассе, Донбассе и в других местах, то, что сказали депутаты съезда, означает: нужно решительнее идти вперед. В конце концов есть большая разница между переходным периодом с его объективными ритмами и существующим сейчас искусственным промежуточным, половинчатым состоянием, которое создается недостаточно решительными шагами. Надо сказать, что Михаил Сергеевич и без нашей предполагаемой встречи это все выслушал и признал. И главное в его заключительном слове было: да, надо действовать решительно!

ВСТРЕЧА ДВУХ МИРОВ НА СЪЕЗДЕ ДЕПУТАТОВ*

1 июня Юрий Власов, ошеломленный овациями, которые устроило на съезде большинство депутатов генералу Родионову, руководившему кровавой бойней в Тбилиси, воскликнул: «После этих оваций для меня очевидно: размежевание практически неизбежно — это различие в понимании самих основ жизни».

2 июня в огромном собрании людей, которые волей исторических обстоятельств были призваны стать первым в нашей стране парламентом (после Учредительного собрания, разогнанного в 1918 году), но пока еще смутно представляют себе, что такое парламент, разыгралась, пожалуй, еще более страшная и потрясающая сцена. На трибуну вызвали комсомольца-функционера из Черкасс, потерявшего ноги в Афганистане. Трудно было бы найти более подходящую кандидатуру для выступления, цель которого состояла в том, чтобы обвинить Андрея Дмитриевича Сахарова в посягательстве на честь Советской Армии. Заодно этот же депутат Червонопиский обвинил парламентариев четырех республик (Прибалтики и Грузии), протестовавших против использования войск для разгона митингов и убийства мирных граждан, в «политиканстве» и в том, что народные фронты готовят «штурмовые отряды». Таким образом, психологически и политически прорвалась потребность сплести в один жгут и рассчитаться сразу со

* Леонид Михайлович Баткин — советский историк, автор книг по истории итальянского Возрождения, один из организаторов клуба «Московская трибуна».

Полный текст статьи по-русски публикуется впервые. Сокращенный (примерно на одну треть) вариант был напечатан в еженедельнике «Московские новости» 5 июня 1989 г.

всем чуждым, пугающим и ненавистным: помилованным, но продолжающим мутить воду Сахаровым, интеллигентами, бубнящими что-то о демократии, неформалами, выводящими уже сотни тысяч людей на митинги, освободительным подъемом национальных окраин. Немедленно к микрофону выстроилась целая очередь тех, кто спешил принять участие в публичном шельмовании лауреата Нобелевской премии мира. Звучали все более грубые и бессмысленные оскорбления, которым невозмутимо внимал председательствующий Лукьянов и похлопывали в президиуме.

Люди в президиуме съезда, между прочим, в эти сладкие минуты беззаботно проматывали капиталы «нового мышления», долгими месяцами наживавшиеся улыбчивым и умелым Шеварднадзе среди западной общественности. Эдуарда Амвросиевича — вот кого действительно стоило бы пожалеть, глядя на очередной съездовский «момент истины». А Сахарова жалеть не нужно. Он ведь сам выбрал свою судьбу, он пережил гораздо, гораздо худшее, притом в полной изоляции и безвестности. Вчера же он стоял перед телекамерами. Страна и мир, затаив дыхание, следили за тем, как Сахаров говорил то, что он считал нужным, медленно и безыскусно подбирая слова, но, как всегда, с полной определенностью, честностью, твердостью и с непривычным для этого человека невольным, продиктованным ситуацией, пафосом. Он попытался защитить не себя и свою репутацию (она в этом не нуждается, имя Сахарова давно уже и навсегда принадлежит к числу самых дорогих имен России и человечества), но истину и нас, сидевших у телевизоров, *нашу* репутацию, достоинство своей злосчастной родины. Ему почти не давали говорить. Сахаров сказал, что не хотел бы задеть солдат, старательно и храбро выполнявших приказы в афганском аду, но напомнил, что сами приказы были преступными, что это была позорная война, настоящая агрессия против народа, который, поначалу практически безоружный, затем научился обращаться со «стингерами» и сумел в конце концов отстоять свою свободу, заставив чужеземцев убраться восвояси.

«Это был наш позор и страшный грех», — сказал Сахаров.

Да, за 9 лет погибло около 14 тысяч советских парней и многие остались искалеченными. Во имя чего? По чьей вине? И как можно, жалея «афганцев», т. е. тех, кто вынес эту необъявленную колониальную войну, называть их почему-то интернационалистами, упорствуя тем самым в гнусной брежневской пропагандистской лжи и не желая вспоминать о других цифрах: о шести-семи миллионах беженцев и примерно, о *миллионе* убитых настоящих афганцев, т. е. жителей Афганистана? А всего, значит, более миллиона жертв, в которых непосредственно виновны высокие начальствующие лица СССР, в том числе, кстати, и подавший 2 июня свой благородно негодующий голос маршал Ахромеев. Ну, и косвенно виновны *мы все*, боявшиеся открыто выступить против имперской афганской авантюры и, следовательно, во спасение от гибели и увечий, физических и моральных, наших парней и в защиту репутации Советской Армии.

Виновны, конечно, также те, кто вчера вырывал друг у друга микрофон, чтобы оскорбить Сахарова. И *единственный* человек в партере и на сцене съезда, а может быть, и в целой стране, который абсолютно невиновен в беде «афганцев», был именно тот, кого поносили народные (Боже ты мой!) депутаты.

Но Андрей Дмитриевич возразил только, что считает горьковскую ссылку себе в награду. Это и были необычные для человека, привыкшего говорить сдержанно и кратко, возвышенные слова, вдруг выразившие его волнение и бесконечную горечь.

Разумеется, Сахарову не могло бы прийти в голову ответить рассвирепевшим военным, что он в молодости помог им обзавестись водородной бомбой, оказавшейся полезней для обороны, чем тысяча маршалов и генералов. Так что армии следовало бы, в знак благодарности что ли, выслушать то, что академик считает необходимым сказать о ее действиях, и возражать Сахарову хотя бы вежливо, если не почтительно.

Разумеется, самому Сахарову не могло бы прийти в голову сообщить депутатке Казаковой, которая призналась, что ничего о нем до сих пор не знала и не могла ответить

избирателям, относительно важной роли, которую он сыграл при Хрущеве в прекращении всяких испытаний ядерного оружия, кроме подземного. Депутатке Кравченко, матери двух *здоровых* (может быть, благодаря этому) сыновей, стоило бы только ради одного этого сахаровского деяния прежде, чем выходить на трибуну, поразмыслить, в чем смысл высказываний этого неустрашимого, старого и больного человека, о котором она только слышала, как о великом ученом.

Вот такая сцена негодования простых людей. Толкуют о недопустимости раскола, имея в виду группировку депутатов вокруг разных платформ, идей, предложений — т. е. обычную организацию парламентской борьбы. Но натравливание депутатов на «демократическую левую» или на Прибалтику, видимо, расколом не считается — это дело полезное.

От Сахарова требовали ответа, на чем основывалось его (сделанное вскользь, в совершенно ином контексте: как вызволить тех, кто попал в плен к афганским партизанам) замечание о некоторых мерах советского командования. Академик пояснил, что имел в виду сведения, распространенные западными средствами массовой информации. Кстати, за рубежом продолжается самое серьезное расследование этих сведений, пока не опровергнутых. Возможно, Андрей Дмитриевич, доверившись им и не имея в своем распоряжении доказательств, сделал ошибочный шаг, проронив фразу, попавшую в печать. Гораздо серьезнее, однако, заявление о «штурмовых отрядах» в Прибалтике и Грузии, и комсомольский депутат обязан был в свой черед ответить, откуда он взял эти сведения? Может быть, из черкасских средств массовой информации? Или ими снабдили его уже в Москве?

Но советскому народу следовало бы обдумать в связи с конкретным политическим содержанием показанного ему «сахаровского эпизода» на съезде вот какие весьма существенные вещи, неизмеримо выходящие за пределы этой сцены.

Прежде всего, афганская война, самая длительная и позорная в истории России XX века, наконец-то закончена. Безусловное и полное прекращение вооруженного вмеша-

тельства в дела афганских народностей и племен — заслуга нынешнего руководства страны. Молодые люди, побывавшие на этой войне, нуждаются в помощи государства и в принципе заслуживают нашего сочувствия. Но по-прежнему не обнародована вся ужасающая правда об этой войне. Не только не выяснен в деталях механизм принятия подобного решения, но и не дана политическая оценка самому характеру агрессии в Афганистане и, особенно, методам ведения военных операций. Во всем мире считается бесспорным, что в Афганистане наша армия (не все люди, воевавшие там, и, само собой, не все даже воинские части — речь лишь о суммарной картине) прибегла к таким действиям против мирного населения, а также пленных, которые в международных правовых конвенциях, нами подписанных, квалифицируются как преступления против человечества. Надо или разубедить мир, опровергнуть горы собранных улик относительно *советских зверств* в Афганистане, или судить виновных и очиститься от скверны. Кроме того, известно, что и в Афганистане была «дедовщина», наркомания и прочие прелести, свидетельствующие о разложении в армии, а не только о доблестных боевых делах. Понятно, почему психологически Сахаров отнесся с доверием к сообщениям о страшных приказах советского командования в Афганистане: ведь подтвердились сообщения о других, не менее страшных приказах. Десантный полк из Кировабада, действовавший ночью 9 апреля в Тбилиси, ранее воевал в Афганистане. Мне было стыдно слушать умиленные слова Червонописского о том, как эти ребята «спасали афганских женщин и детей». Нет, не милосердию, а жестокости учила война. Не спасать, а убивать она учила ребят. Вся правда об Афганистане, исключаящую, как это ни печально, фальшивую романтизацию и героизацию тех, кому выпала тяжкая доля воевать там, и тем более не уступающее по цинизму сталинским временам манипулирование словом «интернационализм», — всю правду мы обязаны знать. И все равно ведь узнаем!

От этого в немалой степени зависят восстановление душевного здоровья народа и перспективы нашей хилой младенческой демократии — той самой невинной девчушки,

о которой поведал на съезде красноречивый поэт Олжас Сулейменов, забыв только упомянуть, что девочка пока доверена заботом аппаратно-бюрократической бандерши.

Теперь о чести Советской Армии. Незачем врать о каких-то злокозненных нападках на нее со стороны прессы и либералов. История армии — часть общей нашей истории, в которой были и *продолжаются* Новочеркасск и Тбилиси. Мы не смеем забыть, что армия, освобождавшая от нацизма Будапешт и Прагу, вошла туда снова, уже вовсе не в роли освободительницы, в 1956 и в 1968 позорных годах. Не Сахаров кладет пятно на нашу армию. Брежневская доктрина, оправдывавшая вторжение войск СССР в любую страну социалистического лагеря, где события развивались бы неприятным для тоталитаризма образом.

Но это история, хотя и до сих пор у нас замалчиваемая. Между тем, насаждение милитаристской идеологии и психологии со школы, в духе солдафонской всесоюзной детской игры «Зарница», — это вряд ли целиком только прошлое. Обработка общественного сознания лозунгами о «нашей родной армии», «детище народа», как выразился один из депутатов, продолжается на этом съезде. А нельзя ли без привычного военно-патриотического угара, трезвее и ответственнее? Ответственнее именно с точки зрения реальных интересов обороны страны, а также интересов живых солдат и офицеров, а не бумажных идеологических манекенов.

Армия — необходимая и крайне важная часть государства. Не менее важны, впрочем, органы МВД, прокуратура, суды и т. д. Никто почему-то не говорит о «родных судах» или, например, о КГБ как «детище народа». Довольно традиционной пустой риторики. Надо полагать, что если срочная служба для солдата перестанет быть такой унижительной и бессмысленно тяжелой, с полным отрывом от родного края и близких, с уголовно-лагерной «дедовщиной», с бесправием нижних чинов, с отвратительными условиями быта, с принудительным трудом в так называемых «стройбатах», с неполучением настоящей военной квалификации, — это и будет укреплением нашей обороноспособности, демократическим и цивилизованным отношением к армии взамен «любви всего народа».

Надо думать, что если наше кадровое строевое офицерство перестанет влачить неустроенное, жалкое, зависимое существование с протекционизмом по иерархической вертикали, незаконными привилегиями военных верхов, зловещей ролью созданных при Сталине «политорганов» (все, как и на гражданке, да и могло ли быть иначе?) — такая радикальная демократическая и профессиональная перестройка армии как раз и будет тем, в чем боеспособность армии и ее офицерство до крайности нуждаются (вместо сталинско-брежневских словесных штампов).

Итак, что же происходило на первом съезде народных депутатов после восьми дней его заседаний?

Юрий Власов прав: усиливается и оформляется размежевание депутатов по самым глубоким исходным духовно-политическим позициям. Я вглядываюсь в лица на телеэкране, пытаюсь оценить не только объективное содержание, но и социально-психологическую подоплеку выступлений. Думаю, что несколько размашистое определение Юрием Николаевичем Афанасьевым «агрессивно-послушного большинства», хотя и подтверждается — внешне и шумливо — в поддержке генерала Родионова и озлоблении против Сахарова, все же требует существенной корректировки. Съезд, как и страна, не делится на два цвета, на черное и белое. Конечно, встречаются и сталкиваются два понимания самих основ жизни, два типа социально-политической ориентации, *два мира — демократического и недемократического сознания*. Однако на съезде, как и в стране, существует также центр. Он, как и полагается центру, колеблется. Вот почему поначалу примерно к 400 последовательно демократическим, радикально настроенным депутатам при некоторых голосованиях присоединялись еще 200-400, а то и более голосов.

Среди тех, кто хлопал Родионову и шикал на Сахарова, нужно различать не менее трех категорий (а на деле есть еще, как всегда, социологически неуловимые, сугубо индивидуальные особенности и различия).

Во-первых, это те, кто отлично информирован и знает, что он делает (и их подручные). Эти депутаты отстаивают свои социальные интересы и положение.

Во-вторых, немало депутатов, которые, сидя среди «своих», в кругу областной и республиканской «делегации», под бдительным оком своего «первого секретаря» и пр., робеют или просто боятся голосовать не «как все», по собственной совести.

В-третьих, по-моему, немало и таких (за стенами съезда их, может быть, миллионы), которые плохо ориентируются, подвластны собственным предрассудкам, застарелым пропагандистским клише, лишены какой-либо политической культуры и неспособны пока еще осознать собственные социальные интересы, как только дискуссия выходит за границы их непосредственного жизненного опыта. Но это субъективно искренние, хорошие люди. Их еще будет просвещать ход политической борьбы, их не надо отталкивать и списывать в это «агрессивно-послушное большинство». К ним непозволительно относиться свысока, за их умы и совесть стоит повоевать. Но для этого демократические депутаты должны объединиться и создать, как это предложил на утреннем заседании 27 мая Гавриил Филиппович Попов, независимую межрегиональную группу вокруг идей радикализации структурных реформ — идеи *перестройки перестройки*.

Съезд уже раскололся. «Консолидация» в смысле приснопамятного «единодушия» была бы гибелью. Да и невозможна. Необходима, однако, взамен демагогических речей и разгула непросвещенных страстей кристаллизация разных платформ перестройки и оформленных политических позиций. Не стенка на стенку, не беспорядочные и случайные столкновения, а такая конфронтация, в которой был бы совершенно отчетливый и понятный для населения разумный, конструктивный смысл, то есть, *открытое и последовательное сопоставление* предлагаемых спорящими на съезде группами путей выхода из тягчайшего социального и государственного кризиса. Иными словами, реально уже свершившаяся и бывшая заведомо неизбежной конфронтация должна принять цивилизованные парламентские формы в виде диалога между большинством и оппозицией.

Кажется, мы на свой лад и пока еще очень издалека подходим к польскому раскладу. У нас, конечно, все будет

происходить непредсказуемым образом. Не берусь я говорить и о сроках. Но конструктивная оппозиция, опирающаяся на массовое движение избирательных клубов и народных фронтов, исторически поставлена уже в повестку дня. В ней, такой оппозиции, абсолютно единственная, как это подтвердила Польша, хотя и драматическая, трудная возможность для М.С. Горбачева и его сторонников в аппарате избежать катастрофы посредством диалога с независимыми от них людьми и движениями. Если это еще не для всех и не вполне очевидно сегодня, завтра это будет более болезненным и, может быть, запоздалым.

3 июня 1989 .

Новая книга:

ЗОЛОТОСЛОВ

Поетичний космос Давньої Русі

УПОРЯДКУВАННЯ,
ПЕРЕДМОВА ТА ПЕРЕКЛАДИ
МИХАЙЛА
МОСКАЛЕНКА

КНІВ ✦ ВИДАВНИЦТВО ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ «ДНІПРО» ✦ 1988

*Вячеслав Игрунов**

В ПЕРВОМ КЛАССЕ

(Оппозиция после съезда депутатов)

После съезда народных депутатов в неформальных группах происходят разнонаправленные процессы. Один из них связан с некоторым разочарованием, которое испытывают многие неформалы, — разочарованием, обусловленным поведением наших либеральных депутатов и контактами с этими депутатами.

Надо сказать все же, что либеральные депутаты, несмотря на то, что во многих случаях они вели себя достаточно эффективно и активно боролись (а в некоторых случаях их борьба заслуживает восхищения), в общем не оправдали тех надежд, которые на них возлагали. Во-первых, они часто запаздывали со своими выступлениями, а во-вторых, так до конца съезда они не достаточно хорошо организовались.

После этого связи с депутатами резко ослабли. Очень много сил ушло на то, чтобы установить контакты с депутатами, достичь сотрудничества с ними. Это сотрудничество имело положительное влияние не только на работу отдельных депутатов, но, возможно, и на ход всего съезда. Однако, как мне кажется, это не в достаточной мере оценено самими депутатами.

Кроме того, все-таки сохраняется некоторая дистанция между депутатами и их избирателями. Депутаты живут как бы собственной жизнью. Их включение в общественную жизнь, во всеобщую общественную жизнь, создание вертикальных структур от неформалов до депутатов, до

*Вячеслав Игрунов — руководитель Московского общественного информационного центра, активный участник демократического движения, в прошлом политзаключенный.

органов власти все-таки происходит чрезвычайно медленно. И это вызывает как бы переориентацию многих неформалов, и при подготовке к следующим выборам уже многие неформалы собираются ориентироваться на людей из межрегиональных клубов избирателей.

Лидеры избирательских коллективов из различных городов призывают в Москву, ищут контактов с москвичами. Но и здесь есть очень серьезные трудности. Скажем, существует несколько групп избирателей, которые хотели бы оказывать помощь депутатам. Но существует лидерская конкуренция между ними. Ну, например, существует клуб избирателей при Академии наук. Это наиболее организованная группа, но она воспринимает все другие группы избирателей как конкурентов. Они не против того, чтобы воспользоваться информацией других избирательных групп, но сами своей информацией не только стараются не делиться, а и предпринимают определенные усилия, чтобы эта информация была доступна только депутатам и ни в коем случае о ней не знали другие неформалы. То есть идет некая борьба за приобретение высокого статуса в этой структуре.

Наконец возникло Межрегиональное объединение депутатов.

Мое отношение к этому объединению двойственное. С одной стороны, совершенно очевидно, что происходит серьезный политический рост депутатов. Как я в последнее время часто говорю: создается ощущение, что депутаты перешли из детского сада в школу — они учатся работать организованно, учатся вырабатывать конструктивные решения. Но они находятся еще в самом-самом начале этого пути.

А с другой стороны, у меня сложилось странное отношение к этой группе в связи с тем, что конструктива у них пока достаточно мало все-таки. Сама Межрегиональная группа достаточно разношерстна. Она включает несколько категорий депутатов разной направленности, с разным уровнем политической зрелости. И это не делает группу перспективной. Я не думаю, что она в том виде, в котором она сейчас существует, долго продержится. Думаю, что будут происходить изменения.

Хочу сказать и следующую вещь: сегодня еще у этой

группы нет серьезных программ, нет серьезных идей и нет серьезных предложений — ни для Верховного Совета, ни для съезда народных депутатов. Как мне кажется, нет серьезной программы, которая могла бы изменить ход перестройки.

В выступлении Юрия Афанасьева, которое было блестящим и встречено овациями, выражена определенная, довольно четкая позиция, но не было предложено каких-либо конструктивных решений или конструктивных подходов.

По-видимому, депутаты очень смутно себе представляют, каким образом следует действовать. Причем это касается совершенно различных областей, даже таких, казалось бы, уже разработанных этим контингентом людей, среди которых много профессионалов, как экономика. Было, например, замечено, что необходимо противостоять антикооперативным тенденциям в правительстве, которые сейчас наметились, и было найдено «решение». Да, будем защищать кооперативы, но одновременно необходимо усилить борьбу со спекуляцией. И Тихонов выступил с речью, которая снова призывала как бы к силовым приемам и к борьбе не с причинами, а со следствиями нынешней экономической системы. И заключая это собрание, Гавриил Попов сказал о кооперативах, что, конечно, нам нужно бороться с теми кооперативами, громадными кооперативами, которые нажили состояние на спекуляции и в общем-то срастаются с мафией. В сущности, все эти представления — доперестроечные.

Другая вещь, которая меня смутила, — это выборы председателя. Многим депутатам после кулуарных бесед стало ясно, что не стоит избирать одного председателя. Наиболее вероятной кандидатурой был Ельцин. Сначала муссировались два варианта: Афанасьев и Ельцин, но Афанасьев в частной беседе категорически отказался от того, чтобы быть председателем. Осталась кандидатура Ельцина, и постепенно возникла идея избрать нескольких сопредседателей. Этих сопредседателей избрали, но уступили первый год Ельцину. Т. е. это были, по сути, не сопредседатели, а сменные председатели. Депутат Болдырев выступил против этого, настаивая на том, чтобы все решалось совместно,

консенсусом, или же чтобы были кратковременные председатели — сменные, но кратковременные председатели. И вот здесь разразился почти скандал.

Оказалось, что подавляющее большинство зала против этого предложения. Подавляющее большинство хотело бы видеть одного председателя, и этим председателем должен быть Ельцин. Но несколько депутатов оказали достаточно серьезное сопротивление этому, и в ходе обсуждения выступил Афанасьев и сказал, что он, послушав обсуждение, пришел к выводу, что действительно нужно работать консенсусом. В конечном итоге, после очень длительных дебатов (они проходили минут сорок, не меньше), было принято решение о работе консенсусом.

Но в ходе этих дискуссий выявилась совершенно чудовищная картина. Очень многие депутаты вставали и говорили: как бы вы посмотрели на то, чтобы армией командовало сразу пять полковников. Нам нужен один генерал. И многое, многое другое. Фактически значительная часть депутатов рассматривала эту группу как боевой отряд, который должен быть дисциплинирован, подчиняться воле одного человека и т. д. Очень много таких моментов проявилось — разнородность депутатов, их разношерстность чудовищна. И у многих представления совсем не демократичные. При этом депутаты вскакивали, кричали яростно, готовы были даже накинуться друг на друга. Так проходило обсуждение кандидатуры председателя.

В этих условиях рассчитывать на какую-то единую программу, безусловно, нельзя. На конструктивную, пожалуй, можно, хотя, повторю, до сих пор серьезных подходов не видно. Это подходы нарождающейся оппозиции, а не подходы включенных в серьезную политическую деятельность людей.

Но это школа. У нас не было времени учиться. Другое дело, что ситуация не оставляет времени. Ведь политическая ситуация в СССР развивается стремительно. То, что произошло с забастовками, вероятно, как бы спустило крючок и, думаю, теперь неуправляемость ситуации в Советском Союзе будет только нарастать. В этом смысле, конечно, нам надо было бы уже иметь готовое представление

о том, что происходит, понимание процессов и некоторые рецепты. Но, боюсь, эта группа депутатов не очень способна выработать их. Почему? Потому, что они не готовы прислушиваться к мнениям, которые существуют за пределами корпуса депутатов.

Когда я присутствовал на их встречах, возникало такое ощущение, будто депутаты считают, что весь набор идей у них уже присутствует, надо только выбрать правильно линию, и все будет хорошо. Отбросить идеи ложные и утвердить идеи верные. А прислушиваться к идеям, которые идут со стороны, создавать вокруг себя институты экспертов, они пока не склонны. Они пока очень негативно встречают всякие рекомендации со стороны. Это, конечно, затрудняет политическое развитие и, боюсь, делает невозможным серьезный прогресс.

Правда, это не касается всех депутатов. Отдельные, особенно молодые, готовы прислушиваться и готовы работать с кем-то в связке. Тем не менее, это, скорее, исключение из правил.

Депутатская группа, видимо, еще не созрела для принятия конструктивных решений, но и неформалы не способны сейчас создать серьезное параллельное объединение. Не способны, во-первых, потому, что те же самые тенденции существуют и у неформалов. Сложившееся положение — это благоприятная почва для конкуренции, для создания собственного престижного статуса или для повышения его. Этим занимаются и депутаты, и неформалы. Неформалы свое общение с депутатами используют для того, чтобы утвердиться, самоутвердиться, и пытаются монополизировать положение.

Уже через день после встречи депутатов Межрегиональной группы была создана группа экспертов, которая будет заниматься разработкой политических и прочих программ, которая попытается предложить свои услуги Межрегиональной группе депутатов, но не только ей. Имеется в виду оказание помощи нарождающимся политикам, как бы второй волне политической молодежи. Я думаю, что в рамках этого замысла может сформироваться и мозговой трест, который будет способен предложить некоторые

программы и сумеет привлечь молодежь, которая будет эти программы реализовывать.

Но, к сожалению, это довольно медленный путь. Еще есть ряд программ в этом же направлении — в направлении формирования мозговых центров и разработки проектов. Если эта точка зрения довольно быстро завоюет нашу, в общем-то немногочисленную интеллектуальную элиту, то вокруг нее сможет сформироваться достаточно серьезная команда, которая включит и неформалов, и только-только включающихся в политику рядовых граждан страны. Но, опять же, к сожалению, наша интеллигенция тоже не проявляет очень большого интереса к подобного рода начинаниям. Здесь вновь-таки есть желание контролировать любое начинание, в которое ты включился. Не развивать инициативу, а как бы руководить инициативой. Это бесперспективный путь.

В какой-то мере посредником между депутатской группой и неформалами может стать клуб столичной интеллигенции «Московская трибуна». Я думаю, что группа экспертов будет состоять главным образом как раз из членов «Московской трибуны». Во всяком случае центральными фигурами экспертной группы уже сейчас становятся именно они. Но я хочу сказать, что и в «Московской трибуне» тоже есть некоторое высокомерное похлопывание по плечу молодежи. К примеру, в эту экспертную группу было приглашено только два человека из молодежи. Хотя меня молодым человеком (мне сорок лет) уже не назовешь. Это тоже характерная деталь. Хотя я думаю, что среди молодежи есть много людей, понимающих в политике. Есть немало, скажем, молодых политологов более высокого класса, чем представители «Московской трибуны». Я уверен, что их больше среди молодежи. Вот так. Но «Московская трибуна» этого еще заметить не может. Потому что существует убежденность: доктора наук, которые проели зубы на истории или социологии, понимают ситуацию лучше. Я боюсь, что это высокомерие может помешать созданию настоящего ядра вокруг «Московской трибуны». Причем я должен сказать, что это неосознанное высокомерие — большинство из наших звезд ни за что не согласится с

мнением, что они относятся свысока к молодежи.

Предпринимаются попытки как-то объединить неформалов. Прошло две встречи так называемого «Круглого стола», где было решено объединить усилия в том, что, во-первых, касается выборов, а во-вторых, помощи народным депутатам.

К сожалению, объединение «Круглого стола» оказалось не очень работоспособным. Скажем, исчезновение одного, двух человек из Москвы привело к тому, что в течение месяца следующей встречи не было, хотя темп требует очень серьезной совместной работы и очень быстрой работы. Этого не происходит. Поэтому, несмотря на то, что «Круглый стол» был основан на принципах куда более удобных и приемлемых, чем, скажем, Московский народный фронт, он, тем не менее, не стал пока в достаточной мере работоспособной организацией.

Сейчас очень серьезную опасность, в частности в Москве, представляет такое явление как популизм. Он проявил себя и на совещании Межрегиональной группы депутатов, и в среде неформалов. Московский народный фронт, а вслед за ним Российский народный фронт и, отчасти, Конфедерация анархо-синдикалистов ориентируются на популизм. Сейчас авторитет Московского народного фронта среди части неформалов довольно сильно упал, однако интеллигенция, которая не очень сильна в политической жизни, еще внимательно к нему присматривается и, кроме того, Московский народный фронт приобрел довольно много поклонников в менее образованных strataх москвичей.

Есть, правда, и обнадеживающие тенденции. Недавно прошло расширенное заседание совета клуба «Демократическая перестройка», где обсуждались вопросы развития Социал-демократической ассоциации, вопросы ее стратегии. И там тоже вопросы сотрудничества и участия в политической жизни, в избирательной кампании были центральными. Сейчас это занимает умы многих. Но, повторяю, пока еще нет ни лидеров, которые могли бы ускорить этот процесс, ни интересов к такой совместной деятельности. Т. е. нет глубокого интереса, который бы заставлял работать очень

интенсивно в этом направлении. Теоретически Социал-демократическая ассоциация, если удастся как-то достичь совместной договоренности различных входящих в нее групп и появятся какие-то лидеры, может стать ядром конструктивной оппозиции, но практически все как раз упирается в лидеров. Лидеров, которые могли бы быстро сформировать из Социал-демократической ассоциации серьезный блок интеллектуалов и избирателей, пока не видно. Беда в том, что мы находимся в цейтноте, и если достаточно быстро не будет преодолена вот эта стена, не позволяющая создать мощный демократический блок, мы окажемся в политическом кризисе.

Август, 1989

Эрнест Аметистов

«ТВЕРДАЯ РУКА» ПОГУБИТ СТРАНУ

Находясь с визитом в ФРГ, московский ученый, доктор юридических наук Э. М. Аметистов дал интервью редактору журнала «Форум».

Малинкович. Эрнест Михайлович, в стране сейчас происходят события, которые иначе как революционными не назовешь. Сейчас там происходят такие изменения, которых, видимо, мировая история до сих пор не знала. Огромная страна — почти 300 миллионов граждан, многонациональная страна, страна, которая находится в состоянии экономического, политического кризиса, — сейчас перестраивается.

До сих пор подобные процессы в истории сопровождались, как правило, кровавыми эксцессами. В Советском Союзе, слава Богу, все происходит пока благополучно, но тем не менее какие-то дестабилизирующие факторы там очевидно, есть. Что, по-Вашему, может дестабилизировать обстановку, и действительно ли реальна угроза, о которой сейчас так много говорят, что страна через какое-то время погрузится в хаос, что всё идет к катастрофе.

Аметистов. Вы задаете, пожалуй, вопрос, на который мне давно хотелось ответить, по поводу которого мне давно хотелось высказаться. Так что я благодарен за эту возможность.

Действительно, когда я уезжал из Москвы, настроение было весьма тревожным, я бы сказал даже нервным, особенно в некоторых кругах интеллигенции.

Такое впечатление, что некоторые ожидают некоего апокалипсиса, по крайней мере, средних размеров, если не всеобщего. И вот возникает вопрос: насколько реальны эти опасения и есть ли в общем-то серьезные причины, которые

могли бы привести к такому печальному повороту событий? Как на этот вопрос ответить? Конечно, очень трудно.

На мой взгляд, довольно серьезные причины для опасений есть.

Я бы сказал, что мы сейчас находимся в типичной ситуации переходного периода, который всегда характерен нестабильностью, неустойчивостью. Прежде всего это, конечно, широко известная экономическая нестабильность, все более и более ухудшающаяся ситуация на рынке, все больше и больше пустых полок в магазинах. Отсюда вполне естественное раздражение и недовольство людей.

Во-вторых, это явная нервозность и даже страх определенных кругов, обладающих властью, перед совершенно реальной перспективой того, что эта власть из их рук уходит. Особенно серьезным предостережением для них были результаты мартовских выборов и все события — исторические события, я бы сказал, — которые после этого последовали. Я имею в виду и созыв съезда, и сессию Верховного Совета, и принятые там решения.

И вот эта нервозность, эта, я бы даже сказал, паника проявилась в ряде случаев довольно открыто. Вспомните, какие панические настроения проявились среди партийной бюрократии на апрельском пленуме ЦК, на пленуме Московского комитета. Плюс вспомните о волне забастовок, прокатившейся в июле. Эти забастовки, кстати говоря, особенно воздействовали на ментальность аппаратных кругов. Потому что, знаете, они всю жизнь клялись именем рабочего класса, а тут рабочий класс показал, что он, извините, совсем не с ними. Отнюдь. И отсюда возникают, конечно, такие настроения: может быть, нужно принять срочные меры, чтобы прекратить такое развитие.

Малинкович. Но есть еще и какие-то объективные события, которые вызывают беспокойство. Например, конфликты на межнациональной почве.

Аметистов. Да, конечно, конечно. Я и об этом хотел сказать. Конечно, очень серьезные события происходят в целом ряде республик и регионов, которые в общем-то носят объективный характер.

Возникает вопрос: возможен ли в этой обстановке поворот к каким-то формам диктатуры и подавления демократии, или даже, может быть, переворот? Тоже вопрос крайне серьезный, и ответить на него однозначно трудно.

Да, действительно силы, которые хотели бы установить диктатуру, есть, и они достаточно могущественные. Но давайте, подумаем, кто мог бы взяться за это, взять на себя ответственность. Я присутствовал на собрании Межрегиональной группы народных депутатов, на учредительном ее заседании, и там выступал один из депутатов, полковник Мартиросян с Украины. Он всегда очень темпераментно выступает. И он как раз говорил о такой ситуации, говорил о том, что кое-кто рассчитывает в этом случае на армию. «Но мы, — заявил он, — не «черные полковники», пусть на нас не рассчитывают.» Я хочу этим сказать, что и в армии-то отнюдь не однозначная ситуация, и если кто-то рассчитывает на нечто вроде военного переворота, это не так уж просто будет осуществить.

Малинкович. Но, простите, в армии единоначалие все-таки, и не полковник Мартиросян решает, а скорее генерал-полковник Родионов или кто-нибудь другой, еще более высокого ранга.

Аметистов. Конечно, есть авантюристы, есть и, назовем прямо, сумасшедшие (они есть в любой стране). Иначе как сумасшествием я бы не назвал то, что могло бы произойти. Предположим, произошли бы у нас нежелательные события, скажем, по чилийскому или по польскому, образца декабря 1981 года, варианту. Может быть и значительно хуже, чем там, потому как речь идет о специфических русских условиях. Конечно, это будет означать полное подавление гласности и демократии, конечно, это будет означать кровь и репрессии. Но тут возникает главный вопрос, который я бы хотел поставить тем, кто об этом мечтает. А что дальше? Представим себе следующий день после этих событий. Даже если выбросить на прилавки припрятанные где-то колбасу и мясо — это хватит максимум на месяц, а что дальше? Мне в этом случае очень жаль не только тех, кто выступает сейчас за

перестройку, мне очень жаль, между прочим, и тех, кто на это решится. Потому, что они окажутся перед лицом тех же самых проблем, но уже без всякой надежды на решение. И страна пойдет очень быстрым ходом к полному краху. Представьте себе еще такие обстоятельства: полная, я думаю, практически полная блокада со стороны Запада, снова рост международной напряженности, снова рост военных расходов. Можно ли в этих условиях рассчитывать на какие-то решения тех проблем, которые сейчас есть, прежде всего в экономике?

Малинкович. Очевидно, нет, нельзя. Но сейчас появился и третий вариант, который недавно предложили социологи Мигранян и Клямкин. Речь идет о направляемом твердой рукой пути реформ. Реформ под управлением единоличного диктатора или же Комитета национального спасения. Для того, чтобы, как они говорят, избежать путча, опасности переворота, о котором Вы говорите, следовало бы кому-то заранее взять в свои руки власть, диктаторскую власть и направлять реформы. Т. е. речь идет о так называемой управляемой демократии. Возможно ли это?

Аметистов. Я слышал об этих теориях. Мне представляется, что здесь в общем-то проявляется некое влияние определенного опыта, — предположим того, что в свое время имел место в Испании, в последние годы диктатуры Франко. Мне кажется, что это нереалистичный подход к делу. В наших условиях я не вижу возможности для развития по такому пути, абсолютно не вижу. В конце концов главным условием успеха перестройки, не только в социально-экономической, но и в чисто человеческой области, является ситуация, при которой будет стимулироваться действительно производительный труд и качество продукции, соответствующее мировому стандарту. Я считаю, что это неременное условие. Скажите, пожалуйста, в условиях, о которых они говорят: когда людей, вероятно, придется принуждать к труду, в условиях принудительного труда, возможно ли построить компьютеризованное общество? Можно производить фараонову работу — копать каналы, никому не нужные потом и т. д. — то, что мы уже имели в тридцатые

годы. Но можно ли в современных условиях такими способами, учитывая специфику именно нашей страны, добиться каких-то серьезных целей? Если, скажем, они брали пример Франко, то не нужно было бы забывать, что это все-таки была страна, хотя и с диктаторским режимом, но с рыночной экономикой, которой у нас пока и не пахнет. Так что я совершенно не вижу этого пути. Зачем нам далеко ходить? Возьмите пример Польши. Разве история Польши за последние восемь лет не является свидетельством правоты старой истины (я не помню, кому принадлежат эти слова), что «со штыками можно делать все, что угодно, кроме одного — на них очень неудобно сидеть». Некомфортно, как у нас говорят. Я считаю, что в общем-то эта ситуация не исключена. Не исключена, ибо положение действительно очень серьезное. Но те, кто рассчитывает на эту ситуацию (не важно, из каких они соображений исходят), серьезнейшим образом, трагическим образом ошибаются. Таково мое мнение.

Малинкович. А как же все-таки может общество противостоять этим силам? Мы знаем о консерваторах справа, но не только. Мы знаем и об определенной группе народных депутатов, которая тоже, видимо, не прочь бы укрепить диктатуру. Я имею в виду прежде всего следователя Гдляна и иже с ним. И вместе с тем, мы не знаем четко выраженной позиции общества, потому что развитого гражданского общества как такового в Советском Союзе пока еще нет, хотя оно, конечно, созревает.

Аметистов. Оно формируется. Оно несомненно формируется.

Малинкович. Но время не терпит. Буквально каждый день происходят конфликтные ситуации, требующие немедленных решений. Все-таки нельзя исключить возможность, что, если не в целом по стране, то в каких-то регионах необходимо будет ввести чрезвычайное положение. Не будет ли вот такой местный конфликт, типа азербайджано-армянского, скажем, или Ферганы, поводом для того, чтобы правые захватили власть?

Аметистов. Сначала мне бы хотелось высказать свое мнение по поводу более общих условий, которые, я считаю, необходимы для того, чтобы все-таки уйти от этой ситуации.

Во-первых, нужно прекратить проводить перестройку путем полумер, потому что ничто так не компрометирует дело, как паллиативы. Вспомните, скажем, закон о предприятиях или закон о кооперативах: ведь прекрасные идеи, которые тут же были испорчены, как только эти законы принимались. И пришлось дожидаться сессии Верховного Совета СССР, чтобы как-то попытаться это исправить. Только решительный переход на путь рыночной экономики может здесь спасти ситуацию.

То же самое и в политической области. Нужно как можно скорее, не позже осени, провести выборы в республиканские и местные Советы. Сейчас крайне важно принять по-настоящему прогрессивные законы о выборах в республиканские и местные Советы. Кстати говоря, в РСФСР проект такого закона опубликован, и он, надо сказать, совсем неплох.

Малинкович. Лучше, чем на Украине.

Аметистов. Лучше, чем на Украине. Правда, там есть одна очень опасная оговорка: там говорится уже в конце, после того, как этот проект изложен, что в ходе его подготовки вносились предложения о введении производственных избирательных округов. Это очень опасно. Не дай Бог, если это пройдет, потому что вместо окружных собраний и выборов депутатов от общественных организаций, которые в этом проекте отсутствуют...

Малинкович. Окружные собрания есть, но только в случае, если будет больше десяти кандидатов.

Аметистов. Да, в случае, если больше десяти кандидатов, окружные собрания будут. Так вот, создание производственных округов было бы как раз лазейкой для аппарата. Потому нужно уже сейчас развернуть широкую и очень эффективную кампанию по обсуждению этих вот законопроектов.

Малинкович. Но вряд ли выборы возможны уже осенью, потому что законопроекты, настоящие — альтернативные, демократические, еще даже не предлагались. Необходимо время на их обсуждение, необходимо время на их принятие и наконец необходимо время на избирательную кампанию, так что вряд ли в ближайшие два-три месяца выборы могут состояться.

Аметистов. Но, по крайней мере, надо стремиться сделать это как можно быстрее, ибо власть на местах сейчас или вообще в ряд случаев отсутствует (особенно в нестабильных районах), или крайне неэффективна, и ее нужно брать демократическим кругам, перестроечным кругам.

Нужно также коренным образом реформировать административный аппарат, нужно выдвигать туда новых людей.

Вы заметили, что во время сессии Верховного Совета СССР, хотя бы небольшой опыт выдвижения таких людей уже был. Я имею в виду выдвижение Абалкина на очень высокий пост, я имею в виду выдвижение известного ученого, причем первого беспартийного, на пост министра по охране окружающей среды. Это тоже крайне важно, потому что выборы и съезд выдвинули, как Вы знаете, целый букет блестящих личностей, — их надо обязательно использовать, причем не только как депутатов, но и как администраторов.

Наконец крайне важно использовать те новые тенденции, которые выявились в ходе широкой волны забастовок. Нам необходимо сейчас действительно рабочее движение и подлинные профессиональные союзы. Меня крайне порадовал тот факт, что во время забастовок стачечные комитеты фактически стали брать власть в свои руки. Ведь они контролировали даже милицию, они контролировали в ряде случаев и торговлю, например, в Воркуте. И, кстати, часть из них стала постоянными рабочими советами. Это очень важно.

Наконец, конечно же, необходимы как можно более скорые меры по решению всех острых национальных проблем. Вы можете сказать, что легче об этом заявить, чем сделать. Да, действительно. Но общая концепция, на мой взгляд, должна быть следующая. Мы должны понять, что

процессы, которые происходят в республиках, неизбежны. Неизбежны. Мы часть мира, и тот процесс деколонизации, национального освобождения, который фактически уже во многих местах мира закончился, у нас, собственно, только начался, и он неизбежен. Если нашему руководству удастся понять это, то тогда мы действительно можем рассчитывать на успех.

Здесь, конечно, нужен пересмотр основ, на которых строится наша федерация, предоставление полного, действительного суверенитета не только союзным республикам, но всем национальным образованиям. Право на самоопределение есть право, принадлежащее любому народу, большому или малому. А затем построение федерации на новых основах.

Малинкович. Но народы СССР, по-видимому, должны сами определить свой статус.

А.метистов. Конечно.

Малинкович. А сейчас ЦК КПСС предлагает свою платформу по национальному вопросу. Есть в ней довольно интересные предложения, но тем не менее это решение *сверху*, и уже поэтому оно вряд ли кого-то устроит.

А.метистов. К сожалению, я уехал до опубликования этих тезисов, мне трудно сказать о них что-либо.

Малинкович. Я говорю лишь о том факте, что партия собирается сверху установить нормы поведения для народов, принципы федерации, которые, по-видимому, все-таки должны устанавливаться снизу.

А.метистов. Конечно, конечно.

Малинкович. Есть еще одна проблема. Проблема, которую так просто не решить. Сейчас оказалось, что существует не только конфликт между империей и республиками, но и внутри республик существует очень острая проблема взаимоотношений между национальными меньшинствами и основной коренной нацией республики. Я приведу примеры Абхазии и Грузии или того же Узбекистана, Азербайджана и т. д. Все эти проблемы так быстро не

решить, но именно здесь могут возникнуть наиболее острые конфликты. И, может быть, я еще раз вернусь к вопросу о чрезвычайном положении. Реальная необходимость ввести его в каком-то регионе страны все-таки может возникнуть. Что в этом случае делать?

Аметистов. Я юрист, и твердо стою на таких позициях: все эти вопросы нужно решать на основании закона. Нам очень нужен закон о чрезвычайном положении. Закон, который будет основан прежде всего на международных обязательствах Советского Союза. В статье четвертой Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрена эта ситуация и очень четко разработана процедура принятия решения в случае необходимости введения чрезвычайного положения. Оно должно приниматься прежде всего, конечно же, *представительными органами власти*. Чрезвычайное положение должно приниматься только, когда такие органы считают *неизбежными* такие меры, и в этом случае должен гарантироваться целый ряд *неотъемлемых* основных прав человека, несмотря на то, что многие из них в данной ситуации отменяются. Но все-таки есть предусмотренные этим пактом права, которые в любых условиях обязательно должны соблюдаться. Эта ситуация должна быть под контролем не только представительных органов страны, но и международных организаций. В Пактах предусмотрена обязанность страны сообщать в ООН о введении такого положения и о том, до какого времени оно должно продолжаться. И я уверен, что принятие такого вот законодательства, очень разработанного, очень серьезного, с использованием опыта зарубежных государств, могло бы служить не абсолютной, естественно, но все же определенной гарантией того, что ситуации, подобные тем, которые происходили в Сумгаите, в Фергане и в других местах, не перерастут в более широкие, угрожающие всему обществу, всей стране конфликты, того, что эффективно и в нужном направлении проявит свои возможности власть.

Все те ужасные события, которые произошли в апреле в Тбилиси, создали то, что я бы назвал «тбилисским синдромом», т. е. боязнью применить власть там, где это

необходимо. То, что произошло в Тбилиси, было фактически преступлением, но там, где это нужно было (скажем в Фергане), силы порядка эффективно не применялись. И это тоже, я считаю, было преступным. Бездействие власти, которое привело в конечном счете к тяжелейшим последствиям.

Малинкович. Безусловно, но как раз сейчас Московская хельсинкская группа (вновь созданная Московская хельсинкская группа) предложила свой проект Закона о чрезвычайном положении. Но эта группа, к сожалению, не обладает правом законодательной инициативы. Разрабатывается ли в других общественных организациях или в государственных организациях аналогичный проект, который действительно мог бы быть представлен на съезд или на сессию Верховного Совета?

Аметистов. Я знаю об этом проекте Московской группы. Я его читал, и как раз сейчас, когда говорил вам об этом, я имел в виду идеи, которые в этом проекте есть. Я его поддерживаю.

Что касается других вариантов, то, как мне кажется, где-то в начале июля в «Московских новостях» был проведен «круглый стол» по поводу закона о чрезвычайном положении, и в нем участвовали не только представители общественности, но и, если не ошибаюсь, представители МВД. Таким образом, эти идеи есть и они обсуждаются и в официальных кругах.

Мне бы очень хотелось, чтобы депутаты Съезда и Верховного Совета обратили внимание на проект Московской хельсинкской группы, потому что там есть очень серьезные, вполне заслуживающие внимания предложения.

Малинкович. И еще один момент. Депутаты, даже демократически настроенные депутаты, в общем-то запаздывают с альтернативными предложениями — сейчас цейтнот, времени мало, конфликтные ситуации возникают постоянно, сессия Верховного Совета СССР будет уже в сентябре. И если такой проект не будет принят уже этой осенью, то может быть поздно, даже если он появится в следующем году. Что делает демократическая общественность страны для того, чтобы уже на этой сессии был

представлен и принят проект закона о чрезвычайном положении?

Аметистов. Помимо идей, которые высказывались Московской хельсинкской группой, нет других сведений о подготовке такого законопроекта. Так что я еще раз повторяю: было бы крайне важно использовать предложения Московской хельсинкской группы. Вы правы, говоря о том, что как можно скорее надо принять такой закон.

Малинкович. И последний вопрос, который я хотел бы задать. В общем-то будущее страны зависит в значительной степени от активности общественных организаций. Ведь до тех пор, пока вся инициатива будет сохраняться в руках партийного руководства, вряд ли следует надеяться на быстрые изменения в лучшую сторону именно в такой сложной ситуации. Как Вы предполагаете, возможно ли сейчас объединение неформальных организаций в какую-то серьезную силу? Может быть, если такое объединение невозможно, то реален созыв своего рода параллельного парламента, параллельного форума представителей различных самостоятельных общественных организаций. Или же единственная возможность — это демократизация уже существующего парламента через многопартийность или, скажем, многофракционность?

Аметистов. Если говорить об общественных организациях в республиках, прежде всего в прибалтийских республиках, то они там уже есть, и они очень сильные, эти организации. На мой взгляд, пока ничего подобного в Российской Федерации нет. Здесь очень много неформальных организаций, и с каждым днем их количество увеличивается. Но это организации без серьезной социальной базы. По-моему, гораздо более эффективен путь, по которому сейчас пошли депутаты. Я имею в виду создание Межрегиональной депутатской группы. Этот путь мне представляется значительно более эффективным, потому что на базе парламента создается возможность для выражения совершенно определенных взглядов альтернативного характера. Это тот путь, по которому следует идти.

Я все-таки юрист, и мне бы хотелось с этой точки зрения оценивать ситуацию. Для того, чтобы говорить об

объединении общественных организаций, для того, чтобы говорить об их развитии, опять-таки необходима сейчас правовая база. Насколько мне известно, сейчас готовится несколько вариантов альтернативных законопроектов об общественных организациях. И от того, каким будет этот закон, тоже очень многое будет зависеть. Я считаю, кстати говоря, что такой закон должен распространяться абсолютно на все общественные организации, включая также (и даже прежде всего) коммунистическую партию. Ну, пожалуй, исключая те организации, в отношении которых уже имеется законодательство: например, профсоюзы. И в случае принятия такого закона мы бы получили очень неплохую, очень неплохую правовую базу для развития тех общественных процессов, о которых Вы говорили.

Малинкович. Вы надеетесь, что такой закон появится в самое ближайшее время?

Аметистов. Видите ли, он, вообще говоря, из этого плана исчез, и в выступлении заместителя Председателя Верховного Совета СССР Лукьянова я его на первых позициях не обнаружил. Он, насколько я понимаю, откладывается к концу года или к началу следующего года, и это очень плохо, потому что его тоже нужно принять как можно скорее. Хотя в общем понять Лукьянова можно: там столько первоочередных задач, что очень трудно вообще решить, что сейчас самое важное.

Малинкович. И все же Вы верите в возможность выхода страны из нынешнего очень сложного положения и в успешное продолжение перестройки?

Аметистов. Вы знаете, я, вообще-то, умеренный оптимист. Я могу повторить еще раз, что все эти угрожающие факторы, которые могут привести к кризисной ситуации, они есть, они имеют место, и беспокойство по этому поводу не беспочвенно. Но тут я еще раз хотел бы обратиться к любителям «твердой руки» и ко всем тем, кто испытывает ностальгию по известным временам. Я считаю, что ни к какому другому результату, кроме *полного краха страны*, все эти планы (не дай Бог, они осуществятся), привести не могут.

24 августа 1989 г.

РЕЗУЛЬТАТ БУДЕТ СО ЗНАКОМ ПЛЮС*

Белоцерковский. Николай Петрович, на меня и, наверное, не только на меня большое впечатление произвело Ваше выступление на съезде народных депутатов СССР. Кроме всего прочего, Вы сказали там, что Ваша программа оздоровления финансового положения страны может многим не понравиться и вряд ли вызовет поддержку правительства. Каковы были отзывы на Вашу программу, изложенную на съезде народных депутатов? И знаете ли Вы, может быть, отзывы правительства, руководства партии?

Шмелев. Одно, по крайней мере, я могу сказать совершенно уверенно. Еще в конце прошлого и даже в начале этого года внезапное обострение наших финансовых бед, болезней явно недооценивалось. В прошлом году у нас произошло сверхсенсационное событие: на сессии Верховного Совета была названа цифра нашего бюджетного дефицита — 100 миллиардов (а на деле она несколько выше), что произвело на специалистов ошеломляющее впечатление — мы знали, что у нас большой дефицит, но не знали, что в таких масштабах. И весь Верховный Совет ухом не повел из-за этой цифры, никто даже не задал вопроса, ни премьер, ни министр финансов: «Откуда набрали?» Более того, утвердили огромные капиталовложения без какого бы ни было их реального покрытия. И так печатный станок работал с огромной скоростью, а здесь ему еще прибавили обороты. И это было в порядке вещей и для правительства, и для депутатов, и, к сожалению, для общественности.

*Николай Шмелев — известный советский экономист, руководитель отдела Института США и Канады АН СССР, доктор экономических наук, народный депутат СССР, писатель.

Беседовал с Н. Шмелевым наш постоянный автор Вадим Белоцерковский, политический обозреватель радио «Свобода».

И только где-то с декабря прошлого года экономисты подняли переполох. Было несколько выступлений, в том числе и я выступал. Но всего еще полгода назад и политическое, и экономическое руководство, я уверен в этом, не предполагало, ни самого наличия проблемы, ни, самое главное, ее драматизма. Были запланированы некоторые меры по снижению дефицита в этом году и на следующий год, но все равно сохранили, оставили нетронутым этот гигантский источник инфляции, пока еще кое-как контролируемый. Но очень недолго осталось: инфляция ведь имеет свои законы — когда она сорвется, как бешеный конь, не будет уже никакой силы, даже тоталитарной, способной ее остановить. Будет финансовый крах и придется начать все заново.

Я говорил об этих проблемах еще в начале этого года и считал своей профессиональной, если хотите, а, может быть, и гражданской обязанностью привлечь внимание к проблеме. Хотел громким криком заставить понять, что же, что с нами происходит?! И в докладе Рыжкова на съезде содержатся, в общем-то, правильные вещи. Они все правильные, я с ними со всеми почти согласен, с единственным недостатком, что, на мой взгляд, они нерешительны, половинчаты и очень благодушно растянуты во времени. Даже сам тот факт, что бюджетный дефицит правительство намерено ликвидировать к середине 1990-х годов в лучшем случае, сам факт того, что еще нет достаточного представления, как мало нам отведено времени, чтобы избежать финансового краха, впечатляет. Некоторые наиболее пессимистически настроенные профессионалы считают, что нам и года не отведено. Я думаю, что у нас есть от двух до трех лет, прежде чем инфляция станет неконтролируемой и мы вынуждены будем вернуться к карточной системе, к абсолютному развалу рынка, к административным методам воздействия на рынок.

Несмотря на то, что я представлял себе реакцию правительства, все-таки трудно было отказать от привычного взгляда. Да и вообще финансовая сторона у нас, в нашей истории после 20-х годов, никогда не принималась всерьез. По-моему, у нас всегда господствовал принцип из того анекдота: «Где взять деньги?» — «А в тумбочке». Но

тумбочка-то пуста, больше уж денег нет, можно только бумажки напечатать вместо денег. Сейчас руководство начинает понимать, что это не шуточки. И политическое руководство, и экономическое руководство. И хотя и были открытые возражения со стороны премьера по некоторым из моих рецептов или предложений, я продолжаю придерживаться своего мнения — я с этими возражениями не согласен. Но какой-то эффект моим выступлением все-таки был достигнут. Если Вы не сочтете меня чрезвычайно самонадеянным, то скажу, что мне, по-видимому, удалось заставить задуматься и тех, от кого зависит решение, и зал съезда, причем и левых, и, упрощая, правых.

Таким образом, проблема поставлена. Я считаю, что это сейчас проблема № 1, даже, может быть, более горячая, чем проблемы в сельском хозяйстве, чем проблемы национальных отношений. Ну, хорошо, могут там считать, что это проблема № 2 или № 3, — в конце концов дело не в номерах. Я опять продолжаю подчеркивать: меня не очень волнуют наши отдаленные, так сказать, стратегические перспективы. Я верю в эту страну, верю, что, если ей никто извне не помешает, она отболеет, — и все-таки не может народ погибнуть, так или иначе страна выйдет на дорогу. Но испытания, мучения, терзания, трудности на этом пути можно свести к минимуму. Избежать их совсем невозможно, это закон жизни: прежде, чем будет лучше, сначала должно стать хуже. Но — насколько хуже?

Официальную реакцию я знаю только по выступлению Рыжкова в ответ на мои рекомендации. Неофициальные же контакты с людьми из тех, кто поближе к этим проблемам, говорят, что в общем выступление сыграло какую-то свою положительную роль, оно воспринято. Вероятно, я буду работать в бюджетной комиссии нашего парламента, и у меня есть единомышленники — те, кто понимает эти вещи, кто так же тревожится, как и я. Ну, и как минимум, действительно, как минимум, — ни одна очередная экономическая глупость без крика, скандала и дискуссий больше не пройдет. Вот в этом результате я уверен. Если раньше это можно было сделать молчком (опубликовать 100 млрд. дефицита, и никто не пикнул из зала, из всего

Верховного Совета, — подумаешь, дефицит!), то теперь такие вещи вынуждены обсуждать. Нужно будет говорить, оправдываться. И пытаюсь навязать любимые наши проекты, стройки века (если не реки повернуть, то в Тюмени засадить стомиллиардный комплекс), уже, по крайней мере, придется оправдываться. Да и в результатах голосования по практическим вещам уже на 100 % нельзя быть уверенным в том, что любое решение, предложенное сверху, будет безропотно принято. Нет, уже не будет оно безропотно принято! Еще в политической части — может быть, а в экономической — нет: слишком близко касается всех, даже самых консервативных депутатов.

Белоцерковский: Николай Петрович, выступая на съезде народных депутатов, Вы перечисляли различные возможности сэкономить валюту для того, чтобы резко увеличить импорт товаров народного потребления, и с помощью этих товаров и жизнь людям облегчить, и инфляцию уменьшить. Вытянуть лишние, не обеспеченные сейчас товарами деньги и предотвратить таким образом надвигающуюся финансовую катастрофу. И вот, говоря об источниках валюты для увеличения этого импорта, Вы, наряду с другими мерами, предложили резко уменьшить закупки зерна за рубежом, и вместо этого валюту давать колхозам за сверхплановую продукцию. И, как Вы говорили на съезде, колхозам не надо будет по 200 долларов платить за тонну зерна, как приходится платить Западу, а хотя бы по 75 долларов, но только, чтобы колхозы могли тратить эти доллары на закупки нужных им товаров прямо за рубежом. И тогда сразу начнет увеличиваться производство зерна и мяса, а сэкономленную таким образом валюту можно будет пустить на покрытие импорта ширпотреба. Но, насколько я знаю, именно этот пункт Ваших предложений вызывает у многих наибольшие сомнения. Высказывается опасение, что колхозы и за доллары не смогут заметно увеличить свою продуктивность и дело может кончиться крахом. Что Вы думаете по этому поводу?

Шмелев. Ну, это предложение было ведь вмонтировано в комплекс предложений по так называемой санации,

оздоровлению нашего нынешнего экономического положения, прежде всего, финансовой ситуации. Центральная мысль: денег по сравнению с товарами в нашем народном хозяйстве слишком много, и эта денежная куча продолжает все увеличиваться. Остановить можно двумя методами: либо отнять у людей, либо выкупить эту напечатанную массу бумажных денег, а потом уничтожить, чтобы создать равновесие, а еще лучше превышение товаров над деньгами в народном хозяйстве. Никакая это не сугубо сложная теоретическая мысль, это обычное размышление в пределах обыкновенного крестьянского здравого смысла. Где добыть для этого средства и деньги? Я предлагал комплекс мер, в том числе и меры, связанные с нашими внешнеэкономическими интересами.

Грубо говоря, чтобы выкупить примерно 100-150 млрд. лишних рублей, горячих денег, которые не имеют товарного покрытия, нам нужен рост импорта, одноразовый, если хотите, импорт примерно на 15 млрд. долларов. Можно даже обойтись и меньшим количеством, если придумать наиболее эффективную комбинацию импорта. Скажем, самый большой бюджетный доход у нас государство может получить на женских колготках и на персональных компьютерах или на автомобилях. Где взять средства для этого, где взять эти 15 млрд. долларов плюс, я считаю, надо для поддержания равновесия на каждые три-четыре года вперед еще, примерно, по 5-6 миллиардов долларов. Где достать? И я называю, как мне кажется, несколько наиболее реальных способов получения этих средств. Первый Вы затронули — платить нашим председателям колхозов и вообще всем нашим аграрным поставщикам за дополнительное количество продукции не рублями, а долларами. Это не я придумал. Это придумали они, сами председатели колхозов. И они же меня навели на эту мысль.

Общая ситуация в стране такая, что примерно 30% наших колхозов и совхозов дают сейчас порядка 80% товарно-сельскохозяйственной продукции. Остальные 70% колхозов — кое-как прокармливают себя и еще дают оставшиеся 20% продукции. Значит, с точки зрения чисто экономической механики, все внимание должно быть уделе-

но именно тем хозяйствам, которые сохранили продуктивность даже в тех невыносимых, нечеловеческих, крепостнических условиях, в которых они работали десятилетия. Они настолько жизнеспособны, что они даже в этих условиях умудряются получать какой-то эффект, и они прибыльны, и как-то живут. Я очень часто цитировал одного из прибалтийских председателей: «Единственное, что нам нужно, — чтоб о нас забыли! Отстаньте от нас! Только отстаньте, и всё. И чтоб никого не было. И мы свое дело сделаем». Есть ли у них резервы? Есть. Для этого надо играть в открытую: «Ребята, вот со следующего года за любую лишнюю тонну мяса, за любую лишнюю тонну зерна мы вам будем платить долларом».

Белоцерковский: И очевидно, как Вы говорили, с правом тратить эти доллары, как они хотят, покупать за границей все, что им нужно...

Шмелев: Обязательно. Иначе вся история не имеет смысла, иначе разворует начальство по дороге все эти деньги. Это ты получил и ты имеешь право потратить на всё, что тебе надо: хочешь колготки покупай, хочешь трактор. Вот тут уже никто не имеет право в эти дела влезать.

Белоцерковский: По-моему, такая практика у венгерских колхозов.

Шмелев: Но это опять всё тот же самый здравый смысл, обычный, о котором мы с Вами говорим. И я думаю, что при некоторой выдержке, при некотором страховом валютном фонде (может быть, в первый год мы даже лишнего зерна купим, боясь, что, если совсем не будем покупать, то останемся без ничего) мы уже сразу увидим эффект этой меры. Это трезвые люди, у них всегда есть загашники. Сейчас какой смысл надрываться за эти рубли, которые они, бедняги, не могут потратить ни на кирпич, ни на цемент, ни на трактор, — а тут будут живые деньги, тут он может прийти к любому своему бригадиру, любому звеньевому и сказать: «Вот, ребята, если к осени дадим лишние сто тонн, правительство дало честное слово, что на доллары я вам всем колготки привезу и рубашки.» Знаете, это же простая житейская логика. Один год будет неопределенным. Я

уверен, со второго урожая (если государство не обманет, если оно скрупулезно соблюдет свои обязательства и даст валюту, и даст право ею распорядиться), со второго года уже можно будет думать о том, на сколько срезать импорт зерна. А первый год экспериментальный. Так я себе представляю эту проблему.

Но есть и другие источники. Есть такой источник, как консервация строев в тяжелой промышленности. Из года в год у нас на 10 млрд. долларов лежит неустановленного оборудования. И возможно там, где еще контракт не заставляет выполнять обязательства, это всё нужно остановить? В конце концов когда-нибудь эти трубы проклятые мы перестанем покупать или нет? Что же это за дьявольское, чертово колесо: мы покупаем трубы, чтобы продавать газ. Продаем газ, чтобы покупать трубы, чтобы продавать газ и т. д.

Третий источник — международные обязательства наши. Я уже говорил об этом. И в Латинской Америке, и в других странах. Их очень даже можно сократить.

Еще источник — наш золотой запас, на котором мы сидим десятилетиями сиднем и не знаем, что ж с ним делать. Ну, хорошо, продавать его не надо, но взять под него кредиты-то можно? Под золотое обеспечение могут дать.

И наконец, прямой выход на финансовый рынок. Мы не так уж много должны. В данном случае я не могу согласиться с нашим правительством, когда оно привело цифры 16 млрд. рублей наш ежегодный экспортный заработок и 12 млрд. мы тратим на оплату долгов. Это очень простенькая операция. Суть ее в том, что, если скажем 1-го января мы заняли три миллиарда долларов на три месяца, а потом четыре раза перезаняли за год, вы вместо трех получите двенадцать. И действительно, картина делается ужасной. Ничего, мы пока еще за нормальные рамки нашего, так сказать, обслуживания долга не вышли, и разорение нам на данном этапе не грозит. А в дальнейшем, если мы еще зайдем (я говорю о такой же сумме — она может быть поменьше, конечно, немножко, чем та, которую мы сейчас должны) то, чтобы обслуживать долг, любой из этих источников, которые я назвал выше, достаточен — любого хватит, чтобы поддерживать обслуживание долга.

Белоцерковский: Так что с мнением Рыжкова и других, что нет, мол, средств для быстрого увеличения импорта товаров ширпотреба, Вы решительно не согласны?

Шмелев: Да, средств нет, если быть в шорах сугубо традиционного подхода. Если чуть-чуть проявить фантазии и решимости, то они появятся. И я уверен, что жизнь заставит пойти на нетрадиционные шаги. А пока в силе этот старинный деревенский консерватизм: ах, заняли рубль, ах! Как будто мы должны ставить себя в кабальную зависимость и т. д. Это во многом деревенский подход, но он очень живуч, очень традиционен. Я, по-человечески, очень хорошо понимаю наше руководство. Это боязнь, не дай Бог, дать возможность оказывать давление на себя. Тем не менее, мы говорим о новом мышлении, о новом веке, о нашей интеграции в мире. И если всё это так, тогда надо и подход менять.

Белоцерковский: Важнейшей проблемой, стоящей сейчас перед страной, является проблема увеличения сельскохозяйственного производства. От решения этой проблемы, вероятно, зависит и судьба перестройки. С этим все, наверное, согласны. Но что, Николай Петрович, на Ваш взгляд, необходимо сделать для оздоровления советского сельского хозяйства?

Шмелев: Я бы сказал, что сейчас просто необходим ряд мер. Попробую перечислить самые главные.

Первое. Решить вопрос о землепользовании, чтобы фермеры и малые производственные кооперативы (на три-пять семей) могли арендовать землю, и не у помещика, т. е. у председателя колхоза, а у советской власти напрямую. Это должно стать конституционным правом.

Второй момент — перейти, действительно, от продразверстки к продналогу. Эта продразверстка, в форме госзаказа или других формах, сохраняется. Государство боится рискнуть, боится выступить не в качестве сборщика налогов, а просто как покупатель. Через это тоже надо переступить. Конечно, это очень тяжелая проблема — демонтаж этих бюрократических структур. По разным оценкам у нас от трех до четырех миллионов профессиональ-

ных надсмотрщиков в деревне. В Америке фермеров-то всего два миллиона, а у нас только тех, кто портфель носит, от трех до четырех миллионов. Конечно, одним пинком их всех не выставишь — это люди, им тоже надо найти работу. Но уже слышен крик наших председателей колхозов: «Уберите! Нам ни один начальник не нужен!» Ни один, понимаете, — в этом зерно вопроса.

Дальше. Конечно, нужны и методы типа валютной оплаты. Ведь для этого подойдет не только валюта — всё, что можно, — любой лишний кирпич, который где завалился, любая пара ботинок — гнать в деревню. Или леса вагон. Чтобы как-то сельский рынок хоть чуточку зашевелился.

И ликвидировать очень серьезную несправедливость, очень серьезную. Цены на сельскохозяйственную продукцию — это же грабеж городом деревни. Все плачут, стонут: надо селу помогать, и в то же время за последний год саданули на технику раза в три, а на минеральные удобрения от полутора до пяти раз, на стройматериалы в два раза засадили цены, а цены за сельскохозяйственную продукцию остаются те же самые. Те же самые ножицы цен.

Ну, и наконец-то, на чем сейчас больше всего сосредоточено внимание: социальные вложения в деревню — на строительство дорог, элеваторов, школ и больниц. Все это правильно, но это все надолго. А меры нужны срочные, пожарные, в ближайшие два-три года.

Белоцерковский: Николай Петрович, сейчас, как Вы знаете, советское руководство основную надежду в решении сельскохозяйственной проблемы возлагает на внедрение аренды. Не думаете ли Вы, что аренда в принципе для колхозников и работников совхозов противоправное дело? Ведь крестьянство в 1917 году боролось за землю и получило ее в вечное пользование по декрету Советской власти. Потом крестьян с этой землей согнали в колхозы, а теперь предлагают в аренду брать свою собственную землю. Разве это правовой подход?

Шмелев: Я вижу здесь не просто вопрос, а огромный вопрос. Надеюсь, Вы понимаете, что я никогда не считал, что есть какая-то одна палочка-выручалочка, которая может

решить все наши проблемы. И так наша жизнь запуталась за последние 60 лет, что сказать: «Долой колхозы!», «Да здравствуют фермеры!» — это тоже не будет решением вопроса. В каких-то регионах, действительно, колхозы жизнеспособны. Будут ли они эффективнее, чем американские фермеры — через 50 лет пойдем. Но сейчас они могут жить, они могут жить...

Белоцерковский: В каких, примерно, районах?

Шмелев: У меня ощущение, что это такой пояс: Прибалтика, Белоруссия, западная часть Украины, некоторые места в российском черноземье и, конечно, наш южный хлебный пояс — Краснодар, Ставрополье. Но Центральная Россия разорена, деревня там безнадежна. И какие бы там умные люди ни попадались (там почти гениальные председатели колхозов попадаются) — этого будет мало. И здесь, конечно, в традиционный колхоз лично я, да и многие другие абсолютно не верим, здесь он себя исчерпал, слишком много грабежа было за 60 лет. Дограбили до того, что люди уже веру потеряли навсегда. Здесь единственное, на что можно надеяться, — это роспуск этих лежащих хозяйств. Их уже никакими инъекциями не подыметь, и нужна раздача земли в фермерское владение. Да еще фермеров надо будет уговаривать, еще надо будет закон принять, дать тысячу заверений, что никогда больше у них этой земли не отнимут. Возможны и малые производственные кооперативы, втянутые в широкую горизонтальную систему кооперативных отношений.

Вы спрашиваете: возвращать землю во владение или отдавать в аренду? Это две точки зрения, которые у нас дискутируются. Лично я, по моральным и по всем другим соображениям, считаю, что землю эту надо просто вернуть. И — налог! Государство свой интерес может обеспечить налогом.

Белоцерковский: И, наверное, также с помощью ренты?

Шмелев: Рента, да. Рентный налог, в зависимости от качества земли. Но некоторые считают, что все-таки аренда более надежна. Не знаю, это вопрос для дискуссии. Но еще раз подчеркиваю: не аренда у председателя колхоза, а

конституционное, неотъемлемое право сельского жителя. Если он хочет получить землю (я не знаю, сколько — Прибалтика считает 20 га, я думаю, что это даже маловато, в Центральной России можно было бы отдать и 50), так пусть и возьмет. Нужен хотя бы трактор, на себе-то не обработаешь. Ну, в общем это, конечно, еще очень, очень не ясно, что здесь жизнеспособно, что нет, но, по крайней мере, искусственно держать 70 % колхозов, которые уже лежат, — это тоже не выход.

Белоцерковский: В вопросе — сдавать землю в аренду или возвращать во владение — видится и ключ к восстановлению доверия крестьян к власти и к тому, что они действительно будут хозяевами причитающегося им надела земли, в колхозе ли они трудятся или единолично. Я разделяю взгляд, что для восстановления такой веры сейчас нужны радикальные меры. После всего, что было с крестьянством, недостаточно, боюсь, вернуть землю в вечное пользование, а надо уже в полную собственность! То есть, с правом продавать и покупать, прикупать землю. Я придерживаюсь взгляда, что для Советского Союза была бы предпочтительна форма двойного владения землей, при которой государство выступало бы как титульный владелец, т. е. оно имело бы на этом основании право взимать ренту, а в случае, если бы земле наносился ущерб, оно могло бы через суд забирать землю у плохого хозяина. А так называемый вторичный владелец — крестьянин, прежде всего, — имел бы все остальные права собственника, включая право купли-продажи земли. Как Вы на это смотрите?

Шмелев: Вопрос о доверии, может быть, — центральный вопрос. Не верит никто, за исключением самых отчаянных, самых, так сказать, неистребимых жизнелюбов. Я не случайно говорю, что надо очень долго уговаривать. И нужен закон, в котором будет шестнадцать раз сказано, что никогда больше никто вас не тронет, что государство всем своим авторитетом заверяет вас в этом, и ваших детей и ваших внуков. Никто, в нынешних условиях никто быстро не поверит, 60 лет жизни вопреки всякому здравому смыслу даром не забудет — за это тоже нужно заплатить.

Ну, а что касается Вашей модели, то Вы ищете какую-то идеальную форму, вот это вот двойное владение государство и фермеры. Мне ближе прагматический подход. В конце концов какая разница — собственность, владение или вечная аренда. Может быть, с точки зрения юриста здесь гигантская разница.

Ваш второй вопрос — о продаже и покупке земли. Вероятно, мы и к этому придем. Но пока давайте вопрос о продаже-покупке отложим. Пока еще надо, чтоб взяли, а потом уже посмотрим, будет ли необходимость в продажах, в покупках и т. д.

Белоцерковский: «Пока еще надо, чтобы взяли землю в личное пользование.» Серьезный вопрос! Многие считают, что большая часть русских крестьян вряд ли захочет переходить на единоличное хозяйствование, если колхозы получат свободу, превратятся в кооперативные хозяйства. И у сторонников сохранения коллективных форм хозяйствования (разумеется, на сугубо добровольной основе) есть такой аргумент: в Польше в 1956 году колхозы распустили, однако Польша остается одной из самых голодных стран соцлагеря — после Румынии и СССР. А в Венгрии после 1956 года колхозы воссоздали, но без продразверстки, без обязательных поставок государству, и с правом прямо торговать с западными странами, и Венгрия стала самой сытой страной в соцлагере. Что Вы об этом думаете?

Шмелев: Я должен с Вами согласиться и охотно соглашаюсь, потому что к венгерскому опыту я уже больше двадцати лет приглядываюсь, и, с моей точки зрения, их главный результат реформы 1968 года, что именно они нашли формулу сочетания интересов. Результатом венгерского опыта было то, что люди работают по 12, по 14 часов, но ведь работают, работают сами для себя и с интересом.

Белоцерковский: Николай Петрович, перейдем теперь к вопросу о положении в промышленности. Что, по-Вашему, необходимо сделать для оздоровления в ближайшем будущем в советской промышленности.

Шмелев: Никакой палочки-выручалочки, все взаимо-

связано, одно вытекает из другого и одно не может и быть без другого. Скажем, я не верю в успех нашей экономической реформы, пока мы не создадим обстановку превышения предложения над спросом. Для этого нужно убавить денежный пресс — деньги, которые находятся на руках у потребителя, и деньги, которые на руках у предприятий; только их нужно не отнимать, а, грубо говоря, выкупать, скажем так. Это первое условие, чтобы ликвидировать фактический безусловный монополизм любого предприятия, любой отрасли, любого министерства в нашем народном хозяйстве. Все-таки это диктаторы, монополисты. Никогда Америка не знала такой степени монополизации, как наша промышленность. Нужна реформа оптовых цен.

Во-вторых, налоговая система для предприятия — стабильная и щадящая, ну такая, чтобы не все забирать. Но главное, чтобы стабильно, и чтобы везде и для всех более-менее одинаково. Государство не имеет права за амортизацию взимать. Все новое строительство ведется не за счет кредитов. Так называемая третья модель хозрасчета — выплаты по обязательствам, а остальное делите между собой, как хотите, это ваше дело — коллектива предприятия.

Ну, и движение к конвертируемому рублю.

Дальше, ликвидация министерств и формирование синдикатов, концернов, ассоциаций, но опять-таки не сверху, а снизу, чтобы они создавались на паях, сами бы подбирали себе управляющие органы, которые бы от них зависели, а не наоборот.

Вот, в общем, и вся идеология реформы. В 20-х годах ее разрабатывали — тогда она жила, эта реформа, потом ее в 50-х годах опять разрабатывали, но в тот раз она не жила. И вся эта идеология сейчас повторяется, и мы, экономисты последнего времени, ничего особенно нового не придумали. Всё тот же здравый смысл применительно к разному времени, к меняющимся условиям. И идеология управляемого рыночного хозяйства, если хотите.

Вас интересовал вопрос о собственности. Вероятно, можно это всё назвать одним словом: кооперация. Кооперация в разных формах. Ведь акционерное предприятие — это большой кооператив на самом деле. Аренда у

государства своего завода трудовым коллективом, с правом потом наращивать свой капитал и выкупать завод, это ведь тоже кооператив. Различные кооперативные формы друг другу не противоречат. Суть у них одна. Есть, конечно, какая-то специфика, все же это не совсем одно и то же, но в общем это движение в одном направлении. Если Вам нравится, это «групповая собственность», но дело не в словах. Мы страшно боимся слов? Когда-то ругали всех за групповую собственность, вот мы и боимся это слово произнести.

Может быть, Вас моя настойчивость несколько удивляет, но опять-таки: вся эта реформа и срочное, в пределах двух-трех лет, оздоровление нашего финансового состояния должны идти рука об руку. Никакой реальной реформы в условиях разваленного рынка, работы печатного станка и карточной системы я не вижу.

Белоцерковский: Здесь с Вами трудно не согласиться! Но групповая собственность — ее точнее можно назвать групповой *трудовой* формой — имеет, на мой взгляд, принципиальное отличие от кооперативной и тем более акционерной формы. Здесь не используется наемный труд: предприятием владеют все, кто на нем работает, и *только те*, кто работает. Владеть — значит участвовать в управлении и прибылях. И акции в продажу на сторону не выпускаются, чтобы никто со стороны не смог завладеть предприятием. Такие предприятия образуются на Западе в последние 10-15 лет, образуются, как правило, когда трудовые коллективы выкупают предприятия у их прежних владельцев, планировавших предприятия закрывать, или разорявшихся.

Николай Петрович, Вы выступаете за рыночную экономику и за самостоятельность предприятий, т.е. за ослабление контроля государства, министерств над предприятиями, над их руководителями. Но не опасно ли это? Когда мы говорим о руководителе государства, мы уже знаем, что его нельзя оставлять без контроля, без контроля законодательных органов власти. А директора предприятия разве можно? Но почти никто в советской прессе не ставит вопроса о необходимости замены государственного контро-

ля контролем трудового коллектива, его совета как хозяина предприятия.

Шмелев: Прежде всего, бесконтрольная жизнь — это, по-моему, возможно только в сказках. Формы контроля разные. Одно дело — полицейский контроль, другое дело — контроль экономическими рычагами. А сейчас, по-моему, даже без административного контроля на какой-то период невозможно обойтись. Вот у меня, например, все топорщит-ся против попыток административным путем диктовать цены. Но в то же время опыт показывает, что, действительно, в условиях монополизированного рынка, как только предприятия получили свободу, первое, что они сделали, цены стали вздувать. Хотя это противно, нехорошо, но какое-то время, пока толком нет рынка, пока рынок монополизирован, без административного регулирования просто не обойтись. Поэтому нужен сейчас и внешний государственный контроль. Но и изнутри контроль нужен. Не надо идеализировать в общем-то коллективы. Коллективы проявляют не меньше эгоизма, чем отдельные личности. Поэтому, скажем, в ситуации, когда коллективу будет выгодно вздуть цены, любой рабочий совет проголосует за вздутие цен. Это мы тоже знаем.

Вы говорите о разделении исполнительной и законодательной власти. На государственном уровне это парламент и Совет министров. На уровне предприятий — это директор, премьер предприятия, и какой-то противовес ему нужен, контрбаланс. И я думаю, что советы трудовых коллективов — это сама по себе неплохая форма, и у них должно быть право вето. Только как широко это право вето должно простираться, я бы сейчас не решился сказать. И право инициативы (мини-инициативы — в рамках предприятий), и право контроля им должны принадлежать. Весь вопрос не в самой идее, весь вопрос в том, какой должна быть степень реального влияния совета трудового коллектива, какая степень практична, какая нет. Можно ведь дать и такие полномочия, что директор вообще заплачет и плюнет: зачем мне с вами связываться, работайте без меня... Где-то, знаете, должно быть оптимальное сочетание.

Белоцерковский: «Можно дать»... А надо ли тут, Николай Петрович, что-либо *давать*, указывать сверху? Не думаете ли Вы, что если коллективу *дать* или *продать* полные права собственности на предприятие, на средства производства, с полной, следовательно, материальной ответственностью, то само собой установится это «оптимальное сочетание» обязанностей директора и совета трудового коллектива? А у кого не установится, те проигрывать начнут, те и разорятся в конкурентной борьбе на рынке.

Шмелев: Я, может быть, один из первых (по крайней мере в новые времена) стал говорить об акциях для предприятия. И я бы пошел дальше — я за акции для всех, кто хочет вложить средства в предприятия, и я за контроль акционеров над жизнью собственного предприятия. Нормальная, отработанная модель, отработанный механизм. Да, совершенного ничего не бывает, но какая-то степень баланса интересов между руководством предприятия, его владельцами, его трудовым коллективом — это рабочая форма, и она имеет перспективу. Вы хотите ее назвать *групповой собственностью*, пожалуйста, называйте. Не в этом дело. Коллектив как собственник своего предприятия — это, по-моему, тоже просто здравый смысл, а не какая-то особая теория.

Белоцерковский: Безусловно! Наверное, исходя из здравого смысла, на Западе и стали возникать предприятия с новой групповой трудовой формой собственности, и трудовые коллективы начали выкупать разоряющиеся предприятия и вводить соответствующие уставы: все, кто работают, — владеют, а уходя, получают возмещение за свою долю собственности, за свою долю средств производства, и т. д. Чтобы история не повторялась и работники-хозяева не превратились бы снова в наемных работников. И предприятия эти, как правило, прекрасно работают.

Шмелев: Но мне кажется, что это далеко не всегда получается. Есть и удачные примеры, есть и неудачные, когда предприятию просто суждено умереть. Возьмем, к примеру, какой-нибудь умирающий шахтерский район. Когда уголь

уже никому не нужен, бери ты шахту в аренду, не бери, создавай коллектив, не создавай, этот уголь не выдерживает конкуренции. Поэтому здесь другого выхода кроме как переквалификации, закрытия этой шахты, не существует...

Белоцерковский: Николай Петрович, давайте теперь от экономики спустимся, что называется, к «простой» политической жизни. Каковы Ваши представления, предположения о наиболее вероятном развитии событий сейчас, после съезда народных депутатов?

Шмелев: Я очень осторожен на прогнозы — я боюсь прогнозов. Я всегда завидую людям, которые так смело говорят — вот через год, два, три, пять будет то-то и то-то. И всё же.

В политической системе процесс демократизации будет продолжаться. В этом я глубоко уверен, как и в том, что в результате (съезд это подтвердил) демократизация системы сверху пойдет до уровня города, района и т. д. Хотя и замедленно, но это движение идет.

В сфере межнациональных отношений — развитие очень опасное. И все-таки сейчас больше стало прослеживаться возможностей для компромиссов. Конечно, никто не гарантирован от чудовищных вспышек насилия, типа того, что случилось в Фергане, но там, боюсь, дело гораздо сложнее, чем просто национальная проблема. По-моему, это организованная преступность разок погрозила — если будете нас обижать, то знайте, что вас ждет в перспективе. Но и в межнациональных отношениях, мне кажется, после периода экстремизма, взрыва эмоций все-таки какой-то баланс интересов может быть найден. Крови не хочет никто. Сумгант, Тбилиси, Фергана кровью научили уже. Уж чего-чего, а крови в нашей истории хватало — этого мы наелись досыта.

С точки зрения внешнеполитических наших позиций, всё, как Вы видите, пока идет хорошо. Дай Бог, чтобы дальше так продолжалось. Последние два-три года просто идет очень хорошо.

Остается один самый сложный вопрос. Может быть, это профессия моя делает меня односторонним, но я больше всего боюсь нашего экономического состояния. Именно краткосрочного экономического состояния — в ближайшие два-три года. Если мы преодолеем надвигающийся финансовый кризис, мы пойдем дальше, не преодолеем — мы остановимся. На сколько остановимся, не знаю.

Белоцерковский: Но предстоят выборы в местные и республиканские Советы, и эти выборы, вероятно, будут проходить при еще большей активности избирателей, чем последние. Люди, наверное, вошли во вкус, почувствовали, что это значит — настоящие выборы. И у большинства представителей партийно-правительственного аппарата будет еще меньше шансов на избрание. Разве это не таит в себе огромную опасность для перестройки, для демократизации?

Шмелев: В Ваших словах сквозит вопрос: не потеряет ли правящая партия свои позиции на нижних этажах в структуре власти? Я думаю, не потеряет. Хотя в ней очень много, Вы правы, очень много людей, которые не привыкли ни перед кем отчитываться, тем более, перед собственным народом. Очень многие потеряют, очень много будет неожиданностей. Но альтернативы, организованной альтернативы, которая пришла бы на смену, просто не существует. Многие неожиданные лица возникнут; исчезнут авторитеты на районном, на городском, на областном уровне; появятся какие-то иные люди, но в основном это все-таки будут люди, я думаю, горбачевского направления — этого обновленческого перестроечного движения.

Могут возникнуть и имена людей, которых, если пользоваться западной терминологией, можно назвать независимыми. Те, кто не играют ни в одной из команд, а только сами от себя. Но ждать, что сформируется какая-то иная партия или иное движение, не стоит. Я не исключаю, что в перспективе все возможно, но не сейчас, а в перспективе. Пока же оппозиционную роль у нас играет Демократический союз. Они довольно горласты, может быть, и можно снимать про них драматические какие-то фильмы, но в общем это узенькая, слабенькая сила, которая серьезного авторитета не

имеет. Можно, скажем, представить себе какое-нибудь общество «Память» политическим органом, но это — не дай Бог. Или какие-нибудь братья-мусульмане — хотя, наверное, их общество наше не примет, не захочет. Как какая-то часть спектра все они, очевидно, будут, но это не та сила, которая могла бы составить либо конкуренцию правящей партии, либо взять на себя всю полноту ответственности. Какой-то силы, с которой партии как с партией пришлось бы бороться, пока нет — альтернатива не сформировалась. Ее можно в кабинете написать на бумаге, но органически она еще из нашей жизни не выросла. Это мое глубокое убеждение — альтернативы пока у нас нет. Есть лозунг «Верните назад Зимний!» — а кому возвращать этот Зимний? Это же нереально. И великорусское направление, православное и т. д. — у него тоже особой популярности не будет. Все-таки мы ушли вперед от этого.

Белоцерковский: На апрельском пленуме ЦК один из первых секретарей сказал, что многие партийные руководители обкомов, горкомов заявляют, что на следующие выборы они не пойдут, так как в создавшихся, мол, условиях (т. е. в демократических условиях) выборы они, наверняка, проиграют. Вы помните такое заявление?

Шмелев: Помню это заявление. Я не удивлюсь, если какая-то часть и не пойдет. Это реальность нашей жизни — реальность, с которой придется считаться. Какая-то часть руководящего состава обречена на то, чтобы уйти. Но вместо них придут люди из той же партии. Пусть у него нет партийных чинов, но он с этой же платформы, он тоже член партии. Должны появиться новые люди. Сколько их будет, никто не знает. Ведь никто же не знал результатов и не мог даже предвидеть результатов последних выборов. Так что, вполне возможно, и там будут какие-то неожиданности. Вот почему я очень боялся, что мы дадим задний ход. Нет, Горбачев лишь отложил выборы на полгода. Да, это компромисс. Они намечались на осень, а будут весной. Полгода вам на то, чтобы прийти в себя и предпринять какие-то меры, дабы не потерять свои позиции. Но сама концепция выборов остается прежней. И, насколько я

понимаю настроение съезда, никто не собирается реформировать закон о выборах в обратную сторону. Наоборот, только вперед! Такие настроения есть и, возможно, будут внесены изменения именно прогрессивного типа. Ну, а каким будет исход, — посмотрим.

Белоцерковский: Да, но не боитесь ли Вы, что секретари, аппаратчики, которым угрожает поражение на выборах, используют отпущенное им время, чтобы попытаться вообще остановить процесс демократизации?

Шмелев: Все возможно. Конечно, кто-то будет тормозить, кто-то будет стараться и остановить. Реальность, в которой мы живем, настолько многогранна и многокрасочна, что всё в ней будет присутствовать. И это будет присутствовать. Я под занавес хочу сослаться на Горбачева. Он же не скрывает, что идет борьба, идет жесткая политическая борьба. И признает, что, как во всякой борьбе, движение идет вперед-назад, влево-вправо — кто-то выиграл, кто-то проиграл, но все-таки всех интересует конечный баланс. И я надеюсь, что он будет со знаком плюс и на всех этажах нашей политической системы будут результаты. А до тех пор будет всё — будут рыдания, трагедии, обманы, давление, успех чей-то, чья-то радость, чье-то поражение — всё это будет.

20 июня 1989 г.

Николай Драгош

ПЕРЕСТРОЙКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

Маховик перестройки.

«Демократия нам нужна как воздух», — постоянно повторяет М. С. Горбачев. «Советский народ хочет ясной перспективы. Демократии полной и безоговорочной. Законности без изъятий. Гласности во всем — большом и малом», — заявил он на XIX партконференции в июне 1988 года.

Более 3-х лет с невиданным усердием прорабы перестройки верхних и нижних этажей власти раскачивают маховик ускорения процессов развития советского общества. Принято множество постановлений партийных органов, вступают в силу один за другим законы, призванные, «незвизрая на лица», регулировать все стороны жизни советского общества.

Однако раскачать маховик перестройки пока не удалось. Хотя информационный, культурный и духовный климат резко улучшился, экономика страны, важнейшая сфера, где решается судьба перестройки, никак не выберется из болота стагнации.

Западные толкователи процессов в СССР и их коллеги эмигранты объясняют замедление перестройки, ее пробуксовывание и даже возможность полной остановки тем, что народ, де, советский за 70 лет разленился, разучился работать, стал инертным, безынициативным, недоверчивым и даже враждебным ко всем реформаторским новациям сверху. «Если и существуют «враги перестройки», то это прежде всего сами массы, сам народ, который как будто бы много говорит, но на деле-то безмолвствует, несмотря на

* Из книги «Логика демократии и перестройка», которая готовится автором к печати. Н. Драгош — участник демократического движения в СССР, бывший политзаключенный, сейчас живет в ФРГ.

бурную реформаторскую деятельность вождя», — пишет Виктор Перельман, бывший советский журналист, а ныне главный редактор эмигрантского журнала «Время и мы» («Время и мы», № 98, с. 97). Разумеется, доля правды в этом, есть, но лишь мизерная.

«Намеченные пути» перестройки, ее рубежи, зафиксированные в партийных документах и законодательных актах, не предоставляют необходимого простора для развития инициативы и высвобождения творческой энергии народа. Достаточно проанализировать главный законодательный акт за четыре года перестройки, а именно «Закон СССР об изменениях и дополнениях конституции СССР», чтобы ясно увидеть границы и рубежи перестройки. Речь идет об изменениях, внесенных в конце 1988 года в брежневскую конституцию 1977 года, в свою очередь представляющую лишь новую редакцию сталинской конституции 1936 года.

Однопартийная «демократия».

И сталинская, и брежневская конституции служили своего рода фиговыми листками на голом теле партийно-бюрократической диктатуры, и лишь диссиденты 60-х — 70-х годов осмеливались изредка требовать от репрессивного аппарата: «соблюдайте свою конституцию». Для самой же руководящей номенклатуры страны содержание «Основного закона» было совершенно безразлично и представляло некоторый интерес лишь для пропагандистов.

Процесс перестройки политической системы должен завершиться, по планам ее прорабов, созданием правового государства, где конституция — своего рода фундамент, на котором воздвигается вся правовая система. Совершенно правы те немногие из числа принявших участие в обсуждении проекта закона о конституционных изменениях, кто настаивал на целесообразности разработки и принятия совершенно *новой* конституции. Горбачевское руководство решило отделаться косметическими переделками брежневской конституции. Главный ее раздел остался нетронутым. Именно в главах первой («Политическая система») и второй («Экономическая система») вкопаны те бетонные барьеры,

которые стоят на пути коренного преобразования политической и экономической системы страны Советов, завязшей в глубоком кризисе. Если руководство КПСС действительно готово совершить революционную перестройку, то необходимо как можно быстрее решить вопрос о власти и собственности.

Демократия нужна советской стране, как воздух, и не какая-нибудь, а именно «полная и безоговорочная». А для этого в первую очередь нужно убрать из Конституции СССР статью 6-ю, однозначно узаконивающую монополию КПСС на власть, что явно противоречит статье 2-й той же конституции: «Вся власть в СССР принадлежит народу».

Возражая киноактеру М. А. Ульянову, предложившему превратить прессу из «запуганной служанки некоторых товарищей» в «самостоятельную и серьезную силу», М. С. Горбачев заявил на XIX партконференции: «И при однопартийной системе у нас будет обеспечена такая демократия, которая не снилась никому, представляющему или желающему за рубежом подать себя как образец демократии». Подобные заявления делали чуть ли не все вожди КПСС, начиная с Ленина. И с ними, и с нынешним Генеральным секретарем ЦК КПСС нельзя согласиться. Если беспартийную демократию хотя с трудом, но можно представить, то однопартийную — никак. Даже сонному мозгу трудно скомбинировать подобный нонсенс. Однопартийная система — это одна из форм диктатуры, и практика однопартийных государств подтверждает это суждение однозначно. Как метко подметил автор анекдота из серии «армянского радио», «однопартийная демократия — это однополая любовь. Любовь вроде бы и есть, а плодов нет».

При современном уровне науки и техники, автоматизации производства, компьютеризации всех областей жизни общества и решающего значения информационного обмена, однопартийная диктатура, с ее склонностями к ограничению доступа к информации, беспардонному ее искажению, не может стать плодоносной даже в современном либеральном варианте периода перестройки и гласности и по-прежнему остается в роли тяжелого бремени на плечах ослабленного

сталинизмом и постсталинизмом большого советского общества.

Отказ от монополии на власть далеко не означает отхода КПСС от управления страной и уж тем более ее самороспуска. Пример либерально-демократической партии Японии, стоящей у власти чуть ли не со дня своего основания (1955 г.), т. е. более 30 лет, свидетельствует: чтобы доминировать в системе государственной власти в течение длительного времени, политическая партия не обязательно должна утверждать свою монополию на власть репрессивными методами и выхолащиванием общественной жизни страны. О том же свидетельствует опыт социал-демократической партии Швеции, доминирующей на политической сцене страны, с трехлетним перерывом, вот уже более полустолетия. Шведские избиратели не случайно отдают предпочтение социал-демократам. По уровню жизни Швеция прочно удерживает лидирующее место в Европе и находится в верхней части списка наиболее обеспеченных стран мира. Кроме того, уровень социальной защиты, обеспеченности шведов едва ли не самый высокий в мире.

КПСС обладает настолько мощным пластом управленческих кадров, распределенных во всех сферах общества, а возникшие в годы перестройки, как грибы после дождя, оппозиционные группировки настолько слабы и малокомпетентны, что она и без узаконенной монополии на власть еще долгие годы, а то и десятилетия будет доминирующей политической силой в стране. Это верно, конечно, лишь при условии, что руководство КПСС будет постоянным инициатором демократических реформ, их ведущей движущей силой, а не тормозом или своеобразным штабом срочного реагирования на опережающие события. В последнем случае инициативу возьмут в руки оппозиционные силы, и наиболее способная часть управленческих кадров может перебраться на их сторону, что равносильно утрате влияния и уходу КПСС с политической сцены. Нечто подобное чуть было не случилось в странах соцлагеря: в 1956 году в Венгрии, где лишь советские танки спасли компартию от полного коллапса, и в 1981 году в Польше, где то же самое предотвратили части особого назначения (ЗМО) под

командованием генерала Ярузельского. Однако подобное произошло в 1968 году в Чехословакии, где компартия, руководимая реформаторами, не только не утратила своих позиций в бурные месяцы Пражской весны, но наоборот — приобрела еще большую популярность.

Революционная перестройка политической системы, торжественно провозглашенная нынешним руководством КПСС, может действительно состояться, если она решит главный вопрос, а именно — вопрос о власти. Не демократизация или либерализация однопартийной системы (которая навязана народу десятилетиями самого безжалостного насилия и всепроникающей лжи, а не «сложилась исторически») принесет оздоровление. Необходима подлинная демократия, при котором единственным сувереном страны становится весь ее народ и никакая его часть (партия или слой) не может обладать монопольным правом на власть. Если бы КПСС готова была периодически подтверждать свою авангардную роль в обществе на подлинно свободных выборах с участием в них юридически и реально институционализированных оппозиционных организаций и партий (т. е. предоставила бы всему народу право решать, кому быть «авангардом» и управлять страной на основе обязательных для всех законов, а кому сидеть в оппозиции), то против доминирования компартии, если бы таковое даже стало традицией, вряд ли кто мог бы серьезно возразить.

Нужен ли «штурм Бастилии»?

Сегодняшние события в СССР, сопровождаемые нередко пролитием крови и грубым насилием, все чаще комментируются, представляются, а иногда и понимаются как некое олицетворение борьбы за власть. Причем чаще всего рисуется упрощенная картина: бюрократический аппарат КПСС безраздельно властвует, а власть, как известно, никто добровольно не отдает; и делается вывод: новый «октябрьский переворот» или даже «штурм Бастилии» практически неизбежен, как, разумеется, неизбежны и всякие эксцессы насилия задолго до решающего штурма.

Такое упрощенное толкование происходящего в СССР, а также перспектив развития событий, мягко говоря, не

соответствует действительности по следующим соображениям.

1. Руководство КПСС не под давлением каких-либо внутренних или внешних сил, а по собственной воле взяло курс на перестройку политической системы. Так называемый застойный период мог бы продлиться еще доброе десятилетие, если бы волею судеб к власти пришел не реформатор Горбачев, а некто из команды любителей застоя. Ведь удерживает же Румынию «кондуктору» (вождь) Чаушеску в тревожную эпоху перестройки прочно на рельсах сталинско-брежневского курса и даже не помышляет перестраиваться.

2. Понятие «власть» включает две ипостаси: власть — господство и власть — управление. В условиях подлинной демократии в стране господствуют все ее граждане вместе взятые — и только они, а не какая-либо прослойка или партия.

До перестройки в первую очередь господствовала партийная и государственная номенклатура. Управляла же она так, чтобы свое господство упрочить, расширить и даже увековечить, пожиная при этом все блага и преимущества. Развернувшаяся общественная и политическая борьба в СССР направлена именно на лишение номенклатуры права господства над народом, на передачу всей полноты власти не каким-либо другим организациям или партиям, а всему народу в целом. Разумеется, среди возникших многочисленных неформальных организаций имеются и такие, которые не прочь заменить господство коммунистического аппарата своим, но они, к счастью, исключение. Что же касается власти-управления, то недавние выборы на съезд народных депутатов однозначно подтвердили тот факт, избиратели страны Советов не желают быть управляемыми аппаратчиками. В крупных городах, где секретари обкомов и прочие сановные партийцы либо устраивали себе одномандатные избирательные округа, либо брали себе в качестве «соперников» малоизвестных кандидатов, неприязнь к партаппарату была продемонстрирована особенно ясно. Если более 50% избирателей округа, не сговариваясь заранее, дружно вычеркивают одно и то же имя какого-либо партсекретаря

или предсовета, то комментарии по поводу симпатий и антипатий избирателей излишни.

Неоспорим, однако, и тот факт, что к рядовым членам КПСС, как и к самой партии в целом, избиратели негативного отношения не высказали. Около 87% депутатских мест на Съезде принадлежат членам КПСС — довольно убедительное доказательство (для сравнения: в Верховном Совете прежнего созыва процент коммунистов, избранных по разнарядке сверху, составлял 72%). Несомненно, это уже не то послушно хлопающее и восхваляющее вождей партийное воинство, чинно заседавшее в Верховном Совете прежних созывов, но тем не менее это депутаты с партбилетами в кармане.

Население страны не против того, чтобы государственное управление осуществляли коммунисты, но именно те, которые получили в результате свободного волеизъявления избирателей мандат на управление, а не навязавшие себя в качестве управляющих. Иными словами, народ желает быть сувереном страны и, кому предоставить честь его представлять и им управлять, предпочитает решать сам, без указаний или подсказок самозванно объявивших себя «направляющей и руководящей силой общества».

Таким образом, смысл и цель политической и общественной борьбы в СССР состоит в том, чтобы ликвидировать господство партаппарата и передать всю полноту власти всему народу в целом, и только ему, т.е. установить подлинную демократию.

Курс в сторону демократии взят горбачевским руководством КПСС добровольно и потому призывать к «штурму Бастилии» — это ни что иное, как ломиться в полуоткрытую дверь. И представлять общественную и политическую оппозицию в СССР в виде скопища авантюристов и честолюбцев, рвущихся к власти, — это умышленное искажение картины происходящих в СССР процессов.

В том, что практика властвующего социализма, как и коммунизма, в целом пришла к закату, может сомневаться лишь верноподанный пенсионер или неизлечимый фанатик «светлого будущего». Но ни трезво мыслящий Горбачев, ни кто-либо из прорабов перестройки не испытывают желания увидеть межнациональную резню и кровавую бойню

оставшихся еще в живых «строителей светлого будущего» на тризне коммунизма. Потому-то, пока все инструменты власти находятся в их распоряжении, следует ожидать самую жестокую реакцию на любое общественное или национальное действие, которое может двинуть страну к кровавому закату. Тот факт, что именно умеренно и целеустремленно действующие эстонцы добились наибольших результатов, а там, где предпринимались попытки сразу же взять быка за рога, введено военное положение, подтверждает именно эту мысль.

Первый шаг в сторону демократии.

Руководители польских и венгерских коммунистов уже заявили о самом главном — об отказе их партий от монополии на власть и переходе к многопартийности, а также к плюрализму во всех сферах жизни народа. То же самое предстоит в недалеком будущем сделать руководству КПСС. Первые шаги в этом направлении уже предприняты. Одним из важнейших среди них следует, на мой взгляд, считать закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР от 1 декабря 1988 года и выборы на съезд народных депутатов СССР. Разумеется, это лишь небольшая щель в ограждениях «развитого социализма», через которую многим впервые удалось увидеть просторы демократии и даже попробовать прежде запретные ее плоды.

То обстоятельство, что декабрьские изменения Конституции СССР были недостаточно, а подчас ошибочно освещены в средствах информации, вынуждает хотя бы коротко их прокомментировать. Сначала о недостатках.

1. Съезд народных депутатов, являясь номинально высшим органом власти и законодателем страны, заседает лишь один раз в год* в течение нескольких дней. За такое короткое время можно лишь формально, как и в прежнем Верховном Совете, принимать законы и постановления, заранее разработанные и подготовленные другими органами

*Так сказано в законе, на самом Съезде было принято решение о двух сессиях в год (как правило).

власти. Т. е. высший орган власти — лишь формальный ее носитель.

2. Реальные законодательные, распорядительные и контрольные функции сосредотачиваются в постоянно действующем Верховном Совете СССР, избираемом на Съезде народных депутатов. Это означает, что выборы реального законодателя страны ступенчаты. С общепринятой формой прямых выборов высшего законодательного органа демократического государства это никак не увязывается. Кроме того, ступенчатые выборы предоставляют широкие возможности отбора в Верховный Совет именно угодных аппарату депутатов.

3. Треть депутатов высшего органа власти фактически не заслуживает названия «народных депутатов» по той простой причине, что народ их не избирает. Мандаты депутатов им вручены различными общесоюзными организациями, в первую очередь КПСС и прямо или косвенно подчиненными ей организациями.

Антидемократическая хитрость, встроенная в Основной закон, была не случайной. Опасения оказаться в числе проигравших даже в одномандатных, на первый взгляд удобных, избирательных округах были оправданными. На выборах 26 марта избиратели особенно усердно вычеркивали имя единственного кандидата, часто добавляя слова протеста: «выборы без выбора».

Наибольший антидемократизм встроенной хитрости проявляется в том, что выборы на съезд народных депутатов оказались из-за нее неравными. Рядовой гражданин страны, не состоящий в какой-либо эстаблированной организации, имеет два голоса: один — по территориальному округу, другой — по национальному. Члену КПСС прибавляется еще один голос. Можно себе представить избирателя с шестью голосами и более. К примеру, избиратель, имеющий членство в КПСС, профсоюзе СССР, ДОСААФ, объединении научных или творческих союзов, обладает шестью голосами, т. е. в три раза большим числом голосов, чем гражданин, которого не привлекает членство в какой-либо эстаблированной организации.

4. Большинство комментаторов, да и не только они,

почему-то резко высказались против сосредоточения огромной власти в руках Председателя Верховного Совета, который к тому же в соответствии с партийными решениями одновременно и глава КПСС. Хотя опасения единоличной диктатуры здесь вполне оправданы, тем не менее антидемократичность в этом пункте не усматривается. В западных демократиях общепринято положение: лидер победившей на выборах партии становится главой правительства или президентом.

Многим гражданам «страны Советов» показалось, что хозяин монопольно властвующей партии вдруг станет еще большим хозяином, если присвоит себе высший государственный пост. Им, видимо, невдомек, что беда не в том, какой пост присвоит себе генсек-хозяин, а в самой однопартийной монополии.

Это лишь краткий перечень недостатков закона об изменениях и дополнениях Конституции СССР. Их вполне достаточно, чтобы на первом же заседании съезда народных депутатов был сразу поставлен вопрос о разработке и последующем принятии через год, на втором заседании съезда, подлинно демократической конституции, отвергающей монополию на власть какой-либо партии или иной части общества.

Было бы совершенно неразумно говорить о «шаге вперед», если бы все эти минусы не перевешивались, и очень значительно, рядом положительных пунктов.

Отметим наиболее весомые из них.

1. Впервые за долгую историю советской власти на одно депутатское место выдвигалось сразу несколько кандидатов, что коренным образом изменило сам смысл и процесс выборов. И предвыборная кампания, и сами выборы 26 марта явили совершенно незнакомую советским гражданам картину волеизъявления народа. Народу была впервые предоставлена возможность выбирать или по крайней мере выразить свое отношение к кандидату. Правда, сам выбор был очень ограничен, и традиция «выборов без выбора» оказалась во многих регионах страны еще настолько прочной, что говорить о демократических выборах в реальном смысле пока что не приходится.

2. Страна Советов получает на восьмом десятилетии постоянно действующий законодательный орган — Верховный Совет, полномочия которого настолько широки, что очевидными становятся устремления прорабов перестройки к перенесению центра власти из ЦК и Политбюро в Верховный Совет и его Президиум с Председателем Верховного Совета во главе. Нечто аналогичное запланировано, видимо, на республиканском и местном уровне. Это означает, что практически власть на всех уровнях в недалеком будущем перейдет от партаппарата к депутатам Советов и государственным органам. Такой коренной сдвиг в структуре власти трактуется как возвращение к ленинским нормам управления государством. В ленинские времена чистые партаппаратчики, как известно, играли второстепенную роль. На наш взгляд, перемещение власти из партийных органов в государственные следует оценивать как серьезный шаг от партократии к демократии.

Паникерские речи первых секретарей обкомов на апрельском Пленуме ЦК, которые пытались свалить вину за личное поражение на выборах, кто на прессу, кто на центральные партийные органы, кто на неформалов и «антисоветчиков», и ответное требование Горбачева отказаться в работе с массами от авторитарных методов прошлого и делать ставку «на живую связь с людьми, на политические методы, на развертывание постоянного содержательного диалога со всеми общественными силами» проясняют характер отношения главы советского государства к партаппаратчикам. Если же вспомнить, как он вымел одним махом в отставку чуть ли не треть членов ЦК «по собственному желанию», а затем предложил опубликовать речи паникеров в печати (теперь стопроцентное поражение на местных выборах им обеспечено), то будущее некогда могущественного центра власти партии нетрудно предугадать.

Несомненно, новая система выборов, а также предстоящее перемещение власти в сторону Советов — лишь первый шаг к ликвидации монополии КПСС. Понадобится еще время (длительность его во многом зависит от положения в стране), пока руководство КПСС, следуя хорошему почину

венгерских и польских коллег, во всеуслышание заявит об отказе от навязанной народу «руководящей и направляющей роли».

Щит и меч партии.

Было бы наивно полагать, что декларативное заявление руководства КПСС об отказе монопольно властвовать означало автоматически конец однопартийной диктатуры. В течение 70-ти лет безраздельное господство воплотилось в деятельности самых разнообразных государственных и общественных институтов. Все они должны либо уйти в прошлое, либо подвергнуться существенным изменениям. Это в первую очередь касается главной опоры однопартийного господства в течение всего периода советской власти — КГБ.

Просто разогнать всех чекистов, предварительно лишив их удостоверений и оружия, осудив некоторых из них за преступления, было бы не совсем разумно. КГБ обладает специфическими кадрами, которые необходимы любому государству. Целесообразнее реорганизовать КГБ в два ведомства: всесоюзное ведомство разведки и всесоюзное ведомство расследования тяжких преступлений. Первое ведомство, подобно американскому ЦРУ, должно заниматься общей разведкой, второе — расследованием наиболее тяжких преступлений, организованной преступностью.

Мафиозные организации в последние годы растут, как грибы, и расползаются по всей стране, охватывая кровавыми щупальцами кооператоров, индивидуалов и прочих хозяйственников. Они стали серьезной преградой на пути развития кооперативной и частной предприимчивости во всей стране. Почему бы бравым чекистам, вместо позорного занятия соглядатаев за противниками несостоявшегося коммунизма, не померяться силами и сноровкой с советскими мафиози, грозящими превратить страну в огромную Сицилию, а Москву — в советский Неаполь?

Союз суверенных республик.

Европейское сообщество быстрыми темпами движется в сторону централизации, перенесения части суверенитета в центральные органы власти и организации ЕС. Советскому

Союзу предстоит движение в противоположную сторону: от всеохватывающего централизма — к суверенитету республик, к местной и культурной автономии. Для этого, в первую очередь, необходимо разработать и принять совершенно новую конституцию союза республик, своего рода договор между ними, которая, на наш взгляд, должна содержать следующие основные идеи:

1. Определение Советского Союза как конфедерации суверенных государств-республик.

Однозначное подтверждение государственного суверенитета каждой союзной республики и четкое определение того, какие именно права и полномочия и в какой мере делегируются в центральные органы власти союза.

Каждой республике должно быть предоставлено право установления дипломатических и прочих отношений с другими странами мира, а также иметь представителей в ООН и других международных организациях.

Большие республики, включающие в свой состав автономные республики и области должны представлять собой федерации, в которых законодательными функциями местного значения были бы наделены республиканские и областные советы депутатов, как, к примеру, отдельные штаты в США, или земли в ФРГ.

К высшим органам власти Союза необходимо добавить Совет республик, в состав которого входили бы главы верховных советов и премьер-министры республик. Основная функция Совета республик — окончательное обсуждение и утверждение законов принятых Верховным Советом Союза. Лишь после прохождения закона через Совет республик и подписания его Председателем Верховного Совета Союза он вступает в силу на всей территории Союза.

2. Все союзные республики должны быть на деле уравнены в правах как внутри Союза, так и в отношениях с другими странами. Это касается, в особенности, Российской Федерации, которая сейчас представляет собой своего рода метрополию. Положение метрополии не только дает РСФСР серьезные преимущества, но и очень существенно ограничивает ее возможности. Центральные органы власти и

партии, хозяйственные и научные учреждения СССР и РСФСР в значительной степени смешаны и переплетены, так что трудно часто судить, что же конкретно находится в компетенции Российской Федерации. Достаточно сказать, что руководство КПСС не сочло нужным иметь республиканское ЦК в России; не существует российской академии наук; РСФСР — республика, по населению и территории превосходящая все остальные республики вместе взятые, не представлена в ООН. Самое же парадоксальное, что РСФСР не имеет своей столицы. Российская Федерация должна быть полностью уравнена в правах с другими республиками и избавлена от роли метрополии. Вполне целесообразно для этой цели перенести столицу Союза республик в другой город страны.

3. Государственным языком каждой республики должен быть признан лишь язык ее коренного населения. Все государственное делопроизводство, документация должна вестись на этом языке. Постоянные жители республики обязаны знать ее государственный язык или изучить его в течение определенного времени (такое правило существует в странах Европейского Сообщества: граждане Франции обязаны знать французский, ФРГ — немецкий, Испании — испанский, и никому в голову не приходит навязать им какой-либо другой язык в качестве государственного; иное дело — техническая, хозяйственная, научная литература и документация. Здесь законы бессильны что-либо предписывать, и при решении вопроса о языке исходят из чисто рациональных соображений).

Разумеется, нельзя не учитывать тот факт, что почти все население (молодое поколение, в особенности) в СССР знает русский язык. Поэтому из чисто рациональных соображений есть смысл оставить русский язык в качестве языка межреспубликанских отношений.

Нельзя забывать и того, что в результате постоянной миграции населения почти каждую республику можно назвать многонациональной, причем в некоторых из них коренная национальность составляет незначительное большинство или даже меньшинство населения. Националы-экстремисты устраивают порой погромы против «инород-

цев», принуждая их покинуть обжитые места. Эмоции националистов вполне понятны, но рационального смысла или малейшего чувства реальности и справедливости в их кровавых и разрушительных действиях нет. Они просто преступны. Наивно надеяться на то, что перестройка может обернуться насильственным переселением десятков миллионов ни в чем не повинных людей.

Республики по крайней мере еще в течение многих десятилетий будут оставаться многонациональными, и с этим упрямым фактом придется смириться всем. Более того, придется научиться национальной терпимости и даже уважению к «инородцам» не по указке сверху, а из чисто гуманных и рациональных соображений. Европа, кстати, сделала огромные шаги в сторону национального примирения самых различных народов.

Одним из первых шагов в этом направлении могло бы стать (и это уже происходит) открытие в каждой республике для национальных меньшинств школ и учебных заведений с преподаванием на родном языке (разумеется, государственный язык республики должен быть включен в программы преподавания). Той же цели могли бы служить открытие культурных центров национальных меньшинств, издание газет, организация специальных передач радио и телевидения.

4. Территориальное деление и границы республик далеко не соответствуют реальному расселению народов СССР. Поэтому территориальные споры и межнациональные конфликты неизбежны. Как свидетельствуют реальные события, в частности, вокруг Нагорного Карабаха, спорные территориальные вопросы вряд ли могут быть решены успешно самими республиками или конфликтующими сторонами вообще. Потому-то основой для решения территориальных и межнациональных конфликтов должно стать конституционно оформленное право на самоопределение населения региона. Постоянным жителям области, автономной республики должно быть обеспечено право путем свободного референдума самим решать, в составе какой республики им пребывать. Что же касается спорных территорий, непосредственно прилегающих к границе между

республиками, то здесь право на самоопределение должно быть предоставлено населению районов и даже отдельных населенных пунктов. Следует также в конституции оговорить, что данным правом можно воспользоваться только в случае возникновения территориальных и межнациональных конфликтов. Это примечание будет в немалой степени сдерживать горячие головы.

5. Рыночная экономика не терпит искусственно созданных границ. Необходима полная свобода перемещения без всяких пошлин товаров, капиталов, а также в некоторой степени рабочей силы по всей территории Союза. Несомненно против свободной миграции рабочей силы могут серьезно возразить — именно ее интенсивное перемещение форсировало русификацию республик. Нельзя при этом, однако, забывать, что размещение крупных предприятий на территории республик как раз и имело своей целью русификацию. Кроме того, при обязательности знания государственного языка республики, опасность оседания на длительное время большого числа работников других национальностей невелика. Опыт Европейского Сообщества как раз подтверждает этот факт: иноязычным работникам приходится приспосабливаться к новой языковой среде, а в случае оседания — ассимилироваться, что для взрослых — большая душевная травма. Поэтому миграция населения внутри ЕС сравнительно мала. Совершенно иной вопрос, что в процветающие страны ЕС пытаются попасть и найти там пристанище миллионы жителей слаборазвитых регионов мира (социалистические страны, кстати, лидируют по числу переселенцев в ЕС).

Вполне целесообразно ввести республиканское гражданство и соответствующие паспорта в республиках, что тоже ограничит приток новых переселенцев.

В республиках Прибалтики и в Грузии раздаются требования создания республиканских эмиссионных банков для выпуска денежных знаков республики. Если в политическом аспекте эти требования вполне оправданы, то в экономическом — вряд ли рентабельны.

6. В брежневской конституции в ст. 72 записано: «За каждой республикой сохраняется право свободного выхода

из СССР». Эта статья была всего лишь пропагандистской декорацией. Отдельных смельчаков из республик, отважившихся громко заговорить о праве на отделение в брежневское и хрущевское время сажали в лагеря, тюрьмы и психушки, в сталинское — частенько расстреливали.

Давно настала пора не только закрепить за каждой союзной республикой право на выход из состава СССР, но и конституционно установить процедуру выхода, в основе которой должна быть утверждена идея права народов на самоопределение (народов, но не органов их властей, которые не могут в данном случае представлять весь народ.) Иными словами, вопрос о выходе из состава Союза может быть решен только свободным референдумом с обязательным участием всего взрослого населения республики.

Если суверенитет республик в составе Союза будет конституционно зафиксирован и реально обеспечен, то настаивать на полном отделении не рационально по следующим причинам:

а) В мире идет процесс объединения государств в различные союзы, ассоциации. Движущую роль в этом процессе играют не столько политические или оборонные соображения, сколько экономические, научные, экологические факторы. Отдельным государствам, малым, тем более, просто не под силу решение экономических, технологических, научных и экологических проблем современного общества.

б) Советские республики интегрированы в единую экономическую структуру страны с соответствующим разделением труда, распределением производственных комплексов и объектов и практически единой энергетической системой. Экономика каждой республики стала неотъемлемой частью единого экономического организма страны. Поэтому полное отделение экономики республики от общего хозяйственного организма страны будет иметь тяжелые последствия именно для самой республики. Придется практически создавать новую экономическую инфраструктуру, закрывать ненужные фабрики и заводы, строить новые. Ведь отделение республики означает и создание таможенных границ, и поставку сырья и энергии уже не по общесоюзным ценам, а продажу по мировым ценам, да не в рублях или

республиканской валюте, а в долларах. Сразу же встанет вопрос о сбыте товаров, производимых в республике на заводах общесоюзного значения. Из-за их низкого качества мировой рынок их не примет, а союзный может и отказаться от них.

Некоторые националы лелеют надежду: стоит им отделиться, как тут же прибегут заграничные дяди с тугими кошельками на помощь. Пустая иллюзия: сегодня с протянутой рукой стоят более сотни государств, а число богатых стран, способных что-либо подать, ограничено всего лишь двумя десятками. Еще одну протянутую руку могут не заметить или проигнорировать.

Поэтому, исходя из чисто экономических интересов, можно без обиняков сказать : выход отдельных республик из Союза — не в их интересах.

в) Выше уже отмечалось, что каждая республика стала многонациональной. Национальные эмоции уже сейчас накалены до предела — то и дело выливаются они в кровавые побоища. Полное отделение может вызвать взрыв взаимной озлобленности и вражды. Последствия малопредсказуемы. Не исключена даже гражданская война в отделившейся республике. Ворошить национальный муравейник размежеваниями и отделениями весьма опасно по крайней мере в ближайшие 5-10 лет.

Подводя черту, можно сделать следующий вывод. Наиболее оптимальное решение национального вопроса состоит в перестройке нынешнего СССР, фундаментом которого является политический централизм (монополия на власть КПСС) и плановое хозяйство, в союз суверенных республик, конфедерацию государств с общим свободным рынком и экономикой, допускающей самые разнообразные формы собственности. Только в этом случае народы Союза смогут выбраться из болота политического, экономического и национального кризиса, ставшего ныне суровой действительностью.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Марью Лауристин

РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ВОЗМОЖНО

В конце июня 1989 г. в Западную Германию для чтения лекций приехала известная общественная деятельница Эстонии, один из лидеров Эстонского народного фронта, заведующая кафедрой журналистики Тартуского университета, народный депутат СССР, депутат Верховного Совета СССР Марью Лауристин. Редактор журнала «Форум» взял у М. Лауристин интервью.

Малинкович: Марью Йоганессовна, в конце работы съезда народных депутатов СССР Латвийский народный фронт заявил о том, что он меняет свою позицию по отношению к принципам суверенитета республики: если раньше участники этого народного движения полагали, что возможно добиться суверенитета в Союзе ССР, то сейчас народный фронт будет добиваться полной независимости, т. е. выхода из СССР. Не изменилась ли позиция Эстонского народного фронта после съезда в Москве.

Лауристин: Нет, наша позиция после съезда не изменилась. Наша позиция уточнилась уже до съезда. Мы опубликовали уже до съезда нашу декларацию о самоопределении наций, где мы четко сказали, что естественным правом, целью любой нации является национальное самоопределение, и его высшей формой является собственная государственность. И для народов, которые имели собственную государственность, потеря ее является невосполнимой утратой. Естественно, что народ стремится как бы получить обратно то, что он потерял.

Что же касается конкретных путей для достижения этой цели, то мы все-таки и сейчас придерживаемся концепции, которой мы все время придерживались: очень важно добиться национального самоопределения как принципа для всего Советского Союза и двигаться по пути достижения нового государственного устройства всего Советского Союза на договорной основе. А что касается Прибалтики, то тут, конечно, особая ситуация, потому что в связи с нашей историей, в связи с тем, что Прибалтика была насильно присоединена к Советскому Союзу в 1939-40 годах вследствие пакта Сталина-Гитлера, вопрос о самоопределении для балтийских наций имеет несколько особое значение, и, конечно, нужно учитывать реальные возможности, которые есть. Т. е. одно дело видеть идеал, другое дело — смотреть себе под ноги, на тот путь, которым мы идем.

Малинкович: То есть необходимо идти на какие-то компромиссы? Если вы в принципе выбрали путь на будущую независимость, то получается, что построение правового государства в Советском Союзе для вас уже вещь, скажем, второстепенная.

Лауристин: Нет!

Малинкович: Нет? Вы допускаете, что Эстония в принципе может сохраниться как суверенное государство в рамках Союза ССР, если этот Союз будет перестроен на совершенно иных принципах, на принципах нового союзного договора?

Лауристин: Мы считаем, что это право народа решить. Я, например, об этом писала, высказала идею, что нужен референдум. И в зависимости от того, каким будет Союз, насколько он будет демократичным, насколько там будут соблюдаться права наций, которые сейчас не соблюдаются, народ будет решать. А мы можем только предсказать в ту или иную сторону, что же народ решит.

Малинкович: Недавно проходил пленум ЦК КП Литвы, и на этом пленуме руководитель КП Бразаускас сделал, как минимум, два очень интересных заявления. Одно из них — о независимости, в перспективе, литовской компартии.

Литовский комсомол уже сделал подобное же заявление. И второе — о принципе конфедерации. До сих пор официальные руководители прибалтийских государств, даже такие наиболее последовательные сторонники суверенитета как эстонцы, все-таки не говорили так прямо о принципе конфедерации...

Лауристин: Говорили.

Малинкович: Но каково, по-Вашему, принципиальное различие между принципами конфедерации и принципами федерации?

Лауристин: Надо иметь в виду то, что слова употребляются в разном значении. Само слово «федерация» употребляется в разном значении. И если мы говорим о «конфедерации», то главным образом, чтобы отличать ее от того, что мы знаем на практике как Российская федерация. Ведь РСФСР — это единственная федерация, которую практически знают советские народы, и там абсолютно нет никакого суверенитета национальностей — татар, башкир и т. д. А если говорить о федерализме в широком смысле, то конфедерация входит в принципы федерализма, о которых, скажем, сейчас говорят как о «ленинских принципах». Именно в них много тех черт, которые мы подразумеваем как черты конфедерации.

В чем вопрос? Вопрос в том, что государственное самоопределение должно давать возможность каждому народу самому решать и свои внутренние экономические проблемы, и свои внешние связи. Скажем, вступать в отношения с другими государствами под своим флагом, но в то же время иметь связи, договор с другими республиками в конфедерации — допустим, о внешней политике или об обороне и т. д. То есть, это может быть и принцип, подобный союзу стран СЭВ, но, скажем, более тесно соединенных. То есть это промежуточное звено между полной независимостью и вхождением в такое союзное государство, каким сейчас является Советский Союз.

Малинкович: Но, насколько я понимаю, Советский Союз именно такой конфедерацией и должен был бы стать,

если бы был построен по ленинским принципам. Ленинский план объединения в СССР подразумевал необходимость объединения республик только в отношении военном и дипломатическом.

Лауристин: Да. Скажу еще больше: сейчас в Германии я очень много говорила с немецкими юристами, экономистами о будущем Европы. Это будет Объединенная Европа. И совершенно ясно, что эта Объединенная Европа в чем-то приближается именно к принципу какого-то нового типа конфедерации. И Советский Союз, если он будет двигаться в сторону общеевропейского дома, видимо, должен будет тоже как-то адаптировать свою систему к этому Общему дому.

Малинкович: Совершенно верно. Но, тем не менее, советская официальная пропаганда как раз очень часто использует мотив общеевропейского дома против требований прибалтийцев о суверенитете. Обычно говорят о том, что сейчас все тянутся к интеграции, а не к дезинтеграции. Совсем недавно в журнале «Коммунист» была статья академика Моисеева на эту тему — о том, что, мол, все современные европейские государства пытаются объединить свои экономические усилия, а вот прибалтийцы хотят отделяться и добиваться полного финансово-экономического суверенитета. Если тут на самом деле противоречие?

Лауристин: Нет. Это больше похоже на демагогию. Почему? Потому что, если посмотреть на общеевропейский процесс, то легко увидеть, что это *самостоятельные* государства ищут возможности для более тесного содружества. Т. е. основой содружества является то, что каждый его участник был самостоятельным и уже развился до того предела, когда он чувствует интерес в том, чтобы вместе решать какие-то проблемы. И это естественное содружество. А в Советском Союзе именно в эпоху, которую мы называем «сталинизмом», называем «застоем» и так далее, произошло как раз обратное: у народов отняли возможность самостоятельного развития, их подчинили тоталитарному принципу, т. е. смешали все в один коктейль. И для того, чтобы прийти теперь к тому же состоянию добровольности и взаимного интереса, нужно пройти через стадию дифференциации.

Малинкович: Это безусловно. И все же: сталинизм был, и такая интеграция уже произошла. И сейчас многие московские экономисты утверждают, что Эстония не сможет жить самостоятельно (как и многие другие, кстати, республики Союза), потому что она уже интегрирована в общесоюзную систему. Скажем, у вас в Эстонии достаточно много огромных комбинатов, которые, в общем, для развития народного хозяйства Эстонии совсем не обязательны, но вместе с тем они существуют и они тесно связаны с другими хозяйствами в пределах Союза. Кроме того, Эстония получает по выгодным, так сказать, неевропейским, ценам нефть и некоторые другие стратегически важные товары. Действительно ли у Эстонии нет возможности для существования вне рамок Советского Союза? Я имею в виду экономические возможности.

Лауристин: Мы это просчитывали, когда составляли проект хозрасчетной Эстонии. И совершенно ясно, что Эстония (как, скажем, та же Финляндия) не может существовать вне экономических связей с другими советскими республиками. И я просто напомню (это, по-моему, уже Маркс выявил), что нет ничего более общественного и связывающего, чем рынок. На рынке не может продавец жить без покупателя и покупатель без продавца, и поэтому мы считаем, что именно выход на хозрасчет сделает более крепкими все экономические связи между республиками, потому что это будет уже связь через рынок, т.е. необходимая связь. А всякое ведомственное разделение, как сейчас, и объединение только через центральное московское министерство, именно разъединяет.

Малинкович: Могут ли Эстония и другие прибалтийские республики, по-Вашему, стать связывающим звеном между СССР и западным рынком, западным европейским сообществом, скандинавскими странами?

Лауристин: Это естественная, чисто географически естественная позиция для таких стран, как государства Скандинавии и республики западной части Советского Союза, чтобы Прибалтика более интенсивно развивалась именно в сторону связей не только внутри Союза, но и с

Западом и стала бы местом, где могут встречаться и потоки информации, и потоки товаров, и транспорт. И уже сейчас мы это делаем: первая общая фирма «Балтлинк», которая связывает Скандинавию с Европой через Прибалтику, это именно такое явление.

Малинкович: Одна из сложнейших советских проблем — это проблема конвертируемости рубля. Необходима ли Эстонии, чтобы стать таким связывающим мостиком между Европой и Советским Союзом, своя собственная валюта?

Лауристин: Мы, наши экономисты, к этому пришли, и сейчас на съезде в Москве мы видели, что эта идея пробивается и воспринимается все более положительно и московскими экономистами — просто как экономическая необходимость. То есть это будет тот же самый рубль, но конвертируемый по реальной стоимости. Это не какая-то абстрактная своя валюта. Это необходимо для того, чтобы иметь возможность реальной торговли с другими странами.

Малинкович: То есть рубль, обеспеченный только эстонской промышленностью, а не всесоюзной?

Лауристин: Да, но эстонской промышленностью как частью всесоюзных связей.

Малинкович: Я сейчас хочу перейти к внутренним проблемам Эстонии, в частности к проблеме республиканского гражданства. Все-таки в Эстонии проживает около 40 % неэстонского, некоренного населения, — главным образом, русскоязычного. Сейчас, видимо, вопрос о принципе республиканского гражданства не стоит — я думаю, все уже понимают необходимость такого гражданства. Сейчас стоит вопрос об избирательных правах жителей Эстонии. Вот в предлагаемом проекте закона о выборах записано, что люди, которые живут в Эстонии меньше 15 лет или менее 5 лет на одном месте, не могут быть избранными в высшие органы республики. Означает ли, что эти люди будут неполноправны?

Лауристин: Я не видела этого проекта, о котором Вы говорите. Если он был опубликован сейчас, на этой неделе, я

уже была в ФРГ и просто его не читала. И я не знаю, как там решена проблема с цензом оседлости. Но это естественно, что для местных выборов какой-то ценз оседлости должен быть: избиратель должен выбирать людей, которые будут руководить местной жизнью и должны хорошо ее знать. Что же касается всесоюзных выборов, то тут нет никакого ценза, потому что есть общесоюзное гражданство и общесоюзные права равны для всех.

Вообще, насколько я знаю, в большинстве стран Скандинавии и в ряде других государств такой ценз оседлости для местных выборов существует.

Малинкович: В западных странах есть ценз оседлости для людей, приехавших в эти государства *из-за границы*. Но совсем иное правовое положение людей некоренной национальности, живших в этих странах постоянно до возникновения там государств. Ну, скажем, ФРГ возникла в 1949 году. Здесь жили в основном немцы, но и не только немцы до этого 1949 года. И когда при возникновении республики жители получали права граждан ФРГ, не стоял вопрос, кто по национальности тот или иной человек...

Лауристин: Да, но и у нас тоже нет проблемы национальности. Это просто проблема времени, адаптации, а не проблема национальности. Абсолютно нет.

Малинкович: В связи с этим — проблема русскоязычного населения. В Эстонии есть целый ряд районов, где русскоязычное население составляет не просто большинство, подавляющее большинство. Например, районы Нарвы, Кохтла-Ярве и другие. Предполагается ли там какой-то особый автономный статус в случае достижения Эстонией суверенитета?

Лауристин: Дело в том, что для всех регионов Эстонии в ситуации хозрасчета предполагается, что и на более низком уровне будет хозрасчет и будет очень широкая самостоятельность всех локальных органов, возможность организовать свое хозяйство и т. д. И это точно так же будет касаться и Нарвы, и Кохтла-Ярве и т. д.

Малинкович: Но если возникнет демократическое эс-

тонское государство — в рамках Союза или вне его, предполагается ли в таком государстве свой Совет национальностей — палата, которая бы представляла интересы национальных меньшинств?

Лауристин: Вы знаете, до таких деталей еще дело не дошло. Пока что мы в рамках имеющейся политической системы, «союзной Конституции» ищем возможные варианты нового избирательного права или каких-то других вещей. А о том, какими будут те или иные институты власти, дело еще не идет. Это предметы более далекого исследования и будущих проектов.

Малинкович: Существует ли в Эстонии определенная межнациональная напряженность в связи с движением последнего времени?

Лауристин: Да, конечно. Потому что многие люди впервые вообще осознают двусмысленность ситуации, потому что ведь очень многие люди до сих пор не знали и не понимали многих проблем истории и политики. И я считаю, что нужно иметь очень много терпения, очень много терпения.

Малинкович: А делает ли что-либо Народный фронт для привлечения на свою сторону русскоязычных жителей страны?

Лауристин: Мы с самого начала считали это очень важным. У нас есть русская секция в Народном фронте. Мы теперь стали издавать русскую газету Народного фронта не только в Таллинне, но и в Тарту — газету «Тартуский курьер». Мы ее издаем в сотрудничестве с ленинградцами и стараемся дать возможность для совершенно свободного высказывания всяких мнений, позиций и т. д., потому что это очень важно — привлечь именно демократическую часть русскоязычного населения к достижению общих целей... И наши исследования показывают, что потенциально эта часть довольно большая — где-то 32-35% русского или русскоязычного населения симпатизирует нашим идеям.

Малинкович: Вы — депутат Верховного Совета СССР, Вы встречались в Москве со многими представителями

депутатских демократических групп (и, видимо, не только депутатских) Москвы и России. Считаете ли возможным тесный контакт с этими группами?

Лауристин: Эти контакты естественны. Они возникают спонтанно на каждом шагу, и они будут в порядке общения усиливаться. Очень много совершенно прекрасных людей. И я думаю, что Верховный Совет и съезд в этом смысле очень помогли нам найти друг друга, увидеть и понять друг друга.

Малинкович: В предвыборных программах некоторых русских демократов есть положения, касающиеся национальных проблем, которые кажутся не всегда приемлемыми, скажем, для представителей Прибалтики. Я сошлюсь на предвыборную программу академика А. Д. Сахарова, на то место, где он говорит о необходимости предоставить всем нациям, имеющим свою территорию в пределах Советского Союза, статус союзной республики. Считаете ли Вы такое предложение приемлемым и серьезным?

Лауристин: Я считаю, что это предложение имеет, так сказать, абстрактную красоту, но не имеет все-таки практического приложения. Хотя мы тоже принципиально стоим за то, чтобы все нации — и малые нации, и совсем-совсем маленькие, — имели права для самозащиты, для сохранения своего языка, культуры и т. д. То, что сейчас, например, сделано с народами Севера или Дальнего Востока — это просто преступление, геноцид. Так что это очень важная проблема, которую академик Сахаров поднимает.

Малинкович: Безусловно, но опыт двух последних лет свидетельствует о том, что внутри республик могут возникнуть движения национальных меньшинств, которые будут обращаться к России за помощью. Я сошлюсь на пример Грузии, на абхазский конфликт. Есть и целый ряд других конфликтов. Не опасаетесь ли Вы, что некоренное население Эстонии в какой-то момент потребует защиты у Москвы, и это может послужить поводом для конфронтации между Москвой и независимой или суверенной республикой?

Лауристин: Нас ведь этим все время пугают. Насчет этого есть даже специальные резолюции. Но тут все-таки надо очень четко различать нации как нечто целостное — когда малые нации, малые народы живут вкрапленные в другие, и просто людей, которые мигрируют из республики одной в другую, не составляя целостной нации. Нельзя сказать, что есть в Советском Союзе пятнадцать русских наций, — есть все-таки одна русская нация.

Малинкович: Марью Йоханессовна, Вы принимали участие в работе съезда народных депутатов и сейчас участвуете в сессии Верховного Совета СССР. Как депутаты съезда отнеслись к предложениям прибалтийцев?

Лауристин: Были очень острые ситуации, когда Прибалтика очень четко входила в так называемое «демократическое меньшинство», когда мы чувствовали очень сильный нажим со стороны другой половины, более консервативной. Но надо сказать, что за время съезда чисто психологически ситуация все-таки изменилась в пользу идей, с которыми мы пришли. И, по-моему, очень важно то, что многие люди поняли (они нам прямо об этом сказали), что мы стоим не только за себя, что это не какой-то национальный эгоизм, что мы хотим создать в принципе более демократическую систему для защиты интересов всех наций, всех республик в Советском Союзе.

Малинкович: И тем не менее, контакт между представителями Прибалтики и, скажем, демократическим меньшинством от других республик не всегда бы достаточно прочным. Это проявилось, в частности, в связи с проблемой голосования за кандидатов в Верховный Совет: должны ли они выдвигаться всем съездом или республиками? Я знаю, что представитель московской группы Рой Медведев довольно резко и, по-моему, не совсем уместно атаковал представителей Литвы, когда они заявили о своем желании выдвигать кандидатов от республики и голосовать по республикам.

Лауристин: В том-то и вопрос, что мы последовательно отстаиваем именно принцип Советского Союза как союза

национальных государственных образований. И поэтому депутацию от имени республики считаем, так сказать, окончательно правомочной. С точки зрения, выраженной Роем Медведевым, не этот принцип должен быть первым. Тут просто некоторое различие подхода. Но я думаю, что в ходе дискуссии, которую мы имели в Московском клубе депутатов, наши позиции во многом прояснились и сблизились на общедемократических основах. Просто очень трудно иногда показать людям, которые привыкли смотреть на вещи со стороны общечеловеческих интересов, прав человека, прав гражданина, что с этой же позиции права наций тоже являются общедемократическими.

Малинкович: Очевидно. Но здесь есть и объективные трудности. Дело в том, что, на мой взгляд, существует большая разница в положении демократически настроенных депутатов в делегациях республик. Если прибалтийцы выдвигали действительно сторонников суверенитета и демократии, то от Украины, к примеру, такие депутаты не смогли стать депутатами Верховного Совета именно потому, что украинская делегация выдвигала общий список, куда демократы не попали. От Украины прошли, главным образом, реакционные депутаты, а представители народных движений, в частности, Владимир Черняк, Ростислав Братунь и другие подлинно народные депутаты не попали в Верховный Совет, поскольку в украинской делегации доминировали аппаратчики.

Лауристин: Да, но это вечная дилемма — это вечная дилемма между демократией как системой определенных всеобщих принципов и подходом от прецедента.

Малинкович: Вы входите в комиссию, которая должна дать оценку пакту Молотова-Риббентропа, и в комиссию по труду, ценам и социальной политике Совета Союза Верховного Совета СССР.

Чего бы Вы хотели добиться как член комиссии по труду?

Лауристин: Я хочу в этой комиссии продолжить ту работу, которую делала в Эстонии, когда мы готовили проект хозрасчета — ИМЭ. Моя обязанность была вести

группу, которая разрабатывала социальную часть, социальные гарантии и т. д. И некоторые из этих идей, я считаю, довольно разумными и, может быть, пригодными в более широком смысле для других республик.

Вопрос хозяйственной самостоятельности республик — это сейчас предмет очень обостренной борьбы. На съезде это уже было видно, и также в Верховном Совете. Мы добились того, что в постановлении съезда отмечена отдельно необходимость рассмотрения инициатив Эстонии и Литвы о переходе уже в следующем году на республиканский хозрасчет. И я считаю, что это сейчас принципиально важно для всего Союза — признать, что децентрализация экономики, самостоятельность не только республик, но, может быть, и областей России, и т. д. — это единственная возможность выхода из экономического кризиса.

Малинкович: В связи с работой комиссий Верховного Совета я хотел бы Вас спросить о комитете по обороне и государственной безопасности. Деятельность этого комитета, по-видимому, очень важна для будущего всего Союза, в том числе прибалтийских республик. Входят ли эстонские представители в этот комитет?

Лауристин: Сначала два слова вообще об этом комитете. Тут возникла коллизия, потому что, по нашему представлению, этот комитет должен со стороны гражданских властей контролировать армию, безопасность и т. д. Когда этот комитет формировался, то наши представители очень резко выступали против того, что там большинство составляют именно представители армии. И от нас там есть представитель. Наш представитель — профессор военной истории Вилло Ловара, который, с одной стороны, очень хорошо знает армию, но, с другой стороны, он человек сейчас уже гражданский и придерживается демократических принципов.

Малинкович: Основываясь на результатах выборов в Верховный Совет СССР и на съезд народных депутатов СССР можно предположить, что в будущих государственных органах трех прибалтийских республик народные движения будут их контролировать. Так ли это?

Лауристин: Уже с самых первых дней движения народных фронтов мы очень четко сказали (мы этого придерживаемся и сейчас), что мы не хотим, чтобы движение что-то контролировало, — наша цель, чтобы избиратели контролировали. То есть мы хотим активизировать избирателей — ведь наше движение открыто, мы же не имеем, скажем, списка членов — от первого до последнего человека. И поэтому мы хотим, чтобы люди чувствовали: Народный фронт стремится дать возможность любому человеку, который хочет выразить какие-то интересы, сделать это — мы стараемся создать такой политический механизм, который гарантировал бы такое право человека.

Малинкович: Не ожидаете ли Вы, что Народный фронт Эстонии выступит во время предвыборной кампании уже с различными групповыми платформами т. е. не разобьется ли он реально на различные политические группировки?

Лауристин: Это сейчас рано предвещать. 8-го июля, когда я буду уже опять дома, соберется Совет Народного фронта, и там как раз один из главных вопросов повестки дня — формирование предвыборной платформы Народного фронта. Мы начинаем политическую дискуссию о путях развития общества и о роли Народного фронта. Поэтому я не могу еще Вам сказать, к чему это приведет.

Малинкович: А Ваше личное мнение: что сейчас в интересах Эстонии — сохранить единство Народного фронта или развивать плюрализм внутри движения, т. е. дать возможность каждой группе предложить собственную программу?

Лауристин: Сейчас в интересах развития не только, я думаю, Эстонии, но, может быть, в интересах развития всего Советского Союза, стремиться к единству всех демократических движений, потому что мы не можем сейчас тратить силы на междоусобные конфликты и споры. У нас сейчас настолько острое положение, что нужно объединять демократические силы.

Малинкович: Хочу задать Вам последний вопрос. Надеетесь ли Вы на возможность мирного решения

национальных проблем в ближайшее время в Советском Союзе?

Лауристин: Я не только надеюсь — я, во-первых, уверена, что это возможно. И, во-вторых, мы, народные фронты всех республик, сделаем все, чтобы это было именно так.

1 июля 1989 г.

Новая книга:

SERVING LITHUANIA

by J. K. Valiunas

Published by Valiunas Publishing LTD.
37 Kenwood Road
Southampton, NY 11968

Левко Лукьяненко

УКРАИНА НА ПУТИ К СУВЕРЕНИТЕТУ* *(Интервью)*

Малинкович. Левко Григорьевич, Вы — бывший политзаключенный, лидер Украинского Хельсинкского союза, активно участвуете в движении за суверенитет Украины.

Каким Вы видите суверенитет этой республики: в составе федерации, конфедерации или же он возможен только после предоставления Украине полной независимости?

Лукьяненко. Я всю жизнь стремился к полной независимости Украины, т. е. к созданию вполне независимого государства. Однако я прекрасно понимаю, что путь от современного колониального положения к полной независимости может быть только через ряд переходных этапов. Это будет путь сложный и трудный.

Я вполне допускаю, что на пути от современного колониального положения к положению независимого украинского государства могут быть разные формы, в том числе и федеративные. Я буду стремиться к полному отделению Украины от Советского Союза, за создание независимого государства, однако если обстоятельства сложатся так, что необходима будет федерация, я вполне приемлю эту переходную форму.

Малинкович. Намерен ли Украинский Хельсинкский союз сейчас сотрудничать с Народным движением (Рухом) Украины за перестройку, которое в общем-то тоже добивается суверенитета, но все-таки в рамках Союза?

*Левко Лукьяненко — руководитель Украинского Хельсинкского союза, юрист, правозащитник, многолетний узник хрущевско-брежневско-андроповских лагерей.

Лукьяненко. Руководство Украинского Хельсинкского Союза будет сотрудничать с Народным движением за перестройку, как мы уже сотрудничаем с другими неформальными организациями, как мы уже сотрудничаем с обществом украинского языка, с обществом «Мемориал», союзами содействия перестройке и другими.

Малинкович. А как Вы конкретно представляете себе путь, для начала, к конфедеративному устройству Советского Союза, к реализации идеи нового Союзного договора, о чем сейчас много говорят в Прибалтике?

Лукьяненко. Путь к конфедерации через новый Союзный договор — это, я думаю, один из путей, который возможно и станет основным. Я лично к такой форме не буду стремиться, однако если обстоятельства усложнятся, тогда я вполне могу это принять. Демократизация наша еще только началась, люди еще не привыкли к этой демократизации, мы еще не отвыкли от страха, народ связан прежними страхами. То, что человек чувствует, он еще боится сказать. Поэтому сейчас нам трудно определить, каким путем пойдет развитие демократизации даже в ближайший год. Если на протяжении будущего года демократизация на Украине приведет к значительному возрастанию национально-освободительного движения, тогда вполне возможно, что в ближайшее время реальна будет постановка вопроса об отделении Украины от Советского Союза на основании статьи 72-й Конституции. Но, может быть, этот путь будет сложен, и тогда возникнет, как переходная рабочая стадия, такая форма взаимодействия между Украиной, Белоруссией, Прибалтикой, Россией и другими республиками, как конфедерация, основанная на новом договоре. Я думаю, что такой договор может быть, вполне может быть прогрессивным, в общем, шагом к свободе.

Малинкович. Но сейчас ситуация такова, что время не терпит: все очень, очень быстро развивается.

Совсем недавно три республики Прибалтики уже заявили о суверенитете своих республик в рамках Союза, причем заявили на уровне Верховных Советов. И Москва, как будто бы, на это соглашается. Во всяком случае хозрасчет в этих

республиках начнется с января следующего года и, видимо, им в ближайшей перспективе будет предоставлена полная хозяйственная самостоятельность.

А готова ли Украина сейчас к такой самостоятельности, к полному республиканскому хозрасчету? Есть ли на Украине конкретная программа хозяйственной самостоятельности республики?

Лукьяненко. Вопрос хозяйственной самостоятельности чрезвычайно сложный вопрос. Это вопрос организации экономической жизни, экономической структуры. Экономика Украины связана тысячами и тысячами нитей производственных отношений и с Россией, и с другими союзными республиками. Для того, чтобы не остановить заводы, нужно реорганизацию экономики производить постепенно. Я считаю нереальным заявление о том, что мы можем достигнуть экономического суверенитета на протяжении одного года. Этот процесс сложен, потому что нужно изменить характер экономических связей, которых, повторяю, тысячи и тысячи (может быть, миллион связей) с разными предприятиями в разных частях Советского Союза. Нужно все эти связи организовать по-новому. Во-первых, в соответствии с требованиями хозрасчета, во-вторых, хозрасчет этот, конечно, должен учитывать самые близкие связи, т. е. территориальный хозрасчет. Все это очень сложный механизм, и для того, чтобы не поломать экономику, а перевести ее на более рациональные формы управления, необходима переходная стадия, необходимо определенное время. Здесь мало заявить словами об экономическом суверенитете, нужно его гарантировать организационными мероприятиями, что весьма сложно и в один год вряд ли может быть осуществлено.

Малинкович. Это безусловно, но готовы ли украинские экономисты к решению таких проблем? Известно ли Вам о каких-либо конкретных планах перехода, хотя бы постепенного перехода, к самостоятельности, к республиканскому хозрасчету?

Лукьяненко. Я имею весьма общее представление об этом, однако мне известно, что некоторые экономические

министерства на Украине должны взять на себя, в соответствии с общесоюзными планами, часть экономических функций, т. е. часть функций управления экономикой на Украине перейдет от Госплана СССР к республиканским министерствам.

Малинкович. Возможно этот путь был бы легче, если бы сейчас произошел переход вообще от государственной монополии к рыночному хозяйству, к развитию, скажем, кооперативных форм социализма?

Лукьяненко. Это другая сторона все той же самой проблемы. Перевести на хозрасчет предприятия, которые долгое время управлялись централизованным образом, невозможно очень быстро: для этого необходим определенный период. Нельзя, объявив декретом, перевести предприятие на хозрасчет в один день — ведь производственные отношения состоят из тысяч и тысяч поставок инструментов, сырья и т. д. по целой сети экономической, по всему Советскому Союзу. Поэтому здесь необходимо время. Переход на кооперативные формы собственности крупной промышленности — это тоже очень сложная вещь, его быстро нельзя будет осуществить. Можно быстро организовать кооперативный сектор экономики из мелких предприятий, но перевести, скажем, предприятия металлургические, шахты и другие — сложновато.

Малинкович. Но тем не менее, во время забастовок даже московское руководство пошло на признание принципа самостоятельности крупных хозяйств, например, определенных шахт или даже целых регионов. Правда, пока это лишь теория, но принципиально власть уже допускает самоуправление регионов. Так что, возможно, путь и не будет таким уж длинным. Но я хочу коснуться несколько иного аспекта темы.

В Эстонии движение к суверенитету начиналось с так называемого «имэ» — по-эстонски это «чудо», а конкретно — хозяйственная самостоятельность. Что, по-Вашему, должно стать первостепенным именно на Украине? Насколько я Вас понял, хозяйственная самостоятельность Украинской республики — это дело долгое и не так быстро все это произойдет.

Что же в таком случае прежде всего необходимо сделать на Украине?

Лукьяненко. Конечно, экономику нужно переводить на республиканский хозрасчет и как можно быстрее. В этом, собственно говоря, — путь решения многих экономических проблем и в конце концов проблем обеспечения населения продуктами питания и товарами первой необходимости. То есть децентрализация является необходимым условием повышения производительности труда. По крайней мере — децентрализация на союзном уровне. Экономика в масштабах республики была бы несравненно более эффективной, чем сейчас, когда она увязана в масштабах 10 000 километров, на расстоянии от Сахалина до Чопа.

Малинкович. Очевидно, это так. Тем более в такой богатой республике, как Украина: ведь она по существу имеет все для того, чтобы существовать самостоятельно. Ну, а все-таки, что надо конкретно для суверенитета? Может, начать с языка или с республиканского гражданства?

Лукьяненко. Утверждение суверенитета должно проходить, я думаю, во многих областях одновременно.

Важно расширение политического суверенитета, т. е. выход Украинской республики на международную арену, установление консульских, дипломатических отношений с другими государствами. Ведь Украина является членом ООН. Когда-то это была фикция, теперь эту фикцию следует наполнить реальным содержанием. Это бы послужило расширению политического суверенитета.

Так же необходимо расширять и культурный суверенитет. Мы знаем, что Украина раньше не пропагандировала и не распространяла свою культуру даже в тех странах, где живут украинцы. Наши культурные достижения мало кому известны. Лишь изредка мы могли обменяться этими своими достижениями на межреспубликанских фестивалях. А мир не ограничен Советским Союзом, украинцев очень много живет за границей, поэтому нам интересно обменяться своими достижениями и с французами, и с немцами, и с поляками и другими народами. В этом я вижу расширение культурного суверенитета, и это необходимо делать для того, чтобы

жизнь протекала активно и способствовала духовному и культурному росту населения.

И экономический суверенитет, конечно, нужно усиливать. Прежде всего необходимы законы, которые определили бы, что все богатства Украины, вся земля, воды и другие природные ресурсы являются достоянием украинского народа. Это нужно. В таком случае на Украине не было бы тех трагических катастроф, к которым привело безответственное отношение к национальному богатству, к природным ресурсам. Если бы Украина была хозяином своих экономических ресурсов и своей природной среды, наверняка не произошло бы чернобыльской трагедии и не было бы многих других катастроф. Не было бы так называемых «зеленых» озер, не было бы высушивания огромных запасов воды и многого мы могли бы избежать. Но только централизация, которая рождает безответственное отношение на местах, породило те огромные негативные последствия, которые мы имеем сейчас. Ведь в Карпатах, когда начали на массовых площадях вырезать лес, превратили в пустыню 30 миллионов гектаров земли. Это в то время, когда осваивали 30 млн. га целины в Казахстане. Вот к чему ведет такое безответственное отношение к природе. И именно потому, что централизация ликвидировала местную инициативу.

Я считаю, что экономический суверенитет был бы огромным благом, и поэтому я всячески буду стремиться к тому, чтобы этот суверенитет стал как можно быстрее реальностью нашей жизни.

Малинкович. По-Вашему, суверенитет, самостоятельность должны распространяться до уровня республик или ниже? Ведь децентрализация может идти до уровня муниципалитетов, до уровня районов, райсоветов или местных поселковых Советов. Чтобы *они* стали хозяевами своей собственной территории, чтобы жители, которые могли бы демократическим путем избрать своих представителей в районный или поселковый Совет, признали его высшей властью для себя. Или, по-Вашему, высшая власть все-таки должна быть республиканской?

Лукьяненко. Я считаю, что нация представляет собой определенный социальный организм, который может существовать только как единое целое. Что же касается независимости местных органов власти и отдельных предприятий, это вопрос уже не национального суверенитета, это вопрос регионального устройства и более рациональной системы организации экономики и управления.

Естественно, что в условиях самостоятельности Украины местные органы власти имели бы большое влияние на развитие своих территорий, а что касается экономики, то я вообще ее вижу как систему, где сами предприятия должны определять, какие лучшие формы организации производства использовать.

Малинкович. Но сам по себе суверенитет республики вряд ли может быть единственной целью. Есть государства суверенные, но вместе с тем не демократические. Считаете ли Вы необходимым бороться одновременно и за суверенитет, и за демократию. На Украине сейчас довольно много русского и русифицированного населения, которое, очевидно, не признает для себя самой важной задачей построение независимого украинского государства. Но очень многие люди, без различия национальности, заинтересованы в демократизации. Считаете ли Вы, что суверенная Украина обязана быть демократической, или для Вас суверенитет все-таки самодостаточен?

Лукьяненко. Я никогда не отрывал вопроса о суверенитете Украины от вопроса демократизации. Собственно, демократизация — это необходимое условие. Я считаю, что в наших украинских национальных традициях заложены именно демократические принципы общественной жизни, а никак не тоталитарные.

Когда я смотрю на прошлую историю Украины, я вижу, что всякий раз, когда украинский народ мог действовать самостоятельно, независимо от оккупантов, он всегда создавал демократические формы правления. Поэтому я мыслю себе самостоятельную Украину обязательно как страну с многопартийной демократией.

Малинкович. Это все слишком теоретически. Например, во времена революции, гражданской войны возникла

Украинская Народная Республика, и руководство этой республики готовило демократическое законодательство и привлекло почти все группы населения к участию во власти. В частности, евреев Украины. Хочу напомнить, что практически все еврейские партии Украины участвовали в Центральной Раде и сотрудничали с правительством Украинской Народной Республики.

Но жизнь оказалась сложнее. Несмотря на то, что руководители добивались построения демократического государства на Украине, это не всегда получалось. Известно, что были еврейские погромы на Украине, были и не всегда, скажем, красивые страницы в истории. Так что в общем-то провозглашение демократических принципов еще не означает их реализации.

Винниченко, в частности, обвинял Петлюру в том, что он не смог справиться с управлением такой огромной республики как Украина в сложных исторических условиях. Хочу заметить, что на Украине сейчас, кстати, нет все-таки демократических традиций. Прежде всего, конечно, из-за того, что она долгое время находилась под властью Российской империи, Польши или коммунистического режима.

Лукьяненко. Естественно, вопрос о реализации демократических принципов — вопрос непростой. Но я хотел бы не путать две вещи. С одной стороны, мы, конечно, имеем вполне определенный идеал: мы стремимся к созданию нерая на земле, а такой демократической системы, которая существует во Франции, в Англии и в других демократических государствах. Это образ политической системы, к которой мы стремимся.

Но совершенно другой вопрос о том, каково сейчас общество. Люди не ангелы, здесь много есть и разбойников, и всяких других преступников, и, конечно, самостоятельная Украина вовсе не будет свободной от таких элементов. Украинцы — не какие-то исключительные люди, и если разные преступные элементы существуют в других государствах, то, наверное, они и на Украине будут. Украина будет обычным государством. Будут, конечно, там и хорошие явления, и плохие.

Я считаю, что главная задача не в том, чтобы создать Божий рай на такой территории как Украина, а в том, чтобы создать нормальное демократическое государство, которое было бы построено на общепринятых демократических принципах, в котором бы осуществлялись международные правовые нормы, гарантирующие права человека, и чтобы все эти нормы стали фактом реальной жизни на Украине. А что в этих условиях будет какой-то разбойник и он кого-то убьет — я этого не исключаю, потому что мы грешные люди.

Малинкович. Очевидно. Но западная демократия во главу угла ставит принцип прав человека. Не получится ли так (я только предполагаю), что какая-то часть населения будущей Украины окажется в дискриминированном состоянии? Сегодня на Украине в дискриминированном состоянии находится большинство украинцев. В силу того, что в республике русификация и украинский язык находится в социально невыгодных условиях, сейчас в республике быть просто сознательным украинцем очень трудно. Такой человек не может сделать, к примеру, профессиональную карьеру в обществе. Это ужасно, но это *недемократическая* ситуация.

А в суверенной Украине все ли получают равные права? Я имею в виду неукраинцев. Не будут ли они в какой-то мере дискриминированы?

Дукьяненко. Я себе представляю Украину такой, которая обеспечит право культурно-национальной автономии всем национальным группам, кроме украинцев, независимо от того, кто они. Культурно-национальную автономию должны получить и русские, и евреи, и молдаване, и представители всех других народов, живущих на Украине. Культурно-национальная автономия означает, что им будет предоставлено право основывать свои школы, театры, газеты и т. д. Впрочем, мы все хорошо знаем, что такое культурно-национальная автономия.

Малинкович. И все-таки здесь есть определенная сложность. Сейчас на Украине некоторые писатели, выступающие за суверенитет Украины, — это известные, популярные люди, такие как Дмитро Павлычко, и некоторые другие, —

публично утверждают (Павлычко, например, в 6-м номере журнала «Дружба народов»), что граждане Украины в нынешних условиях не должны иметь право на свободный выбор школы для своих детей. Как Вы к этому относитесь?

Лукьяненко. Я считаю, что вопрос о языке — это вопрос сейчас для нас очень важный. Дмитра Павлычко я вполне понимаю, и я почти на тех же позициях сам стою. Это обратная реакция на те репрессии, те преследования, которые мы имели все время. Для того, чтобы восстановить нормальную культурную жизнь на Украине и возродить язык, некоторое время мы вынуждены будем терпеть некоторые явления, которые, может быть, для будущего и не совсем подходящи. Т. е., конечно, никакое принуждение невозможно. Но я считаю, что само государство как машину перевести на украинский язык необходимо.

Малинкович. Это безусловно. Но я говорю о демократическом праве для всех родителей на выбор школы для своего ребенка. Очевидно, необходим государственный язык на Украине, очевидно, учреждения государства должны работать на украинском языке, также очевидно, что каждый гражданин Украины должен изучать украинский язык по-настоящему в школе, в любой школе — русской, еврейской, польской, а не только в украинской. И везде преподавание украинского языка должно быть хорошо поставлено. Но все-таки речь идет о праве на выбор школы. Нельзя, по-моему, строить демократическое государство, сразу же нарушая демократические принципы. Вы сами говорите, что принуждением нельзя добиться свободы. Так, может быть, надо сначала создать такие социальные условия, чтобы люди сами захотели отдать своих детей в украинские школы?

Лукьяненко. Я думаю, что вопрос о принуждении — вопрос абстрактный. Практически так обстоять дело не будет. Переход от современной русифицированной школы, от русифицированного образования к украинскому образованию, будет постепенный. Ведь у нас все техникумы на русском языке работают, все институты, все университеты. У нас наука работает на русском языке. Это не просто студенты — это преподаватели, это учебники, это целая

система. Поэтому перейти к системе образования на украинском языке в один год невозможно. Этот период с неизбежностью протянется определенное время, потому что нужно не только студентов принять на украинские факультеты, нужно еще преподавателей переучить на украинский язык. Все это сразу не может быть сделано.

И те родители, которые захотят послать своих детей в русскую школу, пусть посылают в эту русскую школу, — это их право. Но со временем, когда постепенно высшее и среднее образование будет переведено на украинский язык, я думаю, такая альтернатива не будет стоять. Право будет оставаться правом, но у украинского языка будут большие возможности. И люди подумают, прежде чем отдавать детей в русскую школу, поскольку все высшее и среднее специальное образование будет осуществляться на украинском языке.

Малинкович. Это мне и кажется демократическим решением вопроса. Но не считаете ли Вы необходимым уже сейчас, в борьбе за независимость или суверенитет в рамках Союза, уже сейчас определить какие-то принципы переходного периода.

Сейчас очень много конфликтов между различными нациями в республиках, которые борются за суверенитет — в Прибалтике и в Закавказье. Может быть украинцам, сторонникам суверенитета, необходимо уже сейчас разработать какие-то нормы переходного периода с привлечением русскоязычного населения республики для того, чтобы русскоязычная часть населения Украины не боялась за свое будущее, не опасалась дискриминации. Для того, чтобы не отталкивать неукраинское население, чтобы привлечь его к движению за суверенитет и показать, что в демократической Украине будет лучше *всем*.

Лукьяненко. Я думаю, что самый правильный путь к лучшему обществу, это не делать зла по пути к этому лучшему обществу. Поэтому мне кажется, что создание более благоприятных условий для жизни населения на Украине состоит не только в языке, но еще и в экономических условиях. Если сейчас мы стоим в очередях

за мясом, иногда за молоком и другими продуктами, то ведь стоят не только украинцы — стоят и русские, и белорусы, и евреи, и другие стоят. Создание независимого государства избавит нас от очередей. Я считаю, что и русские, живущие на Украине, и молдаване, и другие должны быть тоже заинтересованы в создании независимого украинского государства, поскольку оно бы, наверняка, было бы и демократичнее, и гораздо бы лучше материально обеспечило людей.

Вопрос же о языке, как об одной из самых важных сторон культуры народа, будет решаться постепенно. И тогда, когда Украина станет независимой, я уверен, переменится и отношение к украинскому языку. Он сейчас является непрестижным, а станет престижным. И никого не нужно будет заставлять его изучать. Сами русские, которые живут на Украине, будут его изучать, как изучают, к примеру, украинцы, живущие во Франции, французский язык.

Малинкович. И последний вопрос. Мне кажется, что не может быть суверенным государство, республика, если не будет гражданства у этой республики, у этого государства. Между тем, Народное движение Украины за перестройку не включило пока в свой проект программы пункт о республиканском гражданстве. Считаете ли Вы необходимым такой пункт?

Лукьяненко. Я считаю, что пункт о гражданстве сейчас ничего особенного не решает. Как идея ограждения этноса от наплыва инационального элемента он в теперешних условиях малоэффективен. Что же касается условий самостоятельного государства, то тогда вопрос о наплыве или отливе будет решаться так, как он решается сейчас в демократических государствах.

Малинкович. Но вопрос республиканского гражданства — это не только вопрос эмиграции, но также и вопрос о равных правах для всех граждан. Ведь если неукраинские жители Украины будут знать, что они получают равное со всеми гражданство и пользуются равными со всеми правами, то они не будут бояться, что изменится ситуация и их из этой республики, как непрошенных гостей, выбросят.

Лукьяненко. Я считаю, что те граждане неукраинской национальности, которые сейчас живут на Украине, должны пользоваться полным объемом прав наравне с украинцами. Т. е. они должны будут идти служить в армию, они должны иметь право служить в государственных учреждениях и во всех других сферах общественной жизни. Естественно, только такая перспектива является демократической, а я, стремясь быть последовательным демократом, не могу иной путь принять.

Август, 1989.

Новая книга:

Степан Хмара

ЭКЗАРХ ФИЛАРЕТ НЕ ОШИБАЕТСЯ — ОН ЛЖЕТ*

Уже стало привычным, что иерархи Русской Православной Церкви все чаще пользуются государственно-партийными средствами массовой информации, дают интервью, выступают по телевидению. Газета «Неделя» (приложение к газете «Известия») поместила интервью с экзархом Русской Православной Церкви на Украине Филаретом, посвященное проблеме Украинской Католической Церкви. И это не удивительно: проблема УКЦ стоит настолько остро, что замалчивать ее уже невозможно, — ведь вопрос касается миллионов украинских католиков, самой большой в мире церкви, поставленной вне закона и подвергающейся дискриминации и преследованиям.

Не могут уйти от этого вопроса и иерархи РПЦ, которые совместно с атеистическими властями уже 44 года активно участвуют в преследовании Украинской Католической Церкви, стремясь во что бы то ни стало удушить ее, а верующих украинских католиков насильно загнать в Русскую Православную Церковь. Удивляет и возмущает поведение иерархов РПЦ, которые, как и в сталинские времена, продолжают распространять ложь и клевету об УКЦ, пользуясь поддержкой репрессивных органов, принимают участие в гонениях на ее верующих.

Экзарх Филарет не составляет исключения. Также как его церковные и государственные начальники и подручные, Филарет забыл об элементарной порядочности — без

* Степан Хмара — украинский правозащитник, бывший политзаключенный, член Украинского Хельсинкского союза, активный участник движения за восстановление Украинской греко-католической церкви.

заявления совести, не говоря уже об основополагающих принципах христианской этики и морали, зиждущихся на любви и сострадании к ближнему, он бесцеремонно лжет. Стремясь ввести в заблуждение людей несведущих, он утверждает, что Украинская Греко-Католическая Церковь якобы «самоликвидировалась на львовском церковно-народном Соборе» и что этот Собор «был вполне каноничным, потому что в нем участвовали иерархи, священнослужители и рядовые верующие».

Конечно, Филарет хорошо знает, что ни один иерарх УКЦ не принимал участия в организованной сталинскими опричниками в 1946 году трагикомедии под названием «Львовский Собор». Все 12 епископов, в том числе и митрополит Иосиф Слипый, еще в 1945 году были арестованы НКВД. Одиннадцать из них погибли в тюрьмах и лагерях. На «Собор» под конвоем войск НКВД привезли 216, специально отобранных из трех тысяч, священников. Было и 19 мирян — агентов НКВД, которые представляли «шесть миллионов верующих». Священники-отступники Мельник и Пельвецкий задолго до «Собора» перешли в русское православие и были скоропалительно высвячены в епископы Русской Православной Церкви, так что никакого отношения к Украинской Греко-Католической Церкви в 1946 году они уже не имели. НКВД путем шантажа и угроз отправить в ГУЛаг заставил подписать 216 несчастных священников заблаговременно подготовленное постановление о присоединении к Русской Православной Церкви. Нужно отметить, что у многих из них были многодетные семьи, которых ожидала ссылка в Сибирь. Более двух с половиной тысяч священников, отказавшихся отречься от своей Церкви, подверглись репрессиям, и большинство из них погибло в тюрьмах, лагерях, ссылке. Были репрессированы сотни тысяч верующих.

Сознательно и нагло лжет Филарет, утверждая: «Верность униатского руководства гитлеровской Германии и сотрудничество с оккупационным фашистским режимом в годы Второй Мировой войны окончательно скомпрометировали верхушку Униатской Церкви в глазах простых верующих и духовенства». Филарету должно быть известно,

что именно иерархи Украинской Католической Церкви делали все возможное, чтобы удержать в это экстремальное время свою паству на позициях христианской этики и морали. Благодаря такой политике Украинской Католической Церкви удалось спасти жизнь многим евреям во время оккупации. Только в резиденции блаженной памяти митрополита Андрея Шенгицкого пряталось 19 евреев, в том числе известный раввин Давид Кохане. Более пятисот еврейских детей укрывались в монастырях УКЦ. Священники выдавали ложные свидетельства о рождении женщинам-еврейкам. Митрополит Андрей обратился в рейхсканцелярию с протестом против истребления еврейского населения, а в пастырском послании «Не убий!» призывал украинское население не соучаствовать с гитлеровцами в истреблении евреев. За послушание митрополит пригрозил отлучением от Церкви. Он призывал также оказывать всевозможную помощь тем, кому грозит смерть. Еще накануне Второй мировой войны митрополит Андрей обратился с письмом к папе с предложением созвать Собор Вселенской Католической Церкви для осуждения идеологии и политики фашизма.

Украинская Греко-Католическая Церковь не запятнала себя позором восхваления величайшего палача Сталина. По распоряжению иерархов РПЦ в 1949 году, в день 70-летия Сталина, молодой тогда священнослужитель Денисенко, ныне экзарх РПЦ на Украине Филарет, молился за здоровье палача. Не смыть позорное молчание иерархии РПЦ о животрепещущих проблемах народа Украины тем, что она выделяет часть денежных пожертвований верующей пастве в некоторые благотворительные государственные фонды.

Лукавит Филарет, когда говорит, что обвинения в адрес Русской Православной Церкви по поводу русификации украинского населения надуманны. Иерархия РПЦ не только проводила политику формального русификатора украинского народа, но всегда подавляла украинскую духовность, была и остается противником украинской культуры, искажает нашу историю. Нагло и цинично лжет Филарет, оскорбляет участников правозащитного движения на Украине и чувства верующих, утверждая: «Они (т. е. правозащитники и верующие) возбуждают вражду к Русской

Православной Церкви, называя ее церковью сатаны, наносят вред православно-католическому диалогу, духовенству и верующим. Препятствуют хулиганскими действиями совершению православных богослужений, не допускают верующих в некоторые вновь открывшиеся православные храмы. Угрожают православному духовенству».

До какого лицемерия надо дойти, чтобы ратовать за православно-католический диалог и одновременно подавлять Украинскую Католическую Церковь. Разве может служить дружбе и взаимопониманию между католиками и православными то, что, например, в ответ на предложение греко-католиков отслужить совместный молебен с духовенством Русской Православной Церкви в честь воссоединения украинских земель 22 января, львовский митрополит РПЦ Никодим подает клеветническое заявление в суд с призывом наказать инициаторов мероприятия, вследствие чего поэтесса Ирина Стасив-Колынец была арестована на 10 суток, а член Украинского Хельсинкского союза Михайло Горынь оштрафован? Как расценить поведение православно-партийных батюшек, когда на их глазах милиция и работники КГБ захватывают украинские католические храмы, создавая фиктивные приходы, а протестующих верующих католиков избивают, штрафуют, унижают?

Июнь 1989 г.

*Анатоли Доценко**

ЕЩЕ ОДНА ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ

В феврале этого года в Советском Союзе прошла учредительная конференция Всесоюзного общества военно-исторических клубов. Одним из программных мероприятий общества является ежегодное празднование Полтавской битвы. В этом году празднование наметили провести в виде походов к местам боевой славы с возложением цветов к могилам погибших воинов. Поход решили начать 6 июля в Полтаве; продолжительность мероприятия — несколько дней.

Костяк участников похода — члены московской неформальной организации «Россия молодая» во главе со своим лидером Владимиром Максимовым. В программе празднования: разбиться лагерем вблизи места сражения, провести массовое театрализованное представление с переодеванием в форму солдат и полководцев русской армии времен Петра I, демонстрация оружия тех времен, имитация битвы с использованием взрывпакетов, прогулки улицами Полтавы в костюмах царя и его приближенных, а также многое другое.

Казалось бы, ну что тут особенного, а тем более заслуживающего внимания? Занимаются ребята историей, а кроме того хотят и себя позабавить, и других поразвлечь интересным зрелищем.

Но при более глубоком анализе оказывается, что подобные мероприятия безобидны лишь на первый взгляд, без учета объективных реалий. Вот, например, каким воззванием отреагировал на предстоящее событие Полтавский инициативный комитет Народного движения Украины за перестройку:

* Анатолий Доценко — московский представитель Украинского Хельсинкского союза.

«К общественности Украины и всего Советского Союза.

В этом году исполняется 280 лет со дня Полтавской битвы. По этому случаю готовится спектакль с восхвалением палача украинского народа Петра Первого, про которого Тарас Шевченко писал:

Этот тот *Первый*, кто распинал
нашу Украину,
а *Вторая* доконала
вдову-сиротину.
Палачи! палачи!
людоеды! Наелись оба,
накрались; а что взяли
на тот свет с собою?

После Полтавской битвы Петр Первый уничтожил остатки той значительной автономии, которой пользовалась Украина по Переяславльскому соглашению. Поэтому Полтавская битва была поражением не только для шведов, но в первую очередь для украинского народа и его государственности. В то время Петр Первый уничтожил тысячи и тысячи мирных жителей Украины, мужчин, женщин и детей.

Соотечественники! Празднование этого события является позорным актом неуважения к народу Украины.»

К воззванию присоединились ведущие правозащитные организации республики.

Чтобы расставить все точки над *i*, необходимы некоторые пояснения. Естественно, что национально мыслящие украинцы, как и любые цивилизованные европейцы, не отрицают значения Петра Первого для России как великого реформатора, не отрицают значения Полтавской битвы для российского государства. Но вместе с тем, мы подчеркиваем: наша оценка Полтавской битвы и личности Петра Первого отлична от официально принятых в СССР взглядов на это историческое событие и его участников. И за нашей оценкой стоят такие авторитеты для украинского народа, как Тарас Шевченко, академик Михайло Грушевский и многие другие умы.

* Из поэмы Тараса Шевченко «Сон» (русский перевод).

Официальная советская историография подходит к изучению прошлого с позиций российской великодержавности. Удивляться этому не приходится — советская империя является прямым историческим наследником империи Российской. С сожалением следует признать, что организаторы и участники намеченного мероприятия по меньшей мере находились в плену отживших исторических стереотипов — ведь организация на украинской земле подобных празднований должна начинаться не ранее получения разрешения местной общественности на это. Любой другой путь рискует стать неэтичным. Тем не менее организаторы похода не только не поставили в известность общественность города, но и отказались от конструктивного диалога с украинскими неформалами, предлагавшими компромисс, заключавшийся в следующем: одновременно с празднованием годовщины Полтавского сражения организовать серию выступлений украинских историков с собственными оценками этого события для Украины, использовать страницы местной прессы для сопоставления различных точек зрения.

В моей более чем трехчасовой беседе с работниками аппарата ЦК ВЛКСМ (а это, наряду с Главным политическим управлением Министерства обороны СССР, ВЦСПС, Центральным Советом по туризму и экскурсиям, Советским фондом культуры и целым рядом других общественных организаций, один из спонсоров похода) Виктором Кривопусковым и Владимиром Харченко мне удалось выяснить, что подобный поворот событий организаторов и участников мероприятия не устраивает.

Стоит также заметить, что среди костюмов солдат, якобы принимавших участие в битве, не было ни одного костюма запорожского казака, которые составляли не менее половины армии, разбившей шведов. «Не хватило средств» — так объяснили мне этот факт работники ЦК ВЛКСМ. Имея сведения о связи лидеров «России молодой» с небезызвестным обществом «Память» не трудно догадаться, что вопрос отнюдь не в средствах.

Предполагая, что в создавшейся нервной обстановке любой конфликт может привести к непредсказуемой

ситуации, Украинский хельсинкский союз вынужден был сделать заявление:

«В условиях полного пренебрежения организаторов и участников празднования годовщины Полтавской битвы к национальным чувствам украинского народа намеченное событие рассматривается представителями украинского национально-демократического движения и общественностью города Полтавы как демонстрация имперских настроений и провокация, оскорбляющая национальные чувства украинцев и могущая привести к межнациональным столкновениям, вина за которые ляжет целиком и полностью на спонсоров и организаторов предприятия».

Выступая 1 июля на учредительной конференции Народного движения Украины за перестройку киевского региона, известный правозащитник, бывший политзаключенный, руководитель пресс-службы Украинского хельсинкского союза Вячеслав Чорновил заявил протест против намечаемого Всесоюзным обществом военно-исторических клубов празднования годовщины Полтавской битвы в Полтаве, вызвавшего бурю возмущения у общественности республики. О том, что подобные празднования оскорбляют национальные чувства украинского народа, говорил на конференции и лидер Народного движения Украины за перестройку поэт Иван Драч. Выступления Чорновола и Драча привели к тому, что заведующий идеологическим отделом ЦК КПУ Леонид Кравчук вынужден был сделать заявление, в котором отметил, что ЦК компартии Украины обратился ко всем организаторам-спонсорам предстоящего празднования с настоятельной просьбой отменить намеченное мероприятие.

5 июля в Полтаву прибыли представители Всесоюзного общества военно-исторических клубов. В Городском музее Полтавской битвы они встретились с активистами местного филиала Народного движения Украины за перестройку.

Представители Народного движения объяснили своим русским коллегам-неформалам точку зрения общественности республики на Полтавскую битву как историческое событие, значительно отличающуюся от оценок официальной советской историографии.

«Ровно 280 лет назад, — сказали полтавчане, — в результате Полтавской битвы Украина потеряла одного из выдающихся своих защитников, гетмана Ивана Мазепу, а также лишилась постепенно своей политической самостоятельности. Победитель же, царь Петр Первый, приказал уничтожить тысячи жителей Украины, разрушить целые города. Поэтому для украинского народа день Полтавской битвы является одной из черных календарных дат, днем национальной трагедии.

Дорогие русские друзья! Мы с глубочайшим уважением относимся к вашим патриотическим чувствам, мы прекрасно понимаем ваше стремление к сохранению истории своего народа. К сожалению, многие из нас зачастую находятся в плену исторических стереотипов, не всегда объективно отражающих прошлое и навязанных нам теми, кто пробелы в своих исторических познаниях, не колеблясь, восполнял за счет чрезмерных имперских амбиций.»

Реальным результатом встречи была взаимная договоренность, согласно которой, после возложения цветов к могилам русских воинов гости покинули город.

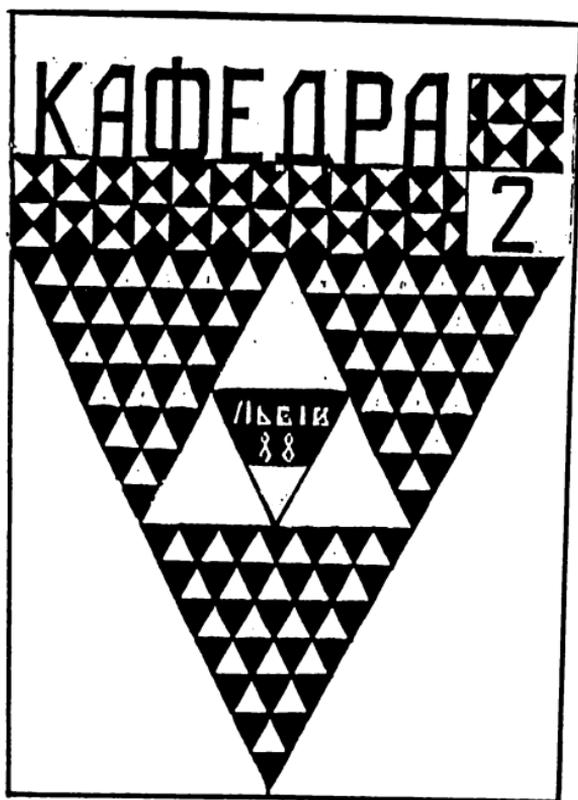
К сожалению, на этом дело не закончилось. После отъезда московских неформалов местные власти решили, по-видимому, объявить Полтаву де факто закрытым городом и на протяжении нескольких дней депортировали более ста львовян, киевлян, днепропетровцев, харьковчан, а также гостей из Кривого Рога, Николаева, Черновцов, Чернигова, приехавших в Полтаву для участия в акциях протеста по случаю намеченных московскими неформалами театрализованных празднований годовщины Полтавской битвы — дня национального траура украинского народа.

Милиция и сотрудники в штатском устроили в прямом смысле охоту за активистами украинского национально-демократического движения. Людей задерживали без объяснений, обыскивали, изымали личные вещи, били, часами, а то и сутками держали в камерах, не предъявляя обвинений. Иногородних депортировали. Видимо, спокойствие местных чиновников нарушало как намечавшееся помпезное празднование, так и патриотические акции полтавских неформалов и их друзей.

Итак, празднование не состоялось. Украинские и русские парни сумели понять друг друга. Но стоит задаться вопросом: какие причины породили ситуацию, чуть было не закончившуюся межнациональным конфликтом? Причина одна — вопиющая необъективность официальной исторической науки в СССР, описывающей историю народов с позиции российской великодержавности.

Хочется надеяться, что молодые русские историки сломают эту позорную традицию и откроют русской молодежи путь к объективному знанию.

Новый независимый журнал

Давид Маркиш

НАС ОЖИДАЕТ РАССТАВАНИЕ

В конце июня 1989 г. редактор журнала «Форум» беседовал в Мюнхене с израильским писателем, выходцем из СССР, Давидом Маркишем.

Малинкович. Давид, Вы недавно приехали из первой после Вашей эмиграции поездки в Советский Союз, не так ли?

Маркиш. Да, 17 лет я не был в России, впервые после отъезда посетил эту страну.

Малинкович. Вы были не только в России, но и на Украине, как я знаю, и в Грузии. Скажите, пожалуйста, с кем Вы встречались в Киеве и о чем, по существу, шел разговор?

Маркиш. Я думаю, что приезд в Киев и три дня, там проведенные, для нас представляют особый интерес, не только литературный, но и чисто гуманистический. Мы встречались там с поэтом Дмитрием Павлычко. Павлычко читал нам свои стихи, еще в то время не опубликованные, а теперь уже вышедшие в газете «Літературна Україна». Это «Еврейские мелодии». И мне показалось, что это прекрасные, замечательные стихи, которые мы уже сейчас переводим на иврит, хотя Павлычко сказал, что он не даст нам рукописи, пришлет нам газету, если стихи будут опубликованы. Это «если» о чем-то говорит. Но вот «если» состоялось, и мы получили от него эту газету. Стихи преводятся.

Что касается еврейской темы, то Павлычко совершенно обнаженно говорил о тех неприятных проблемах, которые существовали и существуют между нашими народами — между евреями и украинцами.

И во время одной из встреч Павлычко сказал (мы пошли на этот разговор с ним и как можно более честно, предельно

честно, говорили) о том, что пора пытаться говорить друг с другом, не только глядя назад.

Малинкович. Но были не только темные пятна в истории отношений между евреями и украинцами. Я хочу напомнить, что во время революции и гражданской войны многие евреи (в частности, почти все общественные и политические организации евреев Украины) поддержали украинское правительство Винниченко, Грушевского и Петлюры. А потом события стихийно развивались таким образом, что отношения между украинцами и евреями намного ухудшились.

Долгое время существовал на Украине антисемитизм, очень сильный, в какой-то мере поддерживаемый, очевидно, сверху — из Москвы. Был и есть бытовой антисемитизм. Но вот сейчас вновь возникло массовое демократическое движение на Украине. И, по сведениям оттуда, как будто бы нет никаких проявлений антисемитских настроений среди общественных организаций и представителей массовых движений. Нет обществ подобных, скажем, обществу «Память».

Так ли это? Не говорили ли Вы на эту тему с Дмитрием Павлычко?

Маркиш. Несомненно, говорили. Я думаю, что если 20 или 25 лет назад Украина и Киев, может быть, были центром советского антисемитизма, то сегодня положение изменилось. Мне трудно сказать уверенно, мы там были не долго. Но что я могу сказать: я не чувствовал антисемитизма, и из разговоров с людьми — и евреями, и неевреями — в Киеве я не вынес впечатления, что антисемитизм на Украине сегодня силен так, как он силен, скажем, в Ленинграде или, особенно, в Москве. Нет, этого я не видел.

Разумеется, евреи жуют на Украине более тысячи лет. И сегодня антисемитизм становится темой обсуждения на Украине. Это очень важно. Разумеется, Вы правы. Не только неприятности и трагедии сопровождали евреев на Украине. Не только.

Павлычко принял на себя долг (и он его исполнит — я в этом уверен) составить список украинцев, которые спасали

евреев во время войны, жертвуя своей головой. Такие люди есть и их немало.

Малинкович. Интересно, что сейчас на Украине есть очень сильное движение в поддержку украинской греко-католической церкви. И противники этого движения (в частности, митрополит Филарет) утверждают, что все греко-католики, мол, антисемиты и их лидеры всегда поддерживали антисемитизм.

Известно, между тем, что митрополит Андрей Шептицкий спасал евреев во время оккупации и, насколько я знаю, в Иерусалиме стоял вопрос о том, чтобы посадить дерево на «Аллее праведников» в честь Шептицкого. Как Вы к этому относитесь?

Маркиш. Насколько я знаю, Шептицкий спас целую группу еврейских детей. В монастырях своих спасал. И вне всяких сомнений, он может быть удостоен места в «Аллее праведников». Полагается ему по нашим законам. Поскольку никакой связи до последнего времени между Израилем и Украиной практически не было, то только сейчас всё это начинается. Я могу сказать только одно: на мой взгляд, никакая политика не должна быть замешана в это дело. Это дело крови, а не политики.

Я уверен в том, что деревья тех, кто спасал евреев во время войны на Украине, скоро появятся. Если они живы, они приедут к нам — мы всегда приглашаем всех этих людей; если они умерли, то может быть, к нам на акт освящения этой аллеи, освящения дерева, приедут их дети.

Малинкович. Среди евреев, живущих на Украине, немало людей, которые связали свою судьбу с этой республикой и хотят продолжать жить там, хотят, возможно, участвовать в новых событиях, в перестройке на Украине. Но есть и евреи, которые хотели бы эмигрировать. Вы встречались с такими людьми?

Маркиш. Да, я видел там этих людей. И я думаю, что, как кто-то сформулировал, в России наступает понемножку час национального расставания. Я думаю, что мы еще в этом веке, если будем живы, будем свидетелями того, что основная

масса еврейского населения из России, и из Советского Союза вообще, уедет.

Малинкович. Но каковы, по-Вашему, мотивы эмиграции, особенно на Украине. Связаны ли они с возрождением самоощущения своей еврейской национальности у людей? Или с государственным антисемитизмом, который бытовал в течение десятилетий, а может быть, и столетий в России и на Украине? А может быть, с желанием добиться для себя и своей семьи материального благополучия? Или же, наконец, — в эмиграцию толкает людей страх перед возможными последствиями экологических катастроф, например, в связи с Чернобыльской катастрофой на Украине? Насколько я знаю, многие евреи, но и не только евреи, в Киеве обеспокоены тем, что их дети должны расти в экологически неблагоприятных условиях, и потому хотели бы покинуть страну.

Что здесь на первом месте?

Маркиш. Я думаю, что все причины, Вами названные, имеют место при принятии решения какой-нибудь семьей покинуть Советский Союз, уехать оттуда.

Давайте попробуем подыскать формулировку, которая могла бы занять первое место в списке.

Я думаю, что сегодня это не антисемитизм и, к сожалению, не национальная буря, не буря национального возрождения (вчера не знал, кто я был, сегодня я — еврей, поэтому я уезжаю). Нет. Если говорить откровенно, то мне кажется, что здесь есть прежде всего две вот такие точки: это несомненно экологическое состояние, несомненно, и это общее бытовое состояние, это несчастья быта, тяжести быта.

Евреи, сегодня, в отличие (к сожалению, я бы сказал) от других граждан, имеют преимущество перед ними и могут уехать. Они этим, несомненно, воспользуются. Но я хочу сказать, что существуют еще третий и четвертый пункты. Есть пункт, говорящий о национальном возрождении евреев на Украине, и я был бы рад, если бы он был третьим, а не четвертым.

Малинкович. Вы сказали, что, по-видимому, евреям придется в этом столетии, т.е. в ближайшее время,

расстаться с Советским Союзом. Означает ли это, что Вы пессимистически смотрите на перспективы перестройки? Вы не верите в то, что в Советском Союзе улучшится радикально, скажем, экологическая ситуация, улучшится политическая обстановка, что страна станет более богатой и благополучной?

Маркиш. Я бы сказал, что в истории народа существуют критические точки взлетов и провалов, и я хочу сказать, что для меня как для израильтянина, для израильского еврея, который родился в Советском Союзе, факт национального расставания с Советским Союзом в его нынешних границах, этот этап расставания — не черен совершенно. Я считаю, что это историческая необходимость. Мы, мои предки, прожили на Украине тысячу лет, в России более трехсот лет, и все-таки сегодня народ понемножку встает и уходит. Я думаю, это историческая необходимость, и она связана не с тем, есть ли мясо в Киеве или молоко в Москве. Не в этом дело — в основе все-таки национальные причины. И хотя не в последнюю очередь мы говорим о том, что такое быт ныне в Советском Союзе и каковы перспективы перестройки, хороши они или плохи, — дело не в этом. Я полагаю, если даже перестройка победит и Горбачев свои реформы будет проводить и дальше, это не повлияет на решение массы евреев. коих нынче в Союзе около двух миллионов, а может быть и больше, уехать.

Малинкович. Но верите ли Вы в то, что, скажем, американские евреи покинут сейчас Соединенные Штаты Америки, где они тоже не дома, но где материально всё благополучно и, в общем-то, благоприятная политическая обстановка и общественная атмосфера?

Маркиш. Не верю.

Малинкович. А в то, что евреи покинут Советский Союз даже в случае успеха перестройки, верите?

Маркиш. Верю, что в течение ближайших десяти лет мы примем около 800-900 тысяч евреев в Израиле.

Малинкович. То есть Вы не допускаете, что Советский Союз может стать столь же благополучной страной, как Соединенные Штаты Америки?

Маркиш. Я думаю, что в течение десяти лет, т. е. до конца этого века, это не реально.

Малинкович. Хочу коснуться еще одной темы. Эта тема — общество «Память». Вы говорили, по-видимому, с москвичами, с жителями других городов Советского Союза об этом обществе, об антисемитском движении, довольно широко распространенном не только среди экстремистов общества «Память», но даже и среди некоторых представителей русской литературы (в том числе и талантливых), о слухах о жидо-масонском заговоре и т. д.?

Маркиш. Да, конечно. Я говорил об этом и внимательно изучал все эти дела еще в Израиле.

Малинкович. Чем Вы объясняете возникновение такого движения?

Маркиш. Я не думаю, что это возникновение. Это выход из пещеры — из пещеры, а не из многоэтажного, блестящего стеклом дома. Это чувство национальной ненависти, оно существовало в недрах народа, оно никогда не исчезало. В силу политических или иных причин оно могло быть скрыто — назовем жилищем этого «недуга» пещеру (скажем, по ассоциации с пещерными чувствами). Теперь всё это вышло наружу и называется обществом «Память». Я не так пессимистически смотрю на эти вещи, как многие мои соотечественники. Я полагаю, что явление антисемитизма присуще не только России — оно присуще всем прочим странам, где живут евреи. Это говорит о том, что евреям пора ехать домой, бороться с антисемитизмом, а не размахивать кулаками в той стране, где антисемитизм проявляется в столь резкой форме. Вы говорите о литераторах, о писателях, которые связаны с «Памятью». На мой взгляд, общество «Память» состоит из двух слоев. Слой действующий, назовем его «головкой», — это люди типа Дмитрия Васильева. Ныне, кажется, он отходит от дел (или отстранен от дел). Но это неважно — нет Васильева, так другой будет. Но есть и «плащ». «Плащ» — это люди, которые не во всем и не до конца разделяют бредовые идеи «головки» «Памяти» о жидо-масонском заговоре, и они не столь антисемитичны «по-боевому», как «головка» этой

организации. Но эти люди хотят строить *свою* Россию и только *своими* руками. На этот счет у меня есть абсолютно четкая точка зрения и потому я считаю, что национальное расставание должно стать реальностью сегодня. Я не вижу ничего дурного в том, что русские люди хотят строить свою страну и свою землю так, как они считают нужным. А из-за того, что у моего родственника Рабиновича или кого-то еще в Москве или в Киеве, или в любом другом городе в паспорте записано, что он *советский* гражданин, еще не следует, что он таковым является на самом деле. Он человек еврейской культуры, не вошедший по разным причинам (не по его вине, по его беде, возможно) в русскую культуру. Русские хотят это делать сами! Мы в Израиле тоже хотим кое-что делать сами, например.

Малинкович. Простите, я не совсем Вас понял. В литературе, в русской литературе, достаточно много евреев, по крови евреев, которые считают себя сегодня по культуре русскими. Возможно, у них будет меняться сознание, возможно, нет — трудно сказать. Но люди из общества «Память» и им подобные в общем-то отрицают их право существовать в русской культуре. Я понял так, что Вы разделяете в какой-то мере или, во всяком случае, принимаете этот подход?

Маркиш. Нет, я говорил не о «Памяти» в данном случае, и я говорил не о литературе. Что касается литературы, то мы, евреи, т. е. часть людей нашего народа, в литературе советской и русской занимаем высокое место. Разумеется, человека удалять из русской литературы по той причине, что он еврей, — это чистой воды «бред сивой кобылы». Я даже не назову это расизмом, это просто идиотизм. Я говорю не о первой ступени и даже не о второй. Я говорю, что, когда русские говорят о своем национальном возрождении, они имеют в виду не то, что происходит сегодня, и не то, что произойдет завтра. По всей видимости, речь идет о том, что будет через десять, двадцать лет, через три поколения. У них есть свои проблемы и свои заботы, которые они связывают с чисто национальными формами своей жизни. Может быть, это деревня. Может быть. Вы знаете, есть там, слава Богу,

немало людей (и это не только «деревенщики», певцы и трубадуры этой темы), которые ориентируются на русские национальные ценности. Это сложнейшая проблема, и в решении этой проблемы я не вижу места моим соотечественникам в Советском Союзе.

Малишковиц. То есть, по-Вашему, русские или, скажем, украинские евреи должны устраниваться, уйти от решения проблем страны, в которой они живут?

Маркиш. Они не то, чтобы должны, — за них все решено, за них решила история или судьба народа. Дело в том, что если уже сегодня кто-то уезжает из Советского Союза (а евреи уезжают понемножку, и их все больше уезжает), что будет завтра? Разве это зависит только от того, что хочет определенная семья? Нет, это поток. Это поток, а можно назвать это снежным комом. Но камнепад начинается с маленького камешка, не правда ли? Этот камешек в начале 70-х годов пошел с горы, а сегодня это массовая эмиграция евреев из Советского Союза.

Малишковиц. Но ком этот может где-то и застрять, и поток остановится.

Маркиш. О, да.

Малишковиц. В Соединенных Штатах Америки тоже существует целый ряд чисто еврейских проблем, и тем не менее это страна, откуда, как Вы сказали, евреи не побегут в массовом порядке. Так может русским, украинским, грузинским евреям тоже стоит создавать страну, подобную Америке, чтобы там было хорошо всем, без различия крови и национальности?

Маркиш. Я не думаю, что все 100% евреев уедут из Советского Союза. Это слишком математически. Я думаю, не говоря о процентах (сложно говорить о процентах), что какая-то малая часть останется в России. Малая. Каково будущее этой малой части? Ассимилируется ли она? Я думаю, что нет. Они останутся маленькой, незначительной еврейской общиной в Советском Союзе. И я уверен, что эти люди будут продолжать заниматься литературой, и будут люди, которые будут кричать: «Долой евреев из литерату-

ры!»), как кричат сегодня, но это ничего не изменит. Я говорю о том, что у меня есть ощущение: что до конца века бóльшая часть еврейского населения из Советского Союза уедет. А те, кто останется, — что ж, это их свободная воля, а также свободная воля того народа, в среде которого они остаются.

Малинкович. Последний вопрос к Вам. Вы были в Грузии, буквально за несколько дней до трагических событий 9 апреля. Ваши впечатления о ситуации в этой республике? Вы бывали, вероятно, там и раньше. Что в Грузии сейчас изменилось?

Маркиш. Я много раз там бывал до моего отъезда из России, где-то с конца 50-х годов. Я много переводил грузинских поэтов на русский язык, поэтому я помню многих людей, и они меня помнят. Мне кажется, то, что принесла с собой гласность, как называют ее в Советском Союзе, раскрепостило национальные силы в Грузии, которые в каждом народе существуют на той или иной глубине. Я Вам приведу один пример.

Мы были приняты Католикосом Илией II в Тбилиси. Мы ждали, пока он нас примет. Минут 15 мы стояли около Сионского храма в Тбилиси. И я с величайшим изумлением увидел, что все без исключения проходящие мимо ворот храма — будь то мужчина, женщина или маленький ребенок — осеняли себя крестом. Этого двадцать лет назад в Грузии не было, хотя церковь в Грузии была достаточно влиятельной и тогда. Я бы сказал, что, во всяком случае, она не находилась под таким же запретом, как в других краях Советского Союза. Но чтобы все! Не было ни одного человека, который бы не осенил себя крестом, проходя мимо церкви. Это много.

Я думаю, что не только *это* внове. Есть еще и другие вещи. Известно, что демонстрации и народные выступления в Грузии бывали и раньше. Сегодня, я думаю, из этого столкновения, из этой трагедии 9 апреля на площади напротив Дома правительства, выводы еще не сделаны. Пыль, как говорится, еще не осела. Эта пыль — она отдает кровью, и эта пыль медленно оседает. Что будет там через две недели, через три недели? Грузины народ пороховой, это тоже известно. Скажем, подобное развитие событий, по всей

видимости, не могло случиться в Прибалтике, хотя процессы прибалтийские политически не менее глубоки, чем в Грузии. Однако это иное развитие событий. И я не удивлюсь, если в Грузии спустя короткое время будет нечто, повторяющее то, что там уже один раз произошло.

Малинкович. Но, тем не менее, сейчас, по-моему, весь грузинский народ (или почти весь грузинский народ) сплотился вокруг программы, которая напоминает программу прибалтийцев. Чуть ли не все, включая партийных чиновников, объединились вокруг Грузинского народного фронта, который только что создан.

Маркиш. Вокруг требования самостоятельности, вплоть до отделения, вплоть до самоотделения. Это правда, это характерно для всех российских окраин сегодня.

28. 6. 89

ОТВЕТ «НАШЕМУ СОВРЕМЕННОМУ»

В майской книжке журнала «Наш современник» опубликована статья Александра Казинцева «Новая мифология». Автор — заместитель главного редактора журнала. Статья посвящена анализу взглядов политической эмиграции из Советского Союза. Автор статьи стремится доказать, что большинство публицистов и писателей эмиграции демократического направления заражены русофобией и имеют целью расколоть, «развалить» Советский Союз. Такие намерения автор приписывает и мне, анализируя мою, написанную в 1975 г., статью «Письмо к будущим вождям СССР. Альтернатива предложениям Солженицына»*. Имелись в виду предложения, содержащиеся в солженицынском «Письме к вождям Советского Союза».

Главное, ради чего была написана моя статья, — это мысль, что наиболее реальный путь демократизации страны сверху, мирным образом лежит через осуществление ленинского завещания о том, что в ЦК необходимо ввести людей (сегодня не обязательно только рабочих), не занимающих никаких руководящих постов в партии или государстве (и чтобы их было больше половины состава ЦК). Только в этом случае, считал я (и продолжаю считать), будущие гипотетические вожди-реформаторы могут получить необходимую точку опоры для всех дальнейших демократических реформ, кончая передачей «всей власти Советам». Перечисляя коротко необходимые реформы, я упомянул, конечно, и демократизацию национальной сферы. Александр Казинцев умалчивает о центральной мысли статьи и сосредоточивает внимание на национальном вопросе.

* По-русски была опубликована в сборнике «СССР — демократические альтернативы», Ахберг, ФРГ, 1976 г.

Казинцев обвиняет меня в стремлении расколоть Советский Союз на основании только одной фразы из моей статьи.

«С началом демократических сдвигов в Москве, — цитирует он мою статью, — подобные сдвиги, разумеется, начнутся и в республиках. И они с самого начала там будут иметь не только социальный, но и национальный, центробежный вектор. Что тут сможет и должна будет сделать Москва при искреннем демократизме?»

Вот тут-то, — комментирует Казинцев, — и раскрывается подлинное направление «третьего пути». Он пишет:

«Очевидно, — с невинным видом роняет Белоцерковский, — лишь вернуть на родину военнослужащих соответствующих республик, не препятствовать формированию национальных, республиканских войсковых соединений для охраны порядка, а русским частям вменить в обязанность лишь охрану местного русского населения в переходный период (...) Остальное будет зависеть от республики: захотят ли они отделяться, до какой степени и как это решать.»

Здесь Казинцев обрывает цитирование и пишет:

«...тут же Белоцерковский оговаривает: никаких плебисцитов. Еще бы — вдруг население не захочет отделяться! В результате последовательного осуществления его плана страна развалится.»

Но это он говорит, не я!

У меня после слов: «Остальное будет зависеть от республик: захотят ли они отделяться, до какой степени и как это решать», — стоит не точка, а двоеточие, и следует: «через плебисцит ли (под охраной своих войск!) или через решение своего парламента (Верховного Совета). Их право решать, и кто из населения республики может участвовать в принятии решения.»

Такова степень добросовестности Александра Казинцева, зам. главного редактора журнала «Наш современник», в цитировании оппонентов.

Я выступаю не против плебисцитов вообще, а лишь против их проведения по требованию Москвы, Кремля и под контролем покорных центральным властям администрации,

войск и «органов». Казинцев обвиняет меня в утаивании от читателей моих истинных целей (развал «империи»). Но слово *империя* Казинцев берет в кавычки (для него СССР — не империя), а я — нет, и в этом вся разница. Я четко и ясно пишу, что «ликвидация советской империи была бы благом для всех народов Советского Союза, включая русский». Но ликвидация созданной Сталиным империи — это не ликвидация Советского Союза. Это ликвидация прежде всего его имперской сути, имперских порядков, централизации, замена их добровольным объединением самоуправляющихся народов. Ликвидация империи — это не обязательно отделение народов, но и установление равноправных, демократических, неимперских отношений внутри бывшей империи, прекращение, в частности, экономической эксплуатации. Если в Советском Союзе установится настоящая демократия, то, возможно, какие-то народы (а может быть, даже и все) захотят остаться в Союзе на новых федеративных или конфедеративных условиях. Однако в любом случае после демократизации империи не останется. Империя и демократия несовместимы. «Но моральное право предлагать не разделяться, — писал я в той статье, — имеют только нерусские народы». И еще я писал: «Широким слоям русского народа, я убежден, чужды какие-либо имперские цели. И у большинства образованных людей современной России существует уже ясное понимание, что империя должна пасть, и что это в любом случае пойдет на пользу России. Отсутствие колоний всегда стимулирует *интенсивное* развитие страны».

А Казинцев утверждает, что я не случайно обрываю, мол, свой «третий путь», свою программу на национальном вопросе: зачем вести программу дальше, если страна развалится. Но предмет «Письма к будущим вождям СССР» — проблема первых самых трудных шагов в демократизации страны, создания условий для свободного выбора общественностью пути дальнейшего развития. И за канчивая «Письмо», я высказываю убеждение, «что в свободных условиях была бы, наверняка, выбрана преемственная и демократическая модель, не направленная в прошлое или к механической пересадке каких-либо западных образцов...

Для великого и образованного народа все дороги, в конце концов, ведут к демократии, притом основанной на социалистических идеалах, которые будут, конечно, по-новому реализоваться. Будут реализоваться, думаю, через синтез определенных структурных принципов старого капитализма и старого социализма. Характер и тенденции событий в Восточной Европе служат тому доказательством.» И в том же сборнике есть вторая моя статья «Контурь синтеза. Новое левое мировоззрение в СССР», в которой я раскрываю свое понимание этого синтеза как общества самоуправляющихся трудовых коллективов и ассоциаций с преимущественно групповой трудовой формой собственности на средства производства, рыночной экономикой и нового типа представительной демократией.* Но А. Казинцев этой статьи также не заметил.

В заключение отмечу, что А. Казинцев недобросовестно излагает и позиции других упоминаемых в его статье эмигрантов демократического направления, чтобы можно было их обвинять в русофобии и стремлении развалить «союз нерушимый республик свободных». И его статья в этом качестве удивительно совпадает с атаками правых эмигрантов против тех же самых лиц.

А. Казинцев утверждает, что для публицистов демократической ориентации как в эмиграции, так и в стране, «патриотизм — национализм — шовинизм — антисемитизм — фашизм, — явления одного рода. Если ты патриот, значит, ты — фашист». Не вдаваясь в обсуждение этого, мягко говоря, необоснованного заключения, можно лишь сказать, что у Александра Казинцева получается наоборот: «Если ты демократ, значит, ты — не патриот!»

* Подробнее я говорю об этом в книге «Самоуправление», Мюнхен, 1985 г.; немецкое издание: «Россия перед выбором. Самоуправление или тоталитаризм», изд-во Хердер, Фрайбург-Базель-Вена, 1989 г.

ИСТОРИЯ

Эндерс Уимбуш

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАН РОССИИ ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ*

Политическая жизнь российских мусульман вступила в активную фазу только в 1905 году, когда татарские и азербайджанские общественные лидеры созвали первый общемусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Но этому исторически важному событию предшествовал длительный подготовительный период, когда почти все политические, духовные, социальные и культурные проблемы, с которыми столкнулись мусульманские общины империи, уже обсуждались мусульманской интеллигенцией, особенно лидерами замечательного реформистского движения «Джадид», которое вполне обоснованно называют «тюрко-татарским ренессансом XIX века».

Истоки движения «Джадид» связаны с деятельностью татарских просветителей начала и середины XIX века Абу-Насра Курсави (1783-1814), Шихабеддина Марджани (1818-1889), Абдул-Хаяума Насири (1825-1902) и величайшего из всех — крымского татарина Исмаила Гаспринского (1851-1914). И всё же только в конце прошлого столетия реформистское движение из преимущественно религиозного и культурно-просветительского превращается в чисто политическое.

Первый мусульманский политический кружок был организован в 1898 году группой молодых татарских националистов, находящихся под влиянием русских народников. Все они были студентами русско-татарской учительской школы в Казани. Большинство членов этого малоиз-

*Предисловие к одноименной книге, изданной обществом по изучению Средней Азии, Оксфорд, 1987 г. (перевод с английского).

вестного кружка впоследствии стали видными деятелями в татарской политической жизни — некоторые связали свою судьбу с партией социалистов-революционеров (Айяз Исхаки, Фуад Туктар, А. Давлетшин и Ш. Мухаммедьяров), другие стали большевиками (Хуссейн Ямашев и Гафур Кулахметов) или меньшевиками (Умер Тиригулов), а некоторые остались умеренными либералами (например, Садри и Хади Максудовы). Группа издавала нелегальный, отпечатанный на гектографе журнал «Таракки» (Прогресс). Кружок не был связан с каким-либо русским политическим движением.

В 1901 году кружок превратился в ассоциацию под названием «Шакирдлик» (Студенческая жизнь). Позже название еще раз изменилось — ассоциация стала называться «Хурриет» (Свобода). Выходил и подпольный журнал с таким же названием. Члены этих первых нелегальных групп играли активную и даже ведущую роль в революционном движении «Ислах» (от арабского «аль Ислах» — «реформа»). Движение это возникло среди студентов Казанского медресе «Мухаммедьях» в 1904 году. Вскоре к нему присоединились и студенты других медресе в районе Урала и Поволжья. «Ислах» был самой революционной группой левого крыла движения джадидов. Его вдохновляла деятельность русских революционеров, использовавших в своей борьбе такие тактические средства, как забастовки, массовые демонстрации и даже террор. Но студенты-мусульмане не достигли своей агитацией каких-либо существенных результатов и упустили момент после 1906 года. Татарская интеллигенция, опирающаяся на буржуазно-торговые круги, была достаточно прагматичной и хладнокровной для того, чтобы всерьез относиться к романтической и в высшей степени непрактичной русской революционной модели. Но всё же попытки студентов из «Ислаха» перенести реформистские теории на политическую почву заложили основы синтеза национальных идей с революционной деятельностью левого направления в мусульманском движении Российской империи.

Первые левые политические партии появились в 1905 году. Они были основаны в Казани некоторыми бывшими лидерами движения «Ислах». Сначала возникла социалисти-

ческая, националистическая и панисламистская партия «Берлик» (Союз), сформированная осенью 1905 года Айязом Исхаки, Ш. Мухамедьяровым, А. Давлетшиным, Хуссейном Ямашевым и некоторыми другими молодыми радикалами. В течение короткого времени «Берлик» издавал два еженедельника — «Азат» (Свобода) и «Азат Халья» (Свободные люди). Главным редактором изданий был мулла Абдуллах Апанай, но наиболее важную роль в них играли будущие большевики Хуссейн Ямашев и Гафур Кулахметов. Когда в 1906 году издание первого журнала было конфисковано полицией, появился второй — еще более радикальный, чем его предшественник, еще более близкий к линии большевиков. Это издание также было конфисковано и приостановлено полицией в сентябре того же года.

Почти одновременно группа молодых левых революционеров-националистов (но не марксистов) создала другую революционную партию в Казани — «Тангшыляр» (Утренняя заря), которая издавала газету «Танг Юлдузы» (Утренняя звезда). Газета успела выйти 63 раза в промежуток между 18 мая и 11 сентября 1906 года, после чего полиция заставила редакторов прекратить издание. Лидеры «Тангшыляра» Айяз Исхаки, Фуад Туктар и их товарищи находились под глубоким воздействием идей русского социализма в его народнической, немарксистской форме. В основном они следовали общей линии русской партии эсеров. «Танг Юлдузы» — это наиболее радикальное из всех дореволюционных татарских периодических изданий.

Группы «Берлик» и «Тангшыляр» не имели прямой связи с русскими революционными партиями. Но в 1905 году маленькая группа бывших активистов «Шакирдлика», возглавляемая Хуссейном Ямашевым и Гафуром Кулахметовым, решила связаться с русской социал-демократической партией в Казани, где доминировали большевики. Из этого ничего не вышло. В декабре 1905 года полиция разгромила казанскую организацию, и нескольким татарским марксистам пришлось бежать в Оренбург, где они, вместе с небольшой группой других радикалов, основали первую и единственную татарскую социал-демократическую организацию. Группа называлась «Уралшыляр» и действовала она с

января по апрель 1907 года. Эта организация была единственной татарской политической партией, последовательно следующей политическим курсом русских большевиков. Она была интернационалистской и бескомпромиссно антиклерикальной. Именно поэтому она не пользовалась авторитетом в татарской среде — даже у молодых радикалов, которые были одновременно националистами и активными приверженцами религии своих предков. В 1907 году группа «Уралшыляр» была разгромлена полицией, и таким образом татарские марксисты бесследно исчезли. Ямашев умер в 1912 году, Кулахметов — в 1918-м, а оставшиеся в живых лидеры Омер Тиригулов и Галимджан Сейфуддин вынуждены были бежать от большевиков.

И в то время, как молодые татарские радикалы безуспешно пытались создать революционное движение, бóльшая часть мусульманской интеллигенции оставалась умеренной и в политическом отношении очень осторожной. До 1905 года ее цели ограничивались требованием равных прав с русскими. Лидер этой интеллигенции Гаспринский полагал, что открытая борьба против могущественной Российской империи не реальна и лишь приведет к всевозможным бедам и что мирное сосуществование с русскими может быть выгодным для мусульман, по крайней мере до тех пор, пока империя представляется непобедимой. Поражение русской армии в Маньчжурии произвело большое впечатление на участников мусульманского национального движения. Эта война была психологическим шоком с непредвиденными последствиями. Впервые огромная европейская держава была побеждена азиатским государством. У народов Российской империи появилась надежда на реванш, на то, что их националистическая деятельность может стать вполне перспективной, поскольку слабости царского правления проявились столь драматическим образом.

Либеральное движение джадидов, которое до сих пор занималось защитой прав отдельных людей, стало более сплоченным и активным в 1905 году. В отличие от Гаспринского, который оставался монархистом до конца жизни, большинство лидеров джадизма разочаровалось в

монархии и стремилось наладить более или менее тесные связи с русской либеральной буржуазией.

Чсть основателя умеренно либерального движения принадлежит сибирскому татарину, кади Абдурашиду Ибрагимову, в прошлом члену мусульманского духовного совета Оренбурга. Он организовал несколько тайных собраний татарской интеллигенции в 1904 году. Собрания проводились в Казани, Чистополе, Буби (маленькая деревня, где находилось одно из самых престижных медресе), Перми, Троицке, Уфе и Петропавловске (по-татарски — Кызыляр). После этих подготовительных собраний, в августе 1905 года состоялся в Нижнем Новгороде первый всероссийский мусульманский съезд. Съезд совпал с большой ежегодной ярмаркой, которая привлекла мусульман со всей империи. Поскольку губернатор Нижнего Новгорода отказался дать разрешение на проведение политического собрания, руководители мусульман наняли речной пароход «Густав Струве», и первый съезд таким образом состоялся во время путешествия по реке Оке. Присутствовало 108 делегатов, среди которых было только около 20 социалистов — в основном это были студенты, возглавляемые Айязом Исхаки и Фуадом Туктаром. Председательствовали на съезде трое лидеров российского джадизма — крымский татарин Исмаил Гаспринский, бакинский адвокат Али-Мардан Топчибаши и журналист Юсуф Акчур-Оглу (Акчурин). Все трое были либералами и представляли умеренный центр мусульманского общества. Но среди делегатов были и представители наиболее консервативной группы «Улема» (ультраправая религиозная организация) и социалисты из «Тангшыляра» (левое крыло национального движения). Лишь несколько татарских большевиков, примыкавших к русским революционным марксистам, не были включены в национальное движение и не присутствовали на съезде.

Главной целью съезда, на котором идеологически и численно доминировали волжские татары, было создание политического объединения всех российских мусульман. Дискуссии завершились принятием общей резолюции из пяти пунктов, проект которой был опубликован Мусой Яруллах Бигиевым в «Эслахат Эсаслари» (Основа реформ). Вот эти пункты:

- 1) сближение мусульман всех областей России;
- 2) установление демократического правопорядка в России;
- 3) уравнивание в правах мусульман с русскими;
- 4) свобода образования и печати;
- 5) организация местных ассамблей (меджлисов) и периодический созыв съездов всех мусульман России.

Несмотря на краткосрочность и ограниченные возможности съезда, на нем было два очевидных достижения: провозглашение примирения между шиитами и суннитами (беспрецедентное проявление религиозного либерализма) и призыв к созданию «Мусульманского союза», обращенный ко всем организациям мусульман России, независимо от их этнического и социального происхождения (столь же беспрецедентное выражение этнического демократизма).

Пять месяцев спустя, 13 января 1906 года, в Петербурге состоялся Второй всероссийский съезд мусульман. Он не был официально разрешен, и делегаты, среди которых, как и в первый раз, большинство составляли волжские татары, собрались, якобы, на банкет. Делегаты обсуждали содержание и точный текст программы и устава «Мусульманского союза» (Русия мюслиминларынынг иттифаки). Была также достигнута договоренность о сотрудничестве с русскими либералами из кадетской партии во время выборов в первую Государственную Думу.

Третий всероссийский мусульманский съезд проходил в Нижнем Новгороде с 16 по 20 августа 1906 года. На этот раз съезд был официально разрешен властями. На нем присутствовало около 800 делегатов со всех частей империи. И вновь доминировали на съезде волжские татары, хотя председателем был азербайджанец Али-Мардан Топчибаши. Требования мусульман, выдвинутые на съезде, были вполне умеренными: религиозная свобода, реформа образования, равные права с русскими — вот главные пункты платформы съезда. Но в этот раз депутаты впервые высказались в поддержку идеи создания собственной мусульманской политической партии. В нее в конце концов и превратился «Мусульманский союз», хотя он и сохранил свое прежнее название «Иттифак аль-мюслимин».

Было также решено, что новая партия должна включиться в политическую борьбу на стороне русского либерально-демократического движения, в частности на стороне кадетов. Левое крыло съезда, представленное социалистами из «Тангшыляра», которых возглавляли Айяз Исхаки и Фуад Туктар, отказались от объединения в одну партию с «буржуазией». Это был первый раскол в мусульманской общине.

Так, в 1906 году мусульмане появились на русской политической сцене как сильная и уже опытная партия. Их требования были умеренными и ответственными. Они создавали прекрасную основу для возможного сосуществования мусульман и русских в одной многонациональной империи. У мусульман были все законные права добиваться в Думе удовлетворения своих требований. К несчастью для мусульман (и для русских), этим надеждам не суждено было сбыться. Русские правители империи не желали делиться властью со своими мусульманскими партнерами. 25 мусульман-депутатов в первой Думе (апрель-июль 1906 г.) и 35 — во второй (февраль-июнь 1907 г.) были лишены возможности играть сколько-нибудь существенную роль. Они не были даже услышаны и, конечно же, ни одно из их требований не было удовлетворено. В консервативной и шовинистической Думе (1907-08) было всего 10 мусульман, а в IV Думе (ноябрь 1912 — февраль 1917) — и вовсе семь.

В 1908 году начался период реакции после революции 1905 года. Членство в «Иттифак аль-мюслимин» жестоко преследовалось. Лидеры этого движения, разуверившись в возможности добиться реализации своих требований легальными методами в условиях царского режима и понимая, что русские либералы и социалисты не намерены рассматривать их как равных партнеров, эмигрировали в Турцию или же просто отошли от политической деятельности.

*Миклош Кун**

ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА И ВЕНГРИЯ

У нас в Венгрии интерес к пакту Молотова-Риббентропа, который на самом деле спокойно можно назвать «пактом между Сталиным и Гитлером», довольно давний. Однако первые сравнительно правдивые публикации на эту тему появились лишь в самое последнее время. В журнале «Хиштория» («История») был опубликован не только сам текст Пакта о ненападении от 23 августа 1939 года, но и секретные приложения к нему, так называемый «дополнительный протокол». Вот его текст в переводе Юрия Фельштинского:

«По случаю подписания Пакта о Ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

* Миклош Кун — профессор истории Будапештского университета.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За правительство Германии И. Риббентроп
Полномочный представитель Правительства
СССР В. Молотов.

В Будапеште этой теме недавно была посвящена специальная небольшая телепередача. Большой интерес зрителей вызвала карта Восточной Европы, на которой Сталин и Риббентроп, имперский министр иностранных дел Германии, оставили свои автографы. Причем Сталин расписался целых два раза: один раз — через всю карту с огромной закорючкой (что свидетельствует, по мнению графологов, о его непомерной мании величия), в другой раз приписал «И. Сталин» — на этот раз уже маленькими буквами около отметки города Львова на карте, как бы давая понять: «Это мое» (так он жаждал обладать этой галицийской территорией).

Были напечатаны в Венгрии и несколько резких статей о Пакте Молотова-Риббентропа. Еще два-три года назад венгерские авторы, как бы оправдывая сговор Сталина и его присных с нацистской Германией, ссылались на то, что западные демократии, в частности Англия и Франция, предали, мол, во время оно, т.е. во время мюнхенской встречи 1938 года, Чехословакию, и поэтому СССР вынужден был заключить пакт с Германией. Теперь, в июне этого года в Будапеште, на встрече ведущих интеллектуалов континента, всеобщим одобрением были встречены слова эстонского писателя Пауля Эрика Румо: «Одной подлостью нельзя оправдать другую подлость».

Вот уже год у нас нет практически цензуры. Но людям старшего поколения, усвоившим определенные стереотипы, трудно понять, как мог сказать, причем, видимо, искренне,

после визита к Сталину Риббентроп: «Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей». Как мог Сталин провозгласить в конце этой встречи такой тост: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому *мне хочется выпить за его здоровье*»? Как мог он сказать в ночь с 23 на 24 августа 1939 года: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно может дать честное слово, что СССР никогда не предаст своего *партнера*».

В общем-то так и случилось: Сталин настолько серьезно отнесся к своему обещанию, что даже 22 июня 1941 года, уже после бомбежки ряда украинских, русских и белорусских городов, Красной Армии запретили переходить советско-немецкую границу.

Но вернемся к тому, как оценивают Пакт Риббентропа-Молотова в Венгрии. В последнее время проливается свет и на советско-венгерские отношения в довоенные годы. Во многом они зависели от заключения пакта (самостоятельное их значение не столь велико). Венгрия признала Советский Союз де-юре поздно, в 1935 году, одной из самых последних стран на европейском континенте. Официальная идеология Венгерского королевства, возглавляемого впрочем не королем, а регентом, адмиралом Миклошом Хорти, — это воинствующий клерикализм, незыблемость частной собственности, антибольшевизм, антикоммунизм и так называемая «ревизия» — желание вернуть провинции исторической Венгрии, отторгнутые от нее по Трианонскому мирному договору. Напомним, что Венгрия потеряла после Первой мировой войны две трети своей территории и треть венгерского населения.

В глазах венгерских правящих кругов СССР казался самым исчадием ада: ведь там правят большевики, господствует богопротивный атеизм и не признается частная собственность. Если у двух стран могла быть точка соприкосновения, то это натянутые, более того, враждебные отношения с Румынией. На этой почве однажды в 1922 году в Рапалло (кстати, во время заключения знаменитого советско-германского соглашения) нарком иностранных дел Советской России Чичерин попытался установить добросо-

седские, а перспективно даже союзнические отношения с ультраконсервативным венгерским правительством. Попробовал он это сделать явно на антирумынской почве. Чичерин скрывал эти переговоры даже от своих советских коллег. Молчали и сначала приятно пораженные венгерские дипломаты. Ни в Будапеште, ни в Москве не одобрили эти переговоры, и они так и закончились ничем. Интересно, что в 50-е годы, когда в Будапеште обнаружили документы об этих переговорах, тогдашний директор Института истории Венгерской Социалистической Рабочей партии увидел их, он задрожал и буквально дрожащими руками запер их в свой сейф — подальше от любопытных глаз исследователей. Ведь уже сам факт этих переговоров перечеркивает определенные сложившиеся ранее стереотипы.

Со времени переговоров 1922 года в Рапалло прошло полтора десятка лет. В глазах адмирала Хорти и его окружения СССР оставался по-прежнему революционной страной. На них, т. е. на Хорти и венгерское правительство, не повлияли ни перерождение, которое Лев Троцкий назвал справедливо «термидором», ни возникновение нового класса в СССР — класса бюрократов-аппаратчиков, ни сталинская мясорубка середины 1930-х годов, которая покончила со всем старым большевистским руководством страны.

В сталинских репрессиях венгерские правительственные круги видели лишь сцены, подобные эпизодам с гильотиной в эпоху Великой французской революции. Даже такой способной дипломат, как венгерский посол в Москве Арнут Юргер, хорошо знавший русский язык, который присутствовал на двух процессах в Октябрьском зале Дома Союза — процессе Пятакова-Сокольников и процессе Бухарина, внимательно все прослушал и... всему поверил. Во время процессов посол Венгрии Арнут Юргер каждый день вел записи и даже зарисовал подсудимых, так что его дневник — важнейший источник по истории процесса Бухарина. Но в Будапешт он докладывал: идет лишь чистка, подобно чистке, которая кончилась казнью Робеспьера и Дантона.

К СССР Венгрия не могла относиться хорошо, т. к. не ожидала от него никакой помощи в восстановлении своих границ. Главным союзником Венгрии в 1930-е годы была

Италия, но к концу десятилетия ее место во многом заняла нацистская Германия. От Германии ждала Венгрия помощи, добиваясь изменения своих границ на севере, северо-востоке, а также на юге страны. Поэтому в феврале 1939 года венгерское правительство присоединяется к антикоминтерновскому пакту. Хорти и его окружение мечтают о немецко-итальянско-польско-венгерском союзе, направленном сначала против Чехословакии и Румынии, а затем (вместе с Японией) — против Советского Союза. Но у Гитлера к этому времени уже были совсем другие планы: перекроить карту Европы, начав с Польши и Франции и воспользовавшись в этом деле помощью Сталина. Немецкие дипломаты четко уяснили слова Сталина, сказанные на XVIII съезде партии в 1939 году, о том, что с Германией можно жить вполне благопристойно, сохраняя мирные отношения. И не случайно Молотов на приеме в честь Риббентропа 24 августа 1939 года, судя по протоколу, поднял бокал за Сталина и отметил, что именно Сталин своей речью в марте 1939 года, которую в Германии правильно поняли, полностью изменил политические отношения между Германией и Советским Союзом.

Скажем прямо: то, что пакт был подписан лишь в августе 1939 года, а не раньше, — зависело от Гитлера, а не от Сталина. Если Гитлер традиционно питал ненависть к славянам, русским и большевизму, то Сталин, судя по его речи на XVII съезде партии в январе 1934 года (уже после прихода к власти Гитлера и установления в Германии нацизма как официальной идеологии), вполне мог надеяться на очень хорошие отношения между Москвой и Берлином. Не случайно он ссылался, как на положительный пример, на советско-итальянские отношения: хотя Италия и фашистское государство, а какие добропорядочные с нею отношения у Москвы.

Через своих тайных агентов, в том числе через заместителя торгпреда в Берлине Канделаки, Сталин вышел на Геринга, на Ялмара Шахта, но пересилить непримиримость самого Гитлера вплоть до 1939 года Сталин не мог. Советские дипломаты, кстати, с успехом пользовались

услугами дипломатов Муссолини в начале 1939 года в деле сближения с Берлином.

Но в Будапеште возможность союза Москвы с Берлином и заключение совместного пакта считалась нереальной. И когда Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, Москва заявила о прекращении дипломатических отношений с Венгрией. В Будапеште в начале 1939 года сделали выводы, что дипломатические отношения прерываются минимум на десять лет. Но десяти лет и даже десяти месяцев ждать не пришлось.

Еще в апреле 1939 года, т.е. задолго до заключения Пакта Молотова-Риббентропа, в Берлине Гитлер лично требует от премьер-министра Венгрии восстановления дипломатических отношений с Москвой. Начинаются переговоры между СССР и Венгрией, сначала в Анкаре, а затем в Париже. Атмосфера на них становится все более дружелюбной, доброжелательной, особенно если учесть, что, как и германская дипломатия, венгерская была очень довольна тем, что Сталин заменил Литвинова Молотовым.

8 сентября 1939 года Молотов заявил, что Москва готова восстановить дипломатические отношения с Будапештом. Венгерская же сторона подождала, когда начнется наступление советских войск на Польшу (т.е. она хотела убедиться, выполнит ли Сталин свои союзнические обещания перед Гитлером). Лишь после этого, в октябре 1939 года, снова открылось венгерское посольство в Москве, а в декабре — советское посольство в Будапеште. Конечно, все это было тесно связано с подписанием Пакта Молотова-Риббентропа. Была установлена и общая граница между СССР и Венгрией. В первые недели немало венгров, украинцев, евреев, поляков, чехов, словаков бежали через нее в СССР, спасаясь от нацистских или хортистских властей. Почти всех их интернировали, а затем отправили в Коми АССР либо в сибирские лагеря. Лишь единицы пережили годы войны. Но были и те, кого советские пограничники сразу же возвратили немецким либо венгерским властям. И это еще одно последствие пресловутого пакта, который заключили 50 лет назад.

ФИЛОСОФИЯ • РЕЛИГИЯ • ЭТИКА

Петр Кропоткин

АНАРХИЯ, ЕЕ ФИЛОСОФИЯ, ЕЕ ИДЕАЛ*

Что общество, взявши в свои руки все накопленные богатства, может свободно обеспечить всем довольство, под условием четырех или пяти часов в день физического труда в области производства — в этом согласны все те, кто только думал об этом вопросе. Если бы каждый человек привыкал с детства знать откуда берется хлеб, который он ест, дом в котором он живет, книга, по которой он учится, и т. д. и если бы каждый привыкал соединять умственный труд с трудом физическим в какой бы то ни было отрасли производства,— общество могло бы легко достигнуть этого, даже помимо расчета на упрощения в способах производства, которые принесет нам более или менее близкое будущее.

В самом деле, достаточно подумать только о том, какое невообразимое количество сил тратится в настоящую минуту задаром, чтобы представить себе, как много могло бы получать образованное общество, как мало труда потребовалось бы для этого от каждого человека и какие грандиозные дела могло бы такое общество предпринимать — дела, о которых теперь не может быть даже и речи. К сожалению, метафизическая политическая экономия никогда не занималась тем вопросом, который должен был бы составлять всю ее сущность, т. е. вопросом об экономии сил.

Относительно возможности для коммунистического общества быть богатым, при нашей современной, могучей

*«Форум» публикует лишь часть одноименной лекции идеолога анархизма Петра Кропоткина, в которой автор рассматривает тему государства. Полный текст лекции был издан отдельной книгой в Кронштадтместной организацией анархистов в 1917 году. — Ред.

технике, сомнения быть не может. Сомнение является только в вопросе о том, может ли существовать подобное общество без полного подчинения личности контролю государства, и не требуется ли, для достижения материального благосостояния, чтобы европейские общества принесли в жертву даже ту незначительную свободу, которую им удалось, ценою стольких жертв, завоевать в продолжение нашего века?

Одна часть социалистов утверждает, что этого результата можно достигнуть, не иначе, как принеся свободу в жертву на алтарь государства. Другая же, к которой принадлежим мы, думает, наоборот, что возможно достигнуть коммунизма, т.е. владеть сообща всем нашим общественным наследием, и производить сообща все богатства, — только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и в федерации союзов.

Этот вопрос стоит в настоящую минуту на первом плане, и на этот вопрос социализм должен дать тот или другой ответ немедленно, если не хочет, чтоб все его усилия оказались бесплодными. Рассмотрим же его со всем тем вниманием, которого он заслуживает.

Каждый социалист легко вспомнит, как много предрасудков жило в нем в то время, когда он впервые услышал или подумал сам, что уничтожение частной собственности на землю и капитал становятся исторической необходимостью.

Тоже самое происходит в настоящее время с человеком, которому в первый раз приходится слышать, что уничтожение государства с его законами, со всей его системой управления, со всем его объединением, точно также становится исторической необходимостью, что уничтожение капитализма невозможно без разрушения государства.

Эта мысль бесспорно противна всем понятиям, привитым нам нашим воспитанием — воспитанием, которым (не мешая помнить) руководят в своих выгодах церковь и государство.

Мы так много учились и читали о необходимости власти, мы так запуганы и боимся самих себя (христианство)

и еще более того «неразумной толпы» (история), мы так много слышаны об ужасах бунтов, беспорядков, «хаоса», «анархии», что мысль безвластия нас пугает с первого раза.

Но становится ли от этого мысль безвластия менее справедливой? И раз мы принесли уже в жертву своему освобождению столько предрассудков относительно хозяина, собственности, религии, — остановимся ли мы перед предрассудком государства?

Я не стану вдаваться в критику государства; это сделано было уже много раз. Точно так же я не стану рассматривать и его историческую роль. Я ограничусь несколькими общими замечаниями. Прежде всего, в то время, как человеческие общества существуют с самого начала появления на земле человека, государство представляет собою, напротив, форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у наших европейских обществ. Человек существовал уже в течение целых тысячелетий прежде, чем образовались первые государства; Греция и Рим процветали уже целые века до появления Македонской и Римской империй; а для нас, современных европейцев, государства существуют, собственно говоря, только с шестнадцатого века. Именно тогда завершилось уничтожение свободных общин и создалось то общество взаимного страхования между военной и судебной властью, землевладельцами и капиталистами, которое называется государством.

Лишь в шестнадцатом веке был нанесен решительный удар преобладавшим до того представлениям о городской и сельской независимости свободных союзов и организаций, свободной на всех ступенях федерации независимых групп, отпавлявших все те обязанности, которые теперь государство захватило в свои руки. Лишь после поражения крестьянских, гуситского и анабаптистского движений и после покорения вольных городов союз между церковью и зарождающеюся королевской властью положил конец федеративной вольной организации. Между тем, это устройство просуществовало с девятого по пятнадцатый век и дало тот замечательный период свободных средневековых

городов, создавших целую новую и могучую цивилизацию, характер которой так хорошо уловили Огюстен Тьерри и Сисмонди — историки, к сожалению, слишком мало читаемые в наше время.

Известно, каким образом это соглашение между дворянином, священником, купцом, судьей, солдатом и королем упрочило свое господство. Все свободные союзы, существовавшие в средневековой городской и деревенской общине, — все гильдии, все союзы ремесленников, мастеров и подмастерий, братства, подсоседства и т. д. — были уничтожены повсеместно: королями в Англии, Франции, Испании, Италии и Германии, московскими царями в России. Земли, принадлежавшие общинам, были отданы на разграбление; богатства, составлявшие собственность гильдий, были конфискованы; всякое свободное соглашение между людьми подвергалось безусловному и жестокому запрещению. Чтобы установить свое господство, чтобы получить возможность управлять потом лишь стадами, не имевшими между собою никакой прямой связи, Церковь и Государство не остановились ни перед чем: убийство тайное, в одиночку и массовое, колесование, виселица, меч и огонь, пытка, выселение целых городов — все было пущено в ход. вспомните о сотне с лишком тысяч крестьян, перебитых в Голландии, о другой сотне тысяч убитых на Рейне и в Швейцарии, о зверствах Ивана Грозного в Новгороде...

Только теперь, только в последние двадцать лет мы начинаем отвоевывать путем борьбы и революций некоторые крохи тех прав на вольные артели и всевозможные союзы, которыми пользовались средневековые ремесленники и крестьяне, даже крепостные.

Мы опять начинаем отвоевывать эти права и, если вы взгляните в жизнь современных цивилизованных народов — книги не говорят об этом, но присмотритесь к жизни, — вы увидите, что господствующее стремление нашего времени есть стремление к образованию тысяч всевозможных союзов и обществ, для удовлетворения самых разнообразных потребностей современного человека.

Вся Европа покрывается добровольными союзами с

целью изучения, обучения промышленности, торговли, науки, искусства и литературы, с целью развлечения и серьезной работы, наслаждения и самопожертвования — одним словом для всего того, что составляет жизнь деятельного и мыслящего существа. Мы находим эти постоянно возникающие общества во всех уголках политической, экономической, художественной и умственной жизни Америки и Европы. Одни из них быстро исчезают, другие живут уже десятки лет, и все они стремятся, сохраняя независимость каждой группы, кружка, отделения или ветви, соединиться друг с другом, сплотиться, образовать между собою федерации (в каждой стране и международные) и охватить все существование цивилизованного человека сетью перекрещивающихся и переплетающихся нитей. Эти общества насчитываются уже десятками тысяч и охватывают миллионы людей, а между тем не прошло еще и пятидесяти лет с тех пор, как Церковь и Государство стали терпеть некоторые — только еще некоторые — из них.

Повсюду эти общества захватывают то, что прежде считалось обязанностью государства, и стремятся заменить деятельность его объединенной, чиновничьей власти деятельностью добровольною. В Англии мы находим даже общества страхования от воровства, общества спасания на водах, общества добровольных защитников страны, общества для защиты берегов и т.д., без конца. Государство стремится, конечно, взять всякое такое общество под свою опеку и превратить его в орудие упрочения своей власти, и иногда это ему удается (Красный Крест); но первоначальная цель всех этих обществ — обходиться без государства. Не будь Церкви и Государства, свободные общества давно охватили бы своей добровольной деятельностью и всю обширную область образования и воспитания, уж, конечно, давали бы лучшее образование, чем то ложное образование, которое дает, далеко не всем, государство. Впрочем, вольные общества уже начинают вторгаться и в эту область и уже оказывают в ней свое влияние, несмотря на все препятствия.

При виде того, как много делается в этом направлении, помимо Государства и наперекор ему (так как оно старается

сохранить за собой господство, завоеванное им в течение трех последних столетий), при виде того, как добровольные союзы захватывают понемногу все и останавливаются в своем развитии, только уступая силе государства, мы волею-неволею должны признать, что здесь проявляется могучее стремление и пробивается новая сила современного общества. И мы можем тогда с полным правом поставить следующий вопрос: «если через пять, десять, двадцать лет — все равно — восставшим рабочим удастся сломить силу названного общества взаимного страхования между собственниками, банкирами, священниками, судьями и солдатами; если народ станет на несколько месяцев хозяином своей судьбы и завладеет всеми созданными им и принадлежащими ему по праву богатствами, — то займется ли он снова восстановлением хищнического государства? Не попытается ли он, наоборот, создать организацию, идущую от простого к сложному, основанную на взаимном соглашении, соответственно разнообразным и постоянно меняющимся потребностям каждой отдельной местности, с целью обеспечить за собой пользование завоеванными богатствами и возможность жить и производить все то, что окажется необходимым для жизни? Иными словами, разрушив современную государственную организацию, чтобы совершить социальный переворот, что лучше: создавать ли вновь государство — вековое орудие угнетения народов — в обновленной форме, или же искать средств обойтись без него?

Пойдет ли народ за господствующим стремлением века или, наоборот, он пойдет против него, пытаясь вновь создать уничтоженную им же власть?

Культурный человек, которого Фурье с презрением называл «цивилизованным», трепещет при мысли, что общество может остаться в один прекрасный день без судей, без жандармов и без тюремщиков...

Действительно ли, однако, так нужны нам эти господа, как говорят нам в книгах — книгах, написанных учеными,

которые, обыкновенно, очень хорошо знают, что было написано до них в других таких же книгах, но совершенно не знают, по большей части, ни народа, ни его ежедневной жизни.

Если мы можем безопасно ходить не только по улицам Парижа, где кишат полицейские, но и по деревенским дорогам, где лишь изредка встречаются прохожие, то чему обязаны мы этим: полиции или, скорее, отсутствию людей, желающих убить или ограбить прохожего? Я не говорю, конечно, о людях, носящих при себе миллионы, — таких мало, — а имею в виду простого буржуа, который боится не за свой кошелек, наполненный несколькими дурно приобретенными червонцами, а за свою жизнь. Основательны ли его опасения?

Недавний опыт показал нам, что Джек Потрошитель совершал в Лондоне свои зверства буквально-таки под носом у полицейских, а лондонская полиция — самая деятельная в мире, и прекратил он их только тогда, когда его начало преследовать само Уайтчепельское население.

А наши ежедневные отношения с нашими согражданами? Неужели вы думаете, что противообщественные поступки в самом деле предотвращаются судьями, тюрьмами и жандармами? Неужели вы не видите, что судья, — т. е. человек, одержимый законническим помешательством, и вследствие этого всегда жестокий, — что доносчик, шпион, тюремщик, палач, полицейский (а без них как жить судье?) и все подозрительные личности, ютящиеся вокруг судов, в действительности представляют, каждый из них, центр разврата, распространяемого в обществе? Присмотритесь-ка к этой жизни судейской; прочитайте отчеты о процессах, пробежите объявления — ими полны газеты — английских агентов для частного сыска, предлагающих за бесценок выслеживать поведение мужей и жен при помощи опытных сыщиц; постарайтесь, хоть по отрывкам, составить картину Скотланд-Ярда (английского Третьего Отделения), Тайной парижской полиции с ее помощницами на тротуарах, и русского Третьего Отделения; загляните за кулисы судов, посмотрите, что делается на задах торжественных каменных фасадов — и вы почувствуете глубочайшее отвращение.

Разве тюрьма, убивающая в человеке всякую волю и всякую силу характера и заключающая в своих стенах больше пороков, чем в каком бы то ни было другом пункте земного шара, не играла всегда роль высшей школы преступления, а зала суда — всякого суда — школы самой гнусной жестокости?

Нам возражают, что когда мы требуем уничтожения Государства и всех его органов, мы мечтаем об обществе, состоящем из людей, лучших чем те, которые существуют в действительности. Нет, ответим мы, тысячу раз нет! Мы требуем одного: чтобы эти гнусные государственные учреждения не делали людей худшими, чем они есть!

Известный немецкий юрист Иеринг задумал однажды резюмировать свои научные труды в сочинении, в котором он намеревался разобрать средства, служащие к поддержанию общественной жизни. Сочинение это носит название «Цель в праве» (*Der Ziel im Recht*) и пользуется вполне заслуженной репутацией.

Он выработал план своего труда и разобрал с большим знанием два существующих принудительных средства: наемную плату и формы принуждения, помеченные в законе. В конце он оставил два параграфа, чтобы упомянуть о двух непринудительных средствах, которым он, как и следовало юристу, не придавал особенного значения, а именно: чувству долга и чувству симпатии.

И что же? По мере того, как он исследовал принудительные средства, он убеждался в их полной недостаточности, полной неспособности поддержать общественный строй. Он посвятил им целый том, и в результате исследования — их значение сильно пошатнулось. Когда же он приступил к двум последним параграфам и принялся думать о непринудительных средствах общественной жизни, он увидел, что они имеют такое огромное, преобладающее значение, что вместо двух главок ему пришлось написать целый второй том, вдвое толще первого, об этих двух средствах — о добровольном самоограничении и о взаимной поддержке, причем он исчерпал только ничтожную часть предмета, так как

говорил только о том, что вытекает из чувства личной симпатии, едва затронув вопрос о свободном соглашении для выполнения общественных отпращиваний.

С каждым из вас случится то же, что с Иерингом, если вы серьезно подумаете об этом предмете и, вместо того, чтобы повторять формулы, заученные вами в школе, сами серьезно займетесь этим вопросом. Подобно Иерингу, вы увидите, какое ничтожное значение имеет в обществе принуждение, сравнительно с добровольным соглашением.

С другой стороны, если вы последуете уже старому совету, данному Бентамом, и подумаете о гибельных — прямых, а в особенности, косвенных — последствиях всякого законного принуждения, вы возненавидите, как Толстой и как мы, это употребление силы и придете к заключению, что в руках у общества есть тысяча других, гораздо более действительных средств для предотвращения противообщественных поступков; если же оно теперь не прибегает к этим средствам, то только потому, что и его воспитание, руководимое церковью и государством, и его трусость и леность мысли мешают ясному пониманию этих вопросов. Если ребенок совершил какой-нибудь проступок — проще всего его наказать; тогда, по крайней мере, не нужно никаких объяснений! А разве трудно казнить человека, особенно когда есть на то наемные палачи — в Англии, всего по фунту, т.е. по 10 рублей, за каждого повешенного? Чего лучше! Заплатить несколько сот рублей в год и не ломать дворянскую голову над причинами преступлений! А в Сибирь сослать или в Кресты запереть — и того проще! Но — не омерзительно ли это? Нам часто говорят, что мы, анархисты, живем в мире мечтаний и не видим современной действительности. На деле же выходит, что мы, может быть, слишком хорошо ее видим и знаем, а потому и стараемся прорубить топором просеку в окружающей нас чаще вековых предрассудков по вопросу о всякой власти, «от Бога или от мира сего».

Мы далеко не живем в мире видений и не представляем себе людей лучшими, чем они есть на самом деле, — наоборот, мы именно видим их такими, какие они есть, а потому и утверждаем, что власть портит даже самых лучших

людей, и что все эти теории «равновесия власти» и «контроля над правительством» ничто иное, как ходячие формулы, придуманные теми, кто стоит у власти, для того, чтоб уверить «верховный народ», будто правит именно он. На деле же государством народ нигде не правит. Везде богатые и обученные управлению управляют бедными. Именно в силу нашего знания людей, мы и говорим правителям, которые думают, что без них люди загрызли бы друг друга: вы рассуждаете, как тот французский король, который, будучи принужден уехать за границу, воскликнул: «Что станется без меня с моими несчастными подданными!»

Конечно, если бы люди были такими высшими существами, какими изображают их утописты власти, если бы мы могли, закрывая глаза на действительность, жить, как они, в мире иллюзий насчет нравственной высоты тех, кого они считают призванными к управлению, тогда, может быть, и мы думали бы, как они, и верили бы, как они, в добродетели правителей.

В самом деле — что же было бы худого в рабстве, если бы рабовладельцы действительно были теми праведными архангелами, какими розовыми красками нам расписывали американских рабовладельцев и крепостников-помещиков лет тридцать тому назад? Они ли не заботились отечески о своих рабах и крепостных! Без барина, эти ленивые, беспечные, непредусмотрительные дети просто пропали бы с голоду! И к чему — говорили нам крепостники — станет барин обременять своих рабов непосильным трудом или истязать их под розгами! Ведь его прямая выгода хорошо кормить своих рабов, хорошо с ними обращаться, заботиться о них, как о своих собственных детях! Уж как сладко нам певали это в нашем детстве всероссийские Скарятинны, американские газетчики и английские попы! А кроме того, ведь существовал «закон», каравший рабовладельца за малейшее уклонение от своих обязанностей! А между тем Дарвин, вернувшись из своего путешествия в Бразилию, так всю жизнь и был преследуем криками изувечиваемых рабов, которые он слышал в Бразилии, и рыданиями женщин, стонавших от боли в закованных в тиски руках. А нам, детям бывших помещиков, по сию пору

краска бросается в лицо при одной мысли о том, что делали наши отцы.

Если бы господа, стоящие у власти действительно были людьми настолько умными и преданными общественному делу, как нам изображают их хвалители государства, — какую бы можно было создать великолепную утопию, с правительством и хозяевами во главе! Хозяин был бы не тираном, а отцом своих рабочих! Завод был бы привлекательнейшим местопребыванием и никогда бы целые поколения рабочих не оказывались осужденными на физическое вырождение. Государство не отравляло бы своих рабочих, заставляя их делать спички с белым фосфором, когда его так легко заменить красным. Таких судей, которые осуждают на целые годы голода и лишений и на смерть от истощения ни в чем не повинных жен и детей, приговариваемых ими людей, — таких зверей не существовало бы; прокуроры не стали бы требовать смертной казни для подсудимого, ради того только, чтобы проявить свои ораторские таланты, и не нашлось бы ни тюремщиков, ни палачей для приведения в исполнение приговоров, которых судьи сами не хотят исполнять! — Да что тут говорить! У самого Плутарха не хватило бы слов, чтобы расписать все добродетели депутатов того блаженного времени, депутатов, которым противен самый вид панамских чеков! Дисциплинарные батальоны стали бы рассадниками всяких добродетелей, а постоянные армии — одним удовольствием для граждан, так как ружья служили бы солдатам только для того, чтобы маршировать перед няньками и детьми с букетами цветов, надетыми на штыки.

Какая прекрасная утопия, какая чудная святочная сказка создается в нашем воображении, как только мы предположим, что люди, стоящие у власти, представляют собою высший класс людей, которому чужды или почти чужды слабости простых смертных! Достаточно было бы заставить чиновников контролировать друг друга соответственно табели о рангах и ограничить всего только двадцатью пятью нумерами количество рапортов и отношений, которыми позволено будет канцеляриям обмениваться в случае, если где-нибудь ветер сломает казенное дерево.

(Теперь в объединенной Франции, чтобы продать казенное дерево, сломленное бурей, канцелярии обмениваются 53-мя номерами бумаг). В случае надобности можно, кроме того, предоставить надзор за чиновниками простым смертным, которые в государственных утопиях отличаются в своих взаимных отношениях всевозможными пороками, но становятся олицетворением мудрости, как только им приходится выбирать себе правителей.

Вся наука государственного управления, созданная самими правителями, проникнута этой утопией. Но мы слишком хорошо знаем людей, чтобы предаваться подобным мечтам. Мы не прилагаем двух различных мерок, смотря по тому, идет ли речь об управителях или об управляемых; мы знаем, что мы сами несовершенны и что даже самые лучшие из нас быстро испортились бы, если бы попали во власть. Мы берем людей такими, каковы они есть, и вот почему мы ненавидим всякую власть человека над человеком и стараемся всеми силами — может быть даже недостаточно — положить ей конец.

Но одного разрушения недостаточно. Нужно также уметь и созидать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании. Разрушив старое, он предоставлял всегда заботу о будущем буржуазии, которая имела перед ним то преимущество, что знала более или менее ясно, чего хотела, и таким образом восстанавливала власть снова в свою пользу.

Вот почему, стремясь к уничтожению власти во всех ее проявлениях, к уничтожению законов и механизма, служащего для того, чтоб заставить им подчиняться, отрицая всякую лестничную организацию и проповедуя свободное соглашение, анархизм стремится, вместе с тем, к поддержанию и расширению того драгоценного ядра привычек общественности, без которых не может существовать никакое человеческое, никакое животное общество. Только вместо того, чтобы ждать поддержки этих общественных привычек от власти нескольких человек, он ждет его от постоянной деятельности всех.

Коммунистические учреждения и привычки необходимы для общества не только как способ разрешения экономических затруднений, но также и для поддержания и развития тех привычек общественности, которые сближают людей, создают между ними отношения, обращающие пользу каждого в пользу всех, — учреждения, соединяющие людей вместо того, чтобы разъединять их.

Когда мы задаем себе вопрос, какими средствами поддерживается в человеческом или животном обществе известный нравственный уровень, мы находим всего три таких средства: преследование и наказание противообщественных поступков, нравственное воспитание и широкое применение взаимной поддержки в жизни. А так как эти три способа были уже испробованы, то мы можем судить о них на основании их результатов.

Что касается бессилия судебного наказания, то оно достаточно доказывается тем безобразным положением, в котором находится современное общество, и самую необходимость той революции, к которой мы стремимся и неизбежность которой мы все чувствуем. В области хозяйственной система принуждения привела нас к фабричной каторге: в области политической — к государству, т. е. к разрушению всех связей, существовавших прежде между гражданами (якобинцы 1793 года разорвали даже те связи, которым удалось устоять против королевской власти), с целью сделать из них бесформенную массу подданных, подчиненную во всех отношениях одной срединной власти. Государственные законы и наказания не только помогли создать все бедствия современного хозяйственного, политического и общественного строя, но вместе с тем обнаружили свою полную неспособность поднять нравственный уровень общества. Они не сумели даже удержать его на том уровне, на каком оно стояло. В самом деле, если бы какая-нибудь благодетельная фея вдруг развернула перед нашими глазами все те преступления, которые совершаются в цивилизованном обществе под прикрытием неизвестности, протекции высокопоставленных лиц и самого закона, общество

содрогнулось бы. За крупные политические преступления, вроде наполеоновского переворота 2-го декабря или кровавой расправы с коммуной, или царских расправ в каторге и в Шлиссельбурге, виновные никогда не несут наказания; Некрасов правду сказал: «бичуют маленьких воришек для удовольствия больших». Мало того. Когда власть берет на себя задачу улучшать общественную нравственность «наказанием виновных», она лишь порождает ряд новых преступлений — в судах и тюрьмах. К принуждению люди прибегали в течение целого ряда веков и так безуспешно, что мы находимся теперь в положении, из которого не можем выйти иначе, как разрушив и уничтожив принудительные учреждения нашего прошлого.

Мы далеко не отрицаем значения второго из упомянутых средств: нравственного воспитания, особенно такого, которое бессознательно передается в обществе от одного к другому и вытекает из общего свода всех мыслей и мнений, высказываемых каждым из нас относительно событий ежедневной жизни. Но эта сила может влиять на общество только при одном условии: если ей не будет препятствовать другое, безнравственное, воспитание, вытекающее из существующих государственных учреждений.

В этом последнем случае ее влияние сводится к нулю, или даже оказывается вредным. Возьмите христианскую нравственность: какая другая нравственность могла бы иметь такое сильное влияние на умы, как христианская, говорившая от имени распятого Бога и действовавшая всею силою своей таинственности, всей поэзией мученичества, всем величием прощения палачам? А между тем влияние государственных учреждений оказалось сильнее христианской религии. Христианство было в сущности восстанием иудеев против императорского Рима, но на деле оно было покорено этим Римом, оно приняло его начала, его обычаи, его язык. Христианская церковь проникнулась началами римского государственного права и вследствие этого явилась в истории союзницей государства — самого отчаянного врага тех полукоммунистических учреждений, к которым взывало христианство в начале своего существования.

Можем ли мы предположить, хотя бы на минуту, что нравственное воспитание, устанавливаемое под покровительством министерских циркуляров, будет иметь ту творческую силу, которой не оказалось у христианства? И что может сделать воспитание, хотя бы оно и стремилось сделать людей действительно общественными, если против него будет стоять другое воспитание, ежедневное, вытекающее из суммы всех противообщественных привычек и учреждений.

Остается третий элемент — само учреждение, действующее так, чтобы поступки, в которых проявляются чувства общности, вошли в привычку, сделались делом инстинкта. Эта сила, как показывает нам история, никогда не оказывалась беспомощною; никогда она не являлась обоюдоострым оружием. И если случалось, что она не достигала своей цели, то только тогда, когда хороший обычай, становясь понемногу неподвижным, окристаллизованным, обращался в какую-то неприкосновенную религию и поглощал личность, отнимая у нее всякую свободу действия и тем самым вынуждая ее бороться с тем, что становилось препятствием к дальнейшему развитию.

В самом деле, все то, что послужило в прошлом как элемент развития, прогресса, или как орудие нравственного и умственного воспитания человечества — все это вытекало из приложений на практике начал взаимной поддержки и проявления таких привычек, которые признавали равенство между людьми, побуждали их самих соединяться друг с другом, спланиваться для производства и потребления или же для общей защиты, образовывать союзы и прибегать для решения возникавших между ними споров к посредникам, выбранным из своей собственной среды.

Всякий раз когда эти учреждения, рождавшиеся как продукт народного творчества в те эпохи, когда народ завоевывал себе свободу, достигали в истории наибольшего развития — всякий раз и нравственный уровень общества, и его материальное благосостояние, и его свобода, и его умственный прогресс и развитие личности — все поднималось. Всякий же раз, когда наоборот, в силу ли иностранного завоевания, или в силу развития государственных предрассу-

дков люди все больше и больше делились на управителей и управляемых, на эксплуататоров и эксплуатируемых — нравственный уровень общества понижался; вместо благосостояния большинства являлась нажива некоторых, и общий дух века быстро мельчал.

Этому учит нас история, и именно из нее мы черпаем нашу веру в учреждения *свободного* коммунизма, как в силу, которая способна поднять нравственный уровень общества, пониженный привычками государственности.

В настоящее время мы живем в городах рядом с другими людьми, даже не зная их. В дни выборов мы встречаемся друг с другом на собраниях; слушаем лживые обещания или нелепые речи кандидатов и возвращаемся к себе домой. Государство заведует всеми делами, имеющими общественный интерес; на нем лежит обязанность следить за тем, чтобы отдельные люди не нарушали интересов своих сограждан, и, в случае надобности, исправлять нанесенный ими вред, наказывая виновных. На нем лежит забота о помощи голодающим, забота образования, защита от врагов и т. д. и т. д.

Ваш сосед может умереть с голоду или заколотить насмерть своих детей, но вас это не касается: это дело полиции. Вы не знаете своих соседей; вас ничто не связывает с ними и все разъединяет, и за неимением лучшего, вы просите у Всемогущего (прежде это был Бог, а теперь государство), чтобы он не допускал противообщественные страсти до крайних пределов.

В коммунистическом обществе дело неизбежно должно пойти иначе. Организацию коммунистического строя нельзя поручить какому-нибудь законодательному собранию — парламенту, городскому или мирскому Совету. Оно должно быть делом всех, оно должно быть *создано* творческим умом самого народа; коммунизм нельзя навязать свыше. Без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех он не мог бы существовать; он задохся бы в атмосфере власти.

Вследствие этого, коммунизм и не может существовать иначе, как создавая тысячи точек соприкосновения между людьми по поводу их общих дел. Он не может жить иначе, как созидая *независимую местную жизнь* для самых мелких

единиц: для каждой улицы, для каждой кучки домов, для каждого квартала, для каждой общины и города. Он тогда только и может достичь своей цели, если покроет общество целую сетью артелей и обществ, служащих для удовлетворения всевозможных потребностей: нужды довольства, роскоши, изучения, развлечений и т. д. А эти общества точно также не могут оставаться чисто местными; они неизбежно будут стремиться к тому, чтобы стать всенародными и международными, как это происходит уже теперь с учеными обществами, с обществами велосипедистов, с обществами для спасания утопающих и пр.

И те общественные привычки, которые неизбежно вызовет к жизни коммунизм — хотя бы вначале даже неполный коммунизм — окажутся несравненно сильнее для поддержания и развития существующего уже ядра общественных привычек, чем все возможные карательные меры.

Вот от какой формы жизни, от какого общественного строя мы ждем развития духа взаимного соглашения. Заметим, кстати, что эти соображения служат также ответом тем, кто утверждает, что коммунизм и анархизм не совместимы. На деле они составляют необходимое дополнение друг для друга.

Полное развитие личности и ее личных особенностей может иметь место — по справедливому замечанию одного из наших товарищей — только тогда, когда первые, главные потребности человека в пище и жилье удовлетворены, когда его борьба за жизнь против сил природы упростилась, когда его время не поглощено тысячами мелких забот о поддержании своего существования. Тогда только ум, художественный вкус, изобретательность и вообще все способности человека могут развиваться свободно.

Коммунизм представляет собою, таким образом, лучшую основу для развития личности — не того индивидуализма, который толкает людей на борьбу друг с другом и который только и был нам до сих пор известен, а того, который представляет собою полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли.

Таков наш идеал, и что нам за дело до того, что во всей своей полноте он осуществится лишь в более или менее отдаленном будущем! Его частное осуществление мы можем начать сейчас же, среди нас самих; его идеи мы должны распространять как можно шире, не медля ни минуты, — и тогда мы увидим, как наши отдаленные стремления повлияют на каждый шаг вперед, который сделает общество, как они отразятся на всех воззрениях относительно того, что следует делать сейчас же, как отнестись к каждому частному вопросу.

Наше дело — открыть, прежде всего, путем изучения современного общественного строя, его стремления, его направление, свойственные ему в данный момент развития, и указать эти стремления. Затем — осуществить эти стремления в наших сношениях с нашими единомышленниками; и наконец заняться, уже теперь, и в особенности с наступлением революционного периода, разрушением учреждений и предрассудков, стесняющих развитие этих стремлений.

Это — все, что мы можем делать, как мирным, так и революционным путем. Но мы знаем, что, способствуя проявлению этих стремлений, мы содействуем прогрессу, и что все, что идет *против* них, может только задержать прогресс!

Нам часто говорят о промежуточных ступенях, которые общество *должно* будет пройти, и нам предлагают бороться за достижение того, на что нам указывают, как на первый этапный пункт; впоследствии, говорят нам, можно выйти на истинную дорогу, после того, как мы достигнем первого этапа.

Мне кажется, однако, что рассуждать таким образом значит совершенно не понимать настоящего характера человеческого прогресса и пользоваться сравнением взятым из военного дела и, в сущности, довольно неудачным. Человечество не представляет собою ни катящегося шара, ни даже марширующей колонны солдат. Оно есть такое целое, развитие которого состоит в развитии составляющих его миллионов; и если мы уже непременно хотим делать сравнения, то материал для таких сравнений надо брать

скорее из законов развития живых существ, чем из законов движения неживых тел.

В действительности каждый шаг в развитии общества представляет собою равнодействующую умственных деятельностей всех составляющих его единиц, и он носит на себе отпечаток воли каждой из них. Каков бы ни был новый вид развития, который готовит нам двадцатый век, он неизбежно будет носить на себе отпечаток тех идей безгосударственной свободы, которые уже начинают пробуждаться теперь. Глубина этого движения будет зависеть от числа умов, порвавших с государственными предрассудками, от энергии, с которой они будут разрушать старые учреждения, от впечатления, которое они произведут на общество, от ясности, с которой общественный строй освободившегося общества будет обрисовываться в умах этой массы. Но мы можем сказать уже теперь — например, относительно Франции, — что пробуждение идей безгосударственной свободы дало французскому обществу известный толчок, и что будущая революция во Франции ни в каком случае уже не будет той якобинской, сосредоточенной (централизованной) революцией, какой она была бы, если бы произошла двадцать лет тому назад.

Раз анархические идеи не представляют собою измышления какой-нибудь отдельной личности или группы, а вытекают из всего идейного движения нашего времени, мы можем быть уверены, что, каковы бы ни были результаты будущей революции, она уже не приведет нас ни к централизованному и диктаторскому коммунизму сороковых годов, ни к государственному коллективизму.

«Первый этапный пункт» наверное не будет, следовательно, тем, что понимали под этим первым шагом всего каких-нибудь двадцать лет тому назад.

Я уже заметил, что, поскольку мы можем судить об этом на основании наших наблюдений, перед всей социалистической партией возникла в настоящее время громаднейшая задача: как согласовать ее общественный хозяйственный идеал с движением в сторону свободы личности, начинающимся в умах массы? Затем, в предыдущих революциях недоставало заботы о пробуждении духа народного почина.

Теперь же люди начинают понимать, что без пробуждения именно этого почина, — повсеместно, в каждом городе и деревушке, нет никакой возможности совершить громаднейший экономический переворот, который требуется совершить.

Отсутствие организаторского творческого почина в народных массах было, в самом деле, тем подводным камнем, о который разбились все прошлые революции. Очень сильный по своей сообразительности в нападении народ не проявлял почина и творческой мысли в деле построения нового здания. Народ дрался на баррикадах, брал дворцы, выгонял старых правителей, но дело новой постройки он предоставлял образованным классам, т. е. той же буржуазии. У буржуазии же был свой общественный идеал, она знала приблизительно, чего именно она хотела, знала, что можно будет извлечь в ее собственных интересах из общественной бури. И как только революция ломала старые порядки, буржуазия бралась за постройку в свою пользу.

В революции разрушение составляет только часть работы революционера. Ему приходится, кроме того, сейчас же строить вновь. И вот эта постройка может произойти либо по старым рецептам, заученным из книг и навязываемым народу всеми защитниками старого — всеми неспособными додуматься до нового. Или же перестройка начнется на новых началах, т. е. в каждой деревне, в каждом городе начнется самостоятельная постройка социалистического общества, под влиянием некоторых общих начал, усвоенных массою, которая будет искать их практического осуществления на месте, в сложных отношениях, свойственных каждой местности. Но для этого у народа должен быть свой идеал, для этого в его среде должны быть люди почина, инициативы.

А между тем именно эту инициативу рабочего и крестьянина сознательно или бессознательно душили все партии — в том числе и социалисты — ради партийной дисциплины. Все распоряжения исходили из центра, от комитетов, а местным органам оставалось только подчиняться, чтобы не нарушать единства организации. Целая система воспитания, целая ложная история, целая непонят-

ная наука были выработаны с этой целью...

...До тех пор, пока общество будет следовать закону кровавой мести, пока вера и закон, казарма и суд, тюрьма и фабричная каторга, печать и школа будут продолжать учить полному презрению к человеческой жизни — до тех пор не требуйте уважения к ней со стороны тех, кто восстает против этого общества! Это значило бы требовать от них доброты и великодушия, которых нет теперь в обществе.

Если вы хотите, вместе с нами, полного уважения к свободе, а следовательно и к жизни личности, вы неизбежно должны отвергнуть всякое управление человека человеком, в какой бы форме оно не проявлялось, вы должны принять начала анархизма, которые вы до сих пор презирали. А приняв их, вы должны будете стремиться вместе с нами к отысканию таких общественных форм, которые бы лучше всего соответствовали этому идеалу и положили бы конец всем возмущающим вас актам насилия.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Марк Алданов

ЭТЮДЫ ИЗ КНИГИ «ОГОНЬ И ДЫМ»*

О ВОЗВРАЩЕНИЯХ ИСТОРИИ

В 1725 г. Джованни Вико в своей знаменитой книге «Prinzipi di una scienza nuova» поставил вопрос о сущности мирового прогресса. История, — доказывал итальянский философ, — есть вечное возобновление. В ней регулярно и беспрестанно чередуются три периода: период божественный, период героический и период человеческий. Вико очень подробно описывал свойства каждого из этих периодов, попутно касаясь всевозможных других вопросов, хотел все понять, все углубить, все разъяснить (эта слабость была присуща большинству писателей того времени), и, как обыкновенно в таких случаях бывает, не понял, не углубил и не разъяснил почти ничего. От его путанной и довольно посредственной книги в сущности только и осталось, что эффектная мысль о вечных возвращениях истории. Зато эта мысль в свете нынешних событий — *miseris temporibus ac perditis moribus* — представляет особый интерес. Любимые отличительные критерии Вико — боги и мифы (первый период), герои и варварство (второй), цивилизация (третий) — как будто несколько перемешались. Неизвестно, где теперь кончается варварство и где начинается цивилизация; насчет богов и героев мнения сильно расходятся; а мифов так много, что ум за разум заходит: все, собственно, оказалось в наши дни мифом, начиная от «освободительной войны» и

*Книга одного из лучших писателей русского зарубежья Марка Алданова «Огонь и дым» вышла в издательстве «Франко-русская печать» в Париже в 1922 году.

кончая «диктатурой пролетариата». Даже и язык теперь стал какой-то мифический: пишется, например, «самоопределение народов», а читается «бакинский керосин».

Вспоминаю один свой разговор с ныне покойным Г. А. Лопатиным, начавшийся по следующему поводу. Говоря с обычным блеском и юмором о политических новостях дня, Герман Александрович сослался на слова, сказанные ему «Александром Ивановичем».

— Какой это Александр Иванович? — спросил я, называя фамилии двух политических деятелей, бывших в разное время военными министрами Временного правительства.

— Да нет, не Гучков и не Верховский, — нетерпеливо ответил старик. — Герцен. Александр Иванович Герцен.

Лопатин был живой легендой и все это знали. Тем не менее ссылка — в 1918 году — на личную беседу с Герценым производила своеобразное впечатление, которого я не скрыл от своего собеседника.

— Это что! — сказал, рассмеявшись, Герман Александрович, — я вам не то еще скажу. Меня в детстве воспитывала няня, умершая у нас в доме столетней старухой. Так вот эта добрая женщина в молодости своей лично знала Пугачева, который даже как-то подарил ей пятак. Сделайте вывод: мы с вами разговариваем о коммунистической республике Ленина, а у меня были общие друзья с Пугачевым.

Ответ напрашивался сам собой. Я сказал Герману Александровичу, что, если б няне его суждено было дожить до наших дней, она, пожалуй, не чувствовала бы особенно резкой перемены: в коммунистической новизне ей могла бы послышаться пугачевская старина.

Но Лопатин, всей душой ненавидевший большевиков, с моим замечанием не согласился. Этот необыкновенный человек, который провел 30 лет жизни в тюрьмах, пережил крушение трех революций, состоял товарищем по работе Дегаева, был судьей по делу Азефа, и это все для того — пошлет же Господь! — чтобы на старости лет дожить до советского строя, — твердо верил в неуклонность прогресса вообще и русского освободительного движения в частности.

— История не может идти назад, — говорил он. — Куда ей назад идти-то: в первобытные леса, что-ли? Так их давно англичанин вырубил.

Доводы Лопатина сводились к тому, что прогресс точного знания исключает возможность исторических возвращений.

Спор на эту тему, разумеется, был бы довольно бесплоден. Невозможность социального регресса есть догмат веры. Под него, как под всякий догмат веры, можно подвести известный логический фундамент; особенно это как будто легко, если взять перспективу веков или еще лучше тысячелетий, что для социолога, разумеется, никакой трудности не представляет. Правда, кроме социологических теорем и исторических обобщений, есть также живые люди, которые гибнут на колах волчьих ям и на зубьях проволочных заграждений, на «Лузитании», потопленной немецкой подводной лодкой, и на немецкой подводной лодке, попавшей в английскую сеть, в чрезвычайках и контрразведках, под пулями китайцев и при «попытках к побегу»*. Но на социологических теоремах все это не отражается, как работа Сансоновой гильотины не отражалась на таблицах Лаланда.

Для теоремы о невозможности социального регресса страшно разве только одно: это наша полная свобода в выборе исторической перспективы. Что сравнивать? С чем сравнивать? Наше время со средними веками? Почему, однако, не сравнивать средние века с порой расцвета эллинской культуры?

Социальные проблемы, теперь волнующие людей, занимали умы афинян более двух тысячелетий тому назад. Знаменитая речь, в которой Перикл над могилами воинов, павших в начале Пелопонесской войны, описывает сущность

* Эта формула «убит при попытке к побегу» была, если не ошибаюсь, изобретена Департаментом Полиции в 1906 году. Но кто бы мог тогда подумать, что ее ждет мировое распространение. «При попытке к побегу» погибли тысячи людей от руки русских, немецких и венгерских большевиков. «При попытке к побегу» убиты были также Карл Либкнехт, Роза Люксембург и др. Надо думать, что формула Департамента Полиции выйдет из употребления еще не скоро.

и задачи демократического режима (Фукидид, II, §§ 35-46), может смело остаться, без изменения единого слова, идеалом программной речи для современных политических деятелей. Не только по логике и ясности социальных построений, но по проникающему ее духу терпимости, по благородству тона в отношении к врагам, она неизмеримо выше всего того, что в эту войну лепетали на разных языках современные Периклы. Точно так же, в области отвлеченной мысли, древние эллины вплотную подошли к современным научным проблемам. Эвклид был на волоске от открытия не-Эвклидовой геометрии. Когда читаешь четвертую книгу «Физики» Аристотеля, трудно отделаться от мысли, — вот-вот, еще одно небольшое усилие и этот могучий ум дойдет до некоторых идей, только вчера брошенных в науку гением Альберта Эйнштейна.

Потом все рухнуло. Пошли процессы колдунов (последний в 1823 году), костры, Инкубы и Суккубы, семь дьявольских искусств, демонология, онироскопия, сорок видов черной магии, чудесная трава Андромеда, камень Гелиотроп, меняющий свет солнца, Malleus Maleficarum величайшего авторитета эпохи Шпренгера, который так же усердно разоблачал и изводил ведьм, как Ленин изводит и разоблачает капиталистов. Была, конечно, своя средневековая культура. Ее теперь модно переоценивать, но эта мода пройдет. Факты останутся.

История пошла назад — точно на зло всем своим теоретикам. В связи с тем, что происходит теперь, это наводит на печальные мысли.

Все карты спутались. Вместо 14-ти пунктов — один гуманнее другого. — пунктов, на которые молились простодушные люди всех стран, — восторжествовал пятнадцатый пункт: горе побежденным. Не Вильсон, а Бренн оказался философом великой освободительной войны. А из великой освободительной революции простодушные люди могут теперь сделать вывод, что самые крайние революционеры ничем решительно не отличаются от самых крайних черносотенцев. Гамзей Гамзеевич стал коммунистом и заседает в красном Кремле. Самые передовые люди в западной Европе любят в настоящее время Гамзей Гамзеевичем.

Правда, Ленин убежден, что ему принадлежит будущее. Но совершенно то же самое думал пять столетий тому назад Томазо де Торквемада. Он считал *Ordonnanzas de los Inquisidores* глубоко прогрессивным произведением философско-политической мысли. Он тоже был интернационалист и тоже уверял, будто стремится к установлению на земле мира, спокойствия и всеобщего счастья. Да и людей-то он казнил не так много: по наиболее враждебному подсчету, всего 8000 человек за все 11 лет своего правления. Эта цифра теперь кажется просто до смешного малой; большевики за один месяц отправляют на тот свет больше.

Очень может быть, что и в нынешних событиях — по крайней мере в области моральной — следует видеть «возвращение» Вико, разумеется, временное, но весьма зловещее.

В этот век крови и железа, в этот век Лениных и Людендорфов, гуманные люди принесли свои гуманные идеи. Жизнь жестоко над ними посмеялась. Тем хуже для гуманных людей, тем хуже, конечно, и для жизни. На пресловутом прыжке «из царства необходимости в царство свободы» многим выпало на долю сломать себе шею.

О ПРАВИТЕЛЯХ

Однажды в Версале король Людовик XV неожиданно вошел в комнату маркизы Помпадур. Сидевший у фаворитки, в числе других лиц ее свиты, доктор Кене вскочил и изобразил на лице крайнюю растерянность. После ухода монарха одна из придворных дам, госпожа Оссэ, лукаво спросила перепугавшегося врача:

— Смею ли, сударь, узнать причину столь непонятного волнения?

— Как же мне было не волноваться? — отвечал Кене. — Всякий раз, когда я вижу короля, я думаю: вот человек, который может приказать, чтобы мне отрубили голову.

— Помилуйте! — воскликнула госпожа Оссэ. — *Король так добр!..*

Мишлэ, рассказывающий этот анекдот, остроумно и справедливо замечает, что госпожа Оссэ в своем восклицании совершенно точно определила причину Французской Революции: при старом строе единственная гарантия того, что человеку не отрубят голову, заключалась в крайней доброте короля.

Мне этот эпизод вспомнился отчасти в связи с нашумевшей статьей, в которой Максим Горький трогательно описывает «почти женскую нежность к людям» Ленина, его славный, хороший смех и тайные душевные страдания, причиняемые советским террором этому кроткому человеку. Жалость к несчастеньким, как известно, составляет одну из традиций русской литературы; об этом и об *âme slave* вообще сказано, слава Богу, в Европе достаточно глупых слов. Против жалости, разумеется, ничего возразить нельзя; но до сих пор полагалось, если уж жалеть, то по крайней мере жалеть кого следует. Максим Горький здесь оказался новатором. Советский террор несомненно дает богатый материал для проявления жалости. Горький ее и проявляет: ему мучительно, прямо до слез жалко — ему жалко Ленина! Ленин так устал, истребляя контрреволюционеров и саботажников. «Я знаю глаза, в которых жгучая боль запечатлелась навсегда, на всю жизнь. Всякое убийство мне органически противно, но *эти люди* — *мученики*, и совесть никогда не позволит мне осудить их»*. Мученики террора, оказывается, — Ленин, быть может, также (Горький говорит во множественном числе) Дзержинский и Лацис. Ах, несчастенькие!

О статье Горького достаточно говорилось, хотя некоторые ее достоинства еще не вполне оценены. В чисто художественном отношении образ человека со славным добродушным смехом и с глазами, в которых навсегда запечатлелась жгучая боль, вряд ли можно отнести к числу шедевров. Коммунистический Челкаш не удался талантливому писателю. Я говорю обо всем этом только в связи с идеями, вытекающими из анекдота Мишлэ. При советском

* Цитирую статью г. Горького по ее французскому переводу.

строе единственной конституционной гарантией является доброта руководителей Чрезвычайки. Не сомневаясь ни в искренности большевистских симпатий Максима Горького, ни в его личной порядочности, я вынужден заключить, что он двадцать пять лет боролся с самодержавием, совершенно не понимая, во имя чего ведется эта борьба.

Часто приходится слышать рассказы о прекрасных душевных свойствах разных других правителей. Эти рассказы бывают иногда ближе к истине и тем не менее они также вызывают некоторое недоумение. Душевные свойства правителей имеют в большинстве случаев ограниченное значение. Их доброе сердце и личная честность, как и их жестокость, сами по себе — ни к чему. Это Артемий Филиппович Земляника лечил своих больных не столько медикаментами, сколько честностью и усердием. Но ведь на то его больные и выздоравливали — как мухи.

Наполеон выражал как-то неудовольствие по поводу политики своего брата, которого он посадил королем в Вестфалию. Ему робко в ответ указали на доброту вестфальского короля.

— Что толку в его доброте? — сердито закричал император. — Когда о монархе говорят, что он добр, значит он ни к черту не годится!

Наполеон отнюдь не хотел этим сказать, будто правитель должен быть зол или жесток; здесь, как и всегда, он был по ту сторону доброты и злобы. Впоследствии на острове св. Елены развенчанный император сравнивал себя с Робеспьером: цель у них, по его словам, была одна и та же: оба стремились овладеть революцией и успокоить Францию. Но свое политическое превосходство над революционным диктатором Наполеон видел в выборе пути: казнями и террором нельзя было положить конец государственному развалу. Надо было угадать, чего хочет народ, произвести отбор и дать стране необходимое. В этом император видел свою главную заслугу перед Францией и к этому, по его мнению, сводилось трудное искусство власти. Править против воли народных масс, особенно в период революции, можно лишь очень недолго. Со всей своей энергией, со всей своей дальновидностью, со своим совершенным презрением

к людям, могущественный император Наполеон склонялся перед политическими настроениями бретонского крестьянина и перед социальными идеями парижского консьержа.

У нас тоже высшей решающей инстанцией кровавого спора будет, рано или поздно, мужик. Демократическая интеллигенция знает, чего она хочет: как хлеб, как воздух, ей нужны политическая свобода, свобода слова, все то, что обычно объединяют под названием принципов демократии. Но если против народа долго править нельзя, то против демократической интеллигенции править, к сожалению, можно гораздо легче. Всякий режим, всякая власть, даже самая скверная, находит *свою* интеллигенцию, которая делает ее дело. Меншиков был умный и талантливый интеллигент. Профессор Гредескул свою задачу выполняет усердно и, по-видимому, не без успеха, хотя пишет он похуже Меншикова. Без левой интеллигенции правители, не понимающие духа времени, обходиться могут довольно долго, и я бы не верил в будущее демократии в России, если бы не думал, что именно демократический режим всего легче и всего охотнее даст народу то, что ему необходимо: мир, землю и порядок. Но так как и мир, и землю, и порядок народ может получить не только от демократии, то грядущее все же достаточно темно.

У нас с первых дней революции много людей держало экзамен на Наполеона: до сих пор все проваливались неизменно и быстро. В интересах этих людей было ознакомиться с кладезем политической мудрости, который до нас донесла огромная наполеоновская литература. Самому лучшему генералу трудно быть умнее Наполеона. «Революция есть идея, нашедшая для себя штыки», говорил французский император. То же самое можно сказать и о «контрреволюции» — в лучшем смысле последнего слова. Глупая идея не найдет штыков. Штыки ждут хитрой идеи.

Здесь лежит великий соблазн для правителей; здесь скрывается и грозная опасность для всех нас, ибо не всякая хитрая идея будет нам приемлема и приятна.

Дав или хоть обещав народу то, что ему необходимо, его можно подвинуть и на добро, и на зло; быть может, на зло даже легче, чем на добро. С. И. Муравьев, один из лучших

русских людей, не сумел увлечь за собой крестьян в 1825 г. Атаман Махно это делает очень легко и просто. И не в том, конечно, разгадка, что крестьяне изменились за сто лет; на низах культуры календарь и теперь, к несчастью, показывает семнадцатый век. И уже, верно, дело не в гениальности Махно и даже не в том, что для народа Муравьев был барин, а нынешний украинский атаман свой брат: Махно — интеллигент или полуинтеллигент; главным же советником у него — вроде государственного канцлера — состоит, говорят, литератор-анархист Гроссман, человек, во всяком случае, вполне чуждый малороссийским крестьянам. Дело, очевидно в характере лозунгов.

В сказке Пушкина работник Балда служил за четверых скупому хозяину, питался вареной полбой и задушевно мечтал только об одном: как бы дать буржую-эксплуататору три щелчка по голове. Финал сказки известен: «С первого щелчка — прыгнул поп до потолка, со второго щелчка — лишился поп языка, а с третьего щелчка — вышибло ум у старика». Нечто подобное случается в периоды революций. За годы лишений, страданий, голода толпа очень охотно расплачивается щелчками — и притом с кем угодно, почти не разбирая. Большевики в России натравливают ее на буржуазию, спартакисты в Германии — на офицеров, адмирал Хорти в Венгрии — на евреев, Махно — с эклектизмом, делающим честь его уму — и на буржуазию, и на офицеров, и на евреев (по крайней мере, так он действовал еще недавно; Жакерия, по-видимому, тоже может или, по крайней мере, хочет эволюционировать). На щелчках можно, как показывают события наших дней, основать режим, длящийся месяцы, а то и годы. В результате очень плохо приходится хозяину; но и Балда остается даже без прежней вареной полбы.

ПИСАТЕЛИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Мудрый Спиноза учил не смеяться и не плакать, а размышлять над событиями жизни и наблюдать в них человеческую природу. Но когда с другом мудреца, добродетельным республиканцем де Виттом, случилась беда, которая иногда постигает народолюбцев — его

растерзал народ, — Спиноза в бешенстве и отчаянии хотел выйти на площадь и назвать «людей толпы» — «последними из негодяев». К счастью для философии, хозяин квартиры, где жил отшельник, чуть не силой помешел ему осуществить это бесполезное и небезопасное намеренье.

Не должно верить бесстрастию мудрых философов...

Гюстав Флобер был совершенно убежден в том, что ему удалось осуществить идеал абсолютно объективного искусства, просто и спокойно коллекционирующего человеческую глупость. Главным проявлением последней Флобер считал политику, и неизменно называл ее занятием, созданным для швейцаров. Однажды, вернувшись с литературного обеда в ресторане Маньи, где велись политические разговоры, Флобер возмущенно записал, что провел два часа в обществе пяти тупых консьержей. А консьержи эти, кстати сказать, были Теофиль Готье, Ренан, Сен-Бев и братья Гонкуры. Должно, однако, констатировать, что в оценке различных видов политики, Флобер проявлял некоторый субъективизм. Так, когда при нем заходила речь о всеобщем избирательном праве, которое он считал «позором человеческого разума», знаменитый романист приходил в состояние бешенства, нередко кончавшееся у него эпилептическим припадком. О том, как автору «Сентиментального воспитания» понравилась революция 1848 года, и говорить вряд ли нужно.

Не должно верить бесстрастию объективных художников...

Я взял, в качестве примера, философа и писателя, для которых бесстрастное отношение к жизни считается особенно характерным. Революции обладают особой способностью выводить людей — и в частности художников — из состояния «объективизма». Разумеется, и революции, и художники бывают разные — единой формулы здесь не установишь. Кое-что можно, однако, вынести за общие скобки.

Художникам и философам революции обыкновенно нравятся издали (в пространстве или, особенно, во времени). Одни восхищаются ею авансом, до момента ее наступления — таких довольно много. Другие восхищаются ею ретроспективно — таков был Гете. Несмотря на знамени-

тую свою фразу на поле битвы при Вальми («здесь сегодня начинается новая эпоха в истории человечества»), автор «Фауста» долгое время искренно ненавидел французскую революцию. Он боролся с нею с оружием в руках, писал на нее плохие памфлеты и был явным сторонником интервенции европейских монархов. Но гораздо позже, когда революция давно кончилась, Гете признал, что в ней было, в сущности, очень много хорошего.

И даже Шиллер, отнюдь не объективный писатель, энтузиаст свободы, гражданин французской республики, получивший это почетное звание от революционеров, которые, разумеется, в глаза не видали его произведений, но что-то слышали о немецком публицисте Жилле*, писавшем под девизом *in tyrannos* — даже Шиллер высказывал о революции резко отрицательные суждения — когда власть принадлежала революционерам.

В явлении, о котором выше шла речь, нет ничего удивительного. Революция почти всегда сопровождается таким страшным и отвратительным процессом частью сознательного, частью стихийного разрушения исторических, культурных и моральных ценностей, — не говоря уже о людях, — что трудно а priori предположить безоговорочное увлечение ее картинами в художнике, т. е. в человеке, обладающем от природы повышенной чувствительностью. Есть, правда, и исключения. Анатолий Франс, как мы недавно узнали, «принимает интегрально всю коммунистическую революцию». Но он принимает ее интегрально из Парижа. Дух его живет, правда, в Кремле, но тело неизменно остается на Вилле Саид... В этом отношении, как во многих других, революция приближается к войне. Большинство военных поэтов и художников-баталистов никогда не видело поля сражения. Мейссонье изучал войну на маневрах в Сен-Жермен. Морис Баррес — «белобилетчик». Жуковский, автор «Певца во стане русских воинов», был, по природе своей и по профессии, человек чрезвычайно штатский.

* В «Мониторе» 1792 г., где было напечатано постановление о даровании Шиллеру французского гражданства, он назван Жиллерсом; Ролан *исправил ошибку* в препроводительном письме и назвал автора «Разбойников» «славным германским публицистом Жиллем».

Достоевский, очень неудачно предсказывавший войны и иногда еще более неудачно к ним призывавший, ни в каком сражении никогда не участвовал. И сам Пушкин в ту пору, когда он так звукоподражательно описывал Полтавский бой, имел о битвах самое смутное и отдаленное представление. Напротив того, живописцы и писатели, участвовавшие в войнах или, по крайней мере, видевшие их вблизи (Стендаль, Лермонтов, Лев Толстой, Гаршин, Верещагин), были настроены иначе, — хотя некоторые из них порою и поддавались чарам той нелепой иррациональной красоты, которая в сценах войны все-таки есть, а в сценах революции почти отсутствует.

Таким образом, повторяю, нет ничего удивительного в том, что в писателях, видевших вблизи картины 1918-21г.г., очень сильны тенденции, «интегрально отвергающие революцию». За этим, однако, следует или, по крайней мере, должно следовать *но*, и даже очень большое *но*. Человечество живет нервами, наследственными инстинктами, бессознательными и полусознательными движениями души (не говоря о сознательных соображениях личного интереса). Тем не менее, голову никак не следует считать совершенно бесполезным органом в человеческом теле. И если последнее семилетие сильно притупило во всех нас способность более или менее беспристрастного логического анализа, то рано или поздно эта способность к нам, вероятно, вернется. Мы тогда, быть может, придем к мысли, что отвергать революцию *en bloc* так же нелепо, как принимать ее *en bloc*. Ибо в революциях, кроме стихийных процессов, есть еще и некоторые «нормы». И между этими нормами надо будет сделать известный выбор.

Такой выбор сделал на старости лет Гете, который сам признал, что антиреволюционные произведения 90-х годов ничего не прибавили к его славе. Гете пришел к заключению — теперь это довольно банальная мысль, содержащая в себе и некоторое преувеличение, — будто во всякой революции всегда виновато только правительство, а народ никогда и ни в чем не виноват. Гете признал, кроме того — и это главное, — что над революцией надо проделать некоторую

логическую операцию разложения, сводящуюся к отделению чистого золота от грязной руды. К таким же мыслям пришел в конце концов и Шиллер, по крайней мере, если считать «Вильгельм Телль» его последним словом.

Можно с некоторым правом утверждать, что к сходным взглядам начинают приходиться теперь — справа и слева — виднейшие представители западноевропейской мысли. Период одурелого восторга перед «интегральной русской революцией», кажется, понемногу проходит. Он прошел у Ресселя, прошел у Шарля Рише. Проходит, по-видимому, и у Ром. Роллана. По крайней мере, есть на это намеки в его последнем романе «Клерамбо», хотя там Ленин и называется почему-то «гениальным дровосеком». Может быть, Ром. Роллан скоро признает, что дровосеки вообще не слишком нужны современной европейской культуре: сеять бы не мешало, а рубить почти нечего: и так мало осталось невырубленного — от раздолья 1914 г.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

На старой улице Denfert-Rochereau по правой стороне — если идти от всем известного памятника, поставленного на том месте, где *не был* расстрелян маршал Ней, — тянется вековой сад. Он расположен на границе обоих полушарий, ибо мимо него, через купол Обсерватории, проходит парижский меридиан, рассекающий мир на две части. Улица Denfert-Rochereau прежде называлась улицей Ада, rue d'Enfer, по той причине, что при Роберте II на ней обосновались черти, по ночам производившие адский шум. Черти давно съехали — не то на Брокен, не то на Лысую Гору — и сто лет назад их квартал был чуть ли не самым тихим в Париже. В ту пору здесь поселился Шатобриан, которого все мы еще недавно почитали одним из величайших стилистов Франции: все брэнно, — на днях компетентный человек, Анатоль Франс, заявил, что Шатобриан, как и Стендаль, писал скверно, — и этим заявлением вызвал большой скандал в кругах французских *lettrés*. Но в 20-х годах XIX века великолепный виконт находился на вершине славы. Настроен он был, однако, крайне мрачно. Все его обидели. Революция заставила его эмигрировать; Наполеон воротил

его, но не вознаградил; Людовик XVIII вознаградил, но недостаточно; Карл X предложил ему портфель народного просвещения, а старику хотелось быть министром иностранных дел. Госпожа Шатобриан ему надоела; госпоже Рекамье он надоел. Критика им, правда, восторгалась, но она не менее восторгалась другими, — каким-то мальчишкой Виктором Гюго. Вдобавок у автора «Мучеников» не было денег — *douleur populaire*, говорил об этом горе Рабле, — и он, по собственному трагическому выражению, «заложил свою могилу», иными словами, продал посмертное издание своих сочинений. Здесь, на *rue d'Enfer*, Шатобриан писал «*Mémoires d'Outre-tombe*»; отчаянно защищался от врагов, которые на него не нападали, и яростно изобличал людей, которые ни в чем не были виноваты. В этой книге, вряд ли не лучшей из всего им написанного, разочарованный старик сжег все, чему поклонялся, — и не поклонился ничему из того, что сжигал: угрюмо простился с монархией — и вперед плюнул на демократию.

Счастливым обладателем части исторического сада, в котором была написана знаменитая книга, является ныне проф. В. А. Анри, гостеприимно приютивший у себя редакцию демократического журнала «Грядущая Россия» (журнал этот бренностью превзошел славу Шатобриана: он не продержался и ста лет). Автор «Загробных мемуаров», вероятно, не предвидел возможности такого надругательства над своим убежищем. В Бурбонах он разочаровался, но в Романовых, кажется, верил твердо: Александр I за ним ухаживал и наградил его орденом Андрея Первозванного... Надо думать, что самое сочетание идеи демократии с грядущей Россией вряд ли бы понравилось старику.

Против калитки, выводящей меня из сада Шатобриана, открывается вход в катакомбы Парижа. Это самое зловещее кладбище в мире — складочное место всех других кладбищ, которые во французской столице перегружены еще больше, чем меблированные квартиры. Со времен древнего Рима сюда свозят телегами безымянные кости давно забытых людей... Баррас доказывает в своих «Мемуарах» — ему и книги в руки, — будто в той могиле, которая считается могилой Людовика XVI и над которой французские

роялисты и теперь ежегодно служат мессу в день казни короля, в действительности похоронен Робеспьер. Это возможно. Все возможно. Но еще вероятнее то, что и Робеспьер, и Людовик рядом свалены здесь, в каком-нибудь углу бесконечных парижских катакомб.

Над катакомбами тоже много интересного. В этом необыкновенном городе чуть не каждый угол так или иначе принадлежит истории. «Много могли бы рассказать эти стены», — говорят в подобных случаях судебные хроникеры. Но стены рассказывать не желают. Вместо них рассказывают книги. Прошлое камней Парижа изучили толком четыре человека: Викторьен Сарду, маркиз де Рошгюд, Жорж Кэн и Ленотр. А я, хоть пятнадцать лет по указке ученых людей произвожу набеги на старые кварталы мировой столицы, не знаю десятой доли их загадочных, романтических и большей частью кровавых летописей.

Зато я знаю — частью по воспоминаниям, частью по расспросам — и такие углы Парижа, о которых ничего не прочтешь ни у Кэна, ни у Рошгюда, ни у Ленотра и которые, пожалуй, тоже принадлежат теперь истории.

Если б стены одного из домов на улице Baillou, расположенной в квартале катакомб, пожелали разговариваться, то мы бы услышали, что лет десять тому назад в них помещалось странное учреждение. Оно называлось школой. В нем жило шесть или семь русских. Они назывались рабочими. Но назывались они так больше для красоты слога. На самом деле люди эти нигде не работали и скорее всего жили здесь именно для того, чтобы не работать: их содержали и кормили бесплатно. Я в ту пору мало интересовался указанным учреждением; но и тогда мне нередко приходилось слышать юмористические рассказы о нравах его обитателей и о том, что в нем происходило.

Раз или два в неделю в эту школу являлся невысокий, лысый, рыжебровый человек и, грассируя, как камер-юнкер, равнодушно читал шести невежественным, часто пьяненьким слушателям лекции странного свойства. Профессор подробно объяснял, что он будет делать с землею, с заводами, с богатством России, когда станет ее хозяином. Говорил также — эту мысль он изложил в ту пору и письменно, — что

с обладателями земель и заводов, в первую очередь с царем и дворянством, ему придется расправиться беспощадно и что такая расправа называется террором. Говорил еще, что одной России ему мало и что он намерен по своему переделать все пять частей света. Из слушателей те, что поумнее и потрезвее, усмехались, другие хлопали глазами. Если же кто решался *для форсу* возражать, то равнодушный профессор внезапно приходил в ярость и выживал вольнодумца из школы. Поговорив с час, он уходил в свою конуру на улице Marie-Rose в доме номер 4. Настоящее имя этого Фердинанда VII Поприщина было известно немногим. Звался он в разную пору различно: товарищ Карпов, товарищ Ильин, товарищ Тулин. Теперь он имеет в мире некоторую известность под именем товарища Ленина.

По пути с rue d'Epfer в Пасси трудно ответить на вопрос, каким образом могло случиться, что на три года стал действительностью страшный сон кровавого безумца, посланного миру в наказание за его грехи. Много книг будет об этом написано в ближайшее тысячелетие... «Жизнь есть сон» — для этой темы я встречаю по дороге немало иллюстраций.

Вот на большом бульваре, в той самой уютной квартирке, где, не зная об ужасном своем предшественнике, живет очаровательная молодая чета, непростительно счастливая на развалинах залитого кровью мира, Азеф производил деловитый подсчет: сколько террористов нужно выдать для виселицы департаменту полиции и сколько высоких особ — подвести под бомбы революционеров, чтобы ни с той, ни с другой стороны не быть заподозренным в двойной игре...

Прославленный реакционный премьер, у которого состоял на службе Азеф, давно почил последним сном рядом с могилами Искры и Кочубея. За ним в свое время долго охотился знаменитый террорист, Печорин русской революции. Не так давно я имел случай видеть, как с этим человеком оживленно беседовал близкий друг, сотрудник и родственник погибшего министра-президента. Уменье забывать *личное* в дни национального бедствия делает честь людям. Но — жизнь есть сон...

Убил премьера, впрочем, не этот террорист. Его убил загадочный человек, киевский адвокат и тайный агент Охраны, вивер по образу жизни и Мефистофель в душе. С ним я играл в винт в то время, когда оба мы кончали гимназию. Вести же следствие по его делу, т. е. попросту его вешать, приезжал мой гимназический товарищ, сделавший блестящую служебную карьеру: в 1911 г. он был фактическим главой Департамента Полиции, — «довольно счастлив я в товарищах моих». Когда по литературному делу был присужден к году крепости известный историк, сотрудник «Русского Богатства» и «Вестника Европы», почему-то желавший отбывать наказание в Двинской крепости (это было возможно лишь при сильной протекции), старое киевское знакомство было пущено в ход и Департамент любезно оказал историку услугу. Узник Двинской крепости впоследствии стал самостийным министром при самостийном гетмане и в качестве главы украинского правительства принимал просителей в том самом кабинете генерал-губернаторского дома, в котором Столыпин в роковой для него день читал донесения Богрова о Елене Ивановне, приехавшей убить царя. Никакой Елены Ивановны в действительности не существовало; но Николай II легко мог быть убит в вечер 1 сентября 1911 года. Об этом две правые газеты — одна киевская, другая столичная — на следующий день после выстрела в городском театре поместили громовые статьи: Страшно подумать! — писали они возмущенно. — Что, если бы убийца направил свой пистолет не на кресло номер 5, а на боковую литерную ложу!.. Шестью годами позднее редактор одной из этих газет счел нужным лично преподнести манифест об отречении всеми покинутому царю, а редактор другой по указанному случаю радостно восклицал: «И давно пора!» Теперь оба редактора руководят монархическим движением на юге России. Странные у нас монархисты...

В стороне от моей дороги и от моего рассказа остаются исторический дворец герцогини д'Эстре, занятый русским посольством, старинный отель графов д'Опуль, с разрушающимися барельефами во дворе, в котором помещается редакция «Последних Новостей»... Вот Пасси. Теперь это

русский квартал. Но у него нет *русской* истории. Когда-то здесь жили в своем замке свирепые маркизы Булэнвилле. На том месте, где было их владение, теперь проживает С. Л. Поляков. А на rue Vineuse, где у грозных феодалов круглый год стояла виселица, Н. Д. Авксентьев и его товарищи готовят первую книгу журнала «Современные Записки». К замку сеньоров Пасси шла улица, которая так и называлась: Rue qui conduit à la Seigneurie — название, бесспорно, неудобное для телеграфных адресов, — нынешняя rue Raynouard. В восьмидесятых годах XVIII века на ней поселился святой отшельник, духовник Марии-Антуанеты, целый день и целую ночь точивший слезы о грехах мира сего. Там, где стояло прежде его убогое жилище, теперь живет А. Н. Толстой, тоже сокрушающийся о мирских грехах, но не целый день и не целую ночь. А что было когда-то на возвышенной rue du Dôme, на которой новенькое здание вмещает Русское Общество Лиги Наций и много других полезных учреждений, этого я и рассказывать не желаю.

В ОТЕЛЕ НА УЛИЦЕ ПУАТЬЕ

Газеты совершенно напрасно отнесли к Латинскому Кварталу небольшую тихую улицу, на которой заседало совещание членов Всероссийского Учредительного Собрания. Ибо если есть во французской столице уголок, ни в каком отношении не похожий на Латинский Квартал и не имеющий с ним ровно ничего общего, то это именно rue de Poitiers, расположенная в центре аристократического Сен-Жерменского предместья, вотчина Бельзенсов, Валентинуа, Вильянев-Баржемонов и других семей родовой французской знати.

Старинный дом, в котором совещались члены Учредительного Собрания, имеет длинную и любопытную историю. Это здание составляло часть знаменитого отеля Данжо, величественный фасад которого, выходящий на rue de Lille (№ 67), по возрасту старше не только Таврического Дворца, но и Петербурга вообще.

В своем огромном труде о старом Париже Рошгюд, как и другие исследователи, кратко упоминает, что отель Данжо

был в 1792 г. резиденцией Гильот де Мандата. У людей, знакомых с историей Великой Революции, эти несколько слов немедленно вызывают в памяти очень мрачную драму, разыгравшуюся 10 августа 1792 г., в последний день существования тысячелетней французской монархии.

Маркиз Гильот де Мандат командовал в ту пору парижской национальной гвардией. Он был роялист — и притом роялист не новейшего, Шульгинского, образца. Он понимал, что слабый Людовик XVI и его энергичная супруга-немка губят безнадежно скомпрометированную династию Бурбонов, но тем не менее не считал удобным подносить своему монарху для подписи манифест об отречении от престола. В августе 1792 года, после появления манифеста герцога Брауншвейгского, когда всем стало ясно, что тяжба революции с монархией приближается к развязке, старый маркиз стянул ко дворцу все надежные воинские части и обнаружил самое недвусмысленное намерение защищать короля и королеву до последней крайности. Бывают разные монархисты.

Бывают и разные революционеры. Когда мне было 18 лет и я знал, как водится, из Французской Революции присягу в *Jeu de Raime*, взятие Бастилии и «Скажите вашему господину», я ни за что не допустил бы мысли, что виднейшими действующими лицами в этой великой исторической трагедии могли быть люди слабые, ничтожные или бесчестные. Теперь я эту мысль допускаю. Бывают, повторяю, разные революционеры. И если Дантон и Робеспьер явно и смело стремились в 1792 г. к республиканскому перевороту, то непосредственный начальник маркиза Мандата, мэр Парижа Петийон еще не разобрался в своих мыслях и никак не мог последовать завету древней мудрости — «познай самого себя». Такие революционеры попадались и у нас. Людям, не знающим, чего они хотят, обыкновенно не везет в политике — и Петийон плохо кончил: не то сам убил себя, скрываясь в лесу от эшафота, не то его съели волки. Но тогда, летом 1792 г., он был самым популярным человеком во Франции. Его именем называли новорожденных детей: один публицист прямо писал, что Христос не мог бы быть лучшим мэром в Иерусалиме, чем Петийон в Париже, —

некоторые из органов печати того времени не уступали «Правде» по тонкости мысли. Неоднократно сравнивали Петиона и с Аристидом, и с Сократом. Теперь историки склонны думать, что Петион был просто дурак. Вдобавок, он на свою беду обладал красивой наружностью, считал себя неотразимым покорителем женских сердец, и в частности был совершенно убежден в том, что произвел сильнейшее впечатление на принцессу Елизавету. Это обстоятельство, разумеется, представляло собой серьезный довод в пользу сохранения во Франции монархического образа правления. Но с другой стороны Петион тогда находился в самых приятельских отношениях с крайними республиканцами и был даже, вместе с Бриссо, шафером прелестной Люсиль, на ее свадьбе с Камиллом Демуленом. Шафером Камилла был Робеспьер. Если бы на эту свадебную церемонию пришла, как в сказке, злая волшебница, то она могла бы предсказать много интересного участникам веселого торжества: они, например, узнали бы, что всего через четыре года после свадьбы, по воле шафера жениха, погибнут страшной смертью и жених, и невеста, и оба шафера невесты, и большая часть гостей... Но волшебница на свадьбу не пришла и ничего этого Петион не знал. Если бы в революциях все можно было знать во время, то и мы жили бы теперь в Петербурге... Одним словом Петион находился летом 1792 г. в очень затруднительном положении. И вот, однажды, в минуту веры в монархический образ правления, он сгоряча отдал Мандату приказ защищать особу короля от нападения толпы всей силой оружия.

Это был чрезвычайно неприятный и компрометирующий приказ, тем более, что уже в первых числах августа Петион стал верить в республиканский образ правления. Таким образом для него, да и для многих других, Мандат оказывался вдвойне опасным человеком — и как энергичный контрреволюционер, и как весьма неудобный свидетель. В ночь на 10-ое августа маркиз был вызван в Думу, — впрочем, не Петионом, который совершенно потерял голову. Мандат как будто предчувствовал, что ему в Думу лучше не ходить, и спросил совета у Редерера. Редерер, человек покладистый, был последовательно роялистом, якобинцем, бонапартист-

том и опять роялистом. Он любезно дал совет Мандату, — отчего бы и не сходить в Думу. Мандат пошел — и не вернулся. Произошла вспышка народного негодования; маркиза убили на улице и бросили в Сену. Смерть его парализовала контрреволюцию. На следующий день Тюльерийский дворец был взят толпой, а король отведен в Собрание, откуда последовал в тюрьму, потом на суд и на эшафот. Случайно проходивший мимо дворца в день 10-го августа бледный артиллерийский офицер, остановившийся у дверей мебельной лавки Фовле, с презрением смотрел своими страшными серыми глазами на это зрелище бесславно погибающей монархии, и думал, что на месте Людовика XVI, он сумел бы за себя постоять. Я, разумеется, никак не мог бы знать, что думал 10 августа 1792 г. прохожий артиллерийский офицер, но он сам рассказал впоследствии эту сцену. Этот офицер, погруженный тогда в тяжелые материальные заботы — у него были долги, а жалованья он получал 4½ франка в день, — был артиллерийский поручик, Наполеон де Буонапарте. Впрочем, он нисколько не сожалел о взятии Тюльерийского дворца: «Революция, — говорил он в ту пору своему приятелю Лабарьеру, — настоящий клад для военного человека, у которого есть голова на плечах».

О Мандате все забыли на следующий же день после его кончины. В исторической лотерее славы на долю маркиза выпал безвыигрышный билет. Тем не менее, если бы я хотел предложить читателям новогодний рассказ, то непременно описал бы, как тень старого роялиста бродит по его владениям, угрюмо поглядывая на забравшихся туда русских демократов и с явным неодобрением слушая споры о татарском вопросе.

Новогоднего рассказа я не написал, но на новогоднем банкете, присходившем в старинном отеле на улице Пуатье, я сообщил о жильце 1792 г. Н. В. Чайковскому, Л. М. Брамсону и Н. Д. Авксентьеву, горько пожалев о том, что Инициативная Группа избрала для заседания членов Всероссийского Учредительного Собрания явно контрреволюционный по своему прошлому отель. Н. Д. Авксен-

тьев упомянул о прежнем хозяине дома в своей заключительной речи, причем пожелал всем участникам банкета кончить лучше, нежели маркиз де Мандат. Всецело присоединяюсь к этому пожеланию, не принимая, однако, на себя никакого ручательства: и нам, вероятно, много интересного могла бы предсказать злая волшебница. Нравоучительная поговорка — «от сумы и тюрьмы не отказывайся» — теперь русским людям совершенно не нужна: мы уж давно не отказываемся. Жизнь достаточно нас удивляла, больше не удивит ничто : ни тюрьма, ни сума, ни «топор разбойника презренный», ни вспышка народного негодования. Шутки судьбы, умные и глупые, нам хорошо известны во всех видах. Мирабо когда-то потряс Францию своим трагическим восклицанием: «Я знал, что от Капитолия до Тарпейской скалы только один шаг!». Нас бы, вероятно, это восклицание нисколько не потрясло. За столом новогоднего банкета в отеле на улице Пуатье молча, устало сидел человек, который, не достигнув пятого десятка, познал в жизни и большую популярность, и большую ненависть, чем граф Мирабо. Каким еще шуткам судьбы мог бы удивиться этот Тимон Афинский русской революции?

Но если «история — нелепая сказка, рассказанная дураком», как утверждал гениальный автор «Тимона Афинского», то ведь верно и то, что у разных глав этой нескончаемой сказки может быть разный конец. Не исключается и счастливый финал, в роде *happy end* классической английской повести. Н. Д. Аквсентьев, закрывая банкет, выразил надежду на близость подобного финала: «В будущем году — в Москве», — сказал он. Председатель закрывшегося Сопещания — прекрасный оратор и ему удалось создать в зале настроение: наступила минута молчания. Слово уж очень большое и звучит оно так, как песня средневековых пилигриммов:

Urbs coelestis, urbs beata,
Supra petram collocata,
Urbs in portu satis,tuto,

De longinquo te saluto,
Te saluto, te suspiro,
Te affecto, te requiro...*

Я не думаю, чтобы мы оказались в 1921 г. в Москве. Вряд ли думают так и ораторы-оптимисты, выступавшие на банкете. Н. Д. Авксентьев просил не говорить на новогодней встрече политических речей. Ему дружно аплодировали. Особенно горячо аплодировал Л. М. Брамсон, который затем встал и произнес большую — очень хорошую — политическую речь. То же самое сделал П. Н. Милюков, весьма справедливо объяснивший — как, пожалуй, можно, и как, наверное, нельзя попасть в Москву. Затем, один из ораторов эсэров заявил, что не боится сидеть за общим столом с лидером кадетов, — и вызвал своей храбростью общий шумный восторг. Мужество заразительно: другой оратор эсэр произнес, странно сказать, слово «коалиция» — и при этом не поперхнулся, — быть может, вспомнил, что А. Ф. Керенский был в одном кабинете с А. И. Гучковым.

Генералу Деникину приписывали в свое время следующую фразу: «Я не пойду ни налево, ни направо, а прямо в Москву». Фраза остроумная, но политического смысла она не имела. Весь вопрос был именно в том, как надо идти в Москву: направо или налево. Русские люди решают этот вопрос эмпирически. Пробовали направо — в Москву не пришли. Путь налево, конечно, вернее. Но во всяком случае надо, надо найти общий и верный путь: отнюдь не все дороги ведут в далекий Рим.

* С латинского: Город небесный, город прекрасный,
На холмах стоящий,
Город в месте безопасном.

Из далеких краев тебя приветствуем,
Тебя приветствуем, тобою вдохновляемся,
Тебя любим, к тебе стремимся.

ТВОРЧЕСТВО — ЭТО СГОРАНИЕ ИЗБЫТКА СИЛ

От редакции: В феврале 1988 г. в Киеве, на заседании клуба «Спадщина» (Наследие) сделал доклад «Украинская культура как целое» известный литературовед Иван Дзюба. На этот доклад откликнулся в своем выступлении литературный критик, эссеист, в прошлом политзаключенный Евген Сверстюк. По-украински доклад Сверстюка был опубликован в самиздатском журнале «Кафедра» № 2 (Львов, 1988). Русский перевод текста этого выступления публикуется впервые.

Приятно и немного необычно, что наш разговор об украинской культуре и ее проблемах начинается докладом человека, действительно принадлежащего украинской культуре.

Нужно признать, что в рамках мифа о Сизифе наш камень, который мы катили в гору в годы оттепели и просветлений, упал с грохотом и увяз в земле. Ныне вновь ходят вокруг него соболезнающие, говорят банальности о том, что наши предки были сильными, что о них слышал мир, и сетуют на наше убожество. Чиновники от культуры тоже вроде бы зашевелились и пробуют пальцем тот пресловутый камень...

Но прежде всего нужно вспомнить старую азбучную истину, что начиналась культура со служения культу Бога, служения самоотверженного, жертвенного. Что первые создания культуры — это культовые произведения. Что нашей земли украшением до сих пор стоят культовые сооружения в честь святых, наши церкви и соборы до сих пор являют собой наши наивысшие порывы к небу. Это только архитектура — застывшая музыка в дереве и камне. Если взять музыку, литературу — тут картина более сложная. Но кто же были украинские великие композиторы — Березовский, Бортнянский, Ведель — кто, как не творцы церковной музыки? Бах, конечно, создатель духовной музыки, органист собора, кантор собора Фомы. Бетховен — гений иной музыки, которая отделилась, образовалась в мире секуляри-

зованной культуры, но сошлись и горели они перед одним и тем же алтарем, который означал Абсолют.

Сковорода создавал свой «Сад Божественных песен» и непосредственно закладывал в основу песни зерна Божественной мудрости, взятые из Библии. Но разве наш величайший гений не начинал своих лучших произведений эпиграфом из Святого Писания («Сон», «Кавказ», «Послание», «Великий льох»). Разве великий Гоголь не говорил, что любая его работа начинается с молитвы, а также и сохраняет в себе дух молитвы?...

Но вернемся к нашему камню. Кто может его поднимать вновь? «Что даст нам силу?» — спрашивала Леся Украинка и отвечала: «Крест». Необходимо обновить человека. Воссоздать цельность личности, которая несет в себе Дух. Животворящий Дух.

Необходимо вновь открыть утраченное русло нашей традиции, ибо это русло нашей родной... Единой реки.

Необходимо возродить внутреннюю свободу как непрерывное условие творчества, эта внутренняя свобода предстанет перед Абсолютом, — даже если это заря. («Я молюсь на зарю» — Лермонтов.)

Мы часто забываем наконец, что творчество — это сгорание избытка сил. Жалкие потуги гореть не дают того огня, что дают вспышки щедрой юности, временами дерзкой до самозабвения. Не забудем, что первичные ценности — великие, дарованные нам, как воздух и солнце, даются через великое наследие, чувство которого подсознательно носим мы в себе и проносим сквозь катастрофы. Часто оно пробивается стоном:

Але що я можу зробити,
Як в мені багато мене

(Л. Костенко)

Во время тяжкого отлива наших сил и очередной рубки леса — у нас остаются живыми только корни. Когда на казенном Олимпе наводится наконец полный порядок — где-то в селе Богдановка удивительная женщина из колхоза Билокур Катерина продолжает порождать дивные миры, а изумительная женщина из села Болотня, что недалеко от Чернобыля, создает невиданные чудо-цветы, чудо-птиц,

чудо-зверей... А глухой Никифор из Криницы рисует свой прамир...

Когда-то мне непременно надо было послать что-нибудь одной замечательной женщине из Лондона — Кэтлин Тэрнер, которая присылала мне от ПЕН-клуба разные книжки. Легче всего было бы выслать буклет открыток с репродукциями Бородина или Пащенко с надписью «Вот так и живем». Но мне нужно было послать такое, чтобы интеллигентная англичанка отличила и почувствовала наше украинское лицо. Слава Богу, спасла Мария Примаченко: она вызвала там живой интерес к земле, которая творит такую сказку. Что ни говорите, есть что-то родниковое в этой сказке, что вечно обновляется!

Не забудем, что эти сельские женщины несут в себе давний свет культуры, настоящей, целостной... Вот выйдут публикации писем Катерины Билокур — увидим, как органично унаследовала она наши ценности, наши идеалы Истины, Добра, Красоты. Как была верна им...

На смену образованному чиновнику от культуры должен прийти в культуру живой человек, с живыми идеалами и соответствующим потенциалом творческих сил, чтобы поднять эти идеалы и стоять к ним лицом. Это ему завещал Шевченко, а за ним и Франко (в статье «На роковини Шевченка»):

Молітьє Богові одному,
Молітьє правді на землі,
А більше на землі нікому
Не поклонітьє!

Вот почему мы всегда можем взять строку украинской классики, заранее зная, что она обеспечена совестью и не зависит от погоды вокруг, от конъюнктуры времени...

Хочу обратить внимание на одно условие, без которого в украинскую культуру не входили. Это принцип БЕСКО-РЫСТНОСТИ. Тот высокий принцип, который Кант кладет в основу долга, в основу этического и в основу эстетического. Все великое, что создано у нас, на нашей разграбленной земле, с нашим бездорожьем, с нашим раздорожьем — все создано мощными вспышками идеализма. Откуда брались

те люди? Куда они девались, часто не оставляя даже своих имен? В случаях нам известных эта бескорыстность чаще всего была совершенно в кантовском духе — не только не совпадала, но часто шла и против собственных личных интересов...

Как ни запутан был в сетях времени Довженко, но факт, что он, по выражению Берии, пожалел несколько метров пленки на вождя — это подтверждение того, что он до конца был верен своему идеализму, а его самого держали в черном теле. А в своем дневнике он дерзко спорил с вождем: какой вы ни великий, но я больше вас, ибо я с моим народом...

Все-таки из наших корней вырастает много способных нести в себе Дух Свободы и идти дорогой самоотверженности во имя великого самоутверждения.

И, разумеется, всем, кто отважился выбрать дорогу к звездам сквозь тернии, нужно ясно представлять себе судьбу Шевченковского Перебенди:

Один він між ними, як сонце високе.
Його знають люди, бо носить земля;
А якби почули, що він, одинокий,
Співа на могилі, з морем розмовля, —
На Божеє слово вони б насміялись,
Дурним би назвали, од себе б прогнали.

Только легкие на подъем, не отягощенные миром вещей: не отяжелевшие на тучных пастбищах мира сего, только чистые сердцем могут порываться к далеким вершинам, где всечеловеческие идеалы сияют — к высотам, что открываются обреченным светить и вдохновлять других.

Отар Иоселиани

«И СТАЛ СВЕТ»

От редакции: Известный грузинский кинорежиссер Отар Иоселиани, автор получивших международное признание фильмов «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль», «Фавориты луны», поставил недавно новую картину «И стал свет». В сентябре 1989 г. этот фильм получил специальную премию на кинофестивале в Венеции. В июле об этом фильме беседовала в Париже с Отаром Иоселиани Фатима Салказанова.

Салказанова. «И стал свет». Этот фильм привел меня в восторг. Он снят в Африке, точнее, на юге Сенегала, а еще точнее, в районе Казаманс. Снят на языке дуала.

В фильме как бы переплетаются несколько сюжетов. В африканской деревне женщина, забрав всех своих детей, уходит от мужа, потому что он лентяй. Уходит к другому, потом бросает и этого. Собирается деревенская сходка. Женщины отдельно, мужчины отдельно. И подробно все обсудив, деревня решает дать разрешение второму мужу идти искать свою ушедшую жену. Он идет через деревни и города, доходит до соседнего африканского государства, первый раз в жизни получает удостоверение личности, переходит границу и находит свою жену. Он возвращается с ней в свою деревню. Но деревни уже нет на месте. Ее жители были вынуждены уйти, переселиться в другое место, потому что рядом лесоповал, шум экскаваторов, тракторов и электропил. Гибнет природа страны, рушится устоявшийся уклад жизни. В брошенной деревне возникает пожар, горят опустевшие хижины.

В фильме поставлена масса проблем: и экологические, и семейно-бытовые, и даже (с интеллигентным легким юмором, с улыбкой) политические проблемы, как мне кажется.

Я не специалист по технике киносъемки, поэтому рассуждаю просто как человек, любящий кино, и могу

сказать, что этот последний фильм Отара Иоселиани произвел на меня такое ошеломляющее впечатление потому, наверное, что он совершенен и в техническом отношении. Отар, в Вашем фильме «И стал свет» меня — человека, знающего о сложности межнациональных отношений в Советском Союзе, проблемы взаимоотношения представителей разных народов друг с другом, их отношения к африканцам, к азиатам, — поразило с какой нежностью, с каким пониманием, с какой добротой Вы рассказываете о жизни и нравах африканской деревни. Но почему этот фильм об Африке? И почему он снят в Африке?

Иоселиани. Дело в том, что я столкнулся со многими африканцами и меня стало раздражать с некоторого времени устоявшееся мнение (даже у тех людей, которые считают, что они не расисты), что все-таки африканцы — это не совсем рядом с нами стоящие люди, не совсем на нашем уровне, не совсем такие, как мы.

Салказанова. Не только отличные от нас, но еще и ниже нас?

Иоселиани. Ниже. Это чувствуют очень сильно и те африканцы, что приехали в Советский Союз, несмотря на всю болтовню насчет того, что они наши братья и что они такие симпатичные, несмотря на все университеты Лумумбы и прочие организмы, которые как бы призваны помогать африканцам войти в свет, несмотря на всё это, есть какое-то внутреннее презрение у белых людей к африканцам. А с другой стороны, меня потрясли фотографии, сделанные великолепными фотографами, где лица африканцев удивительно серьезные, удивительно сосредоточенные, где взгляд у людей внимательный и перед их взглядом как бы течет какая-то странная жизнь — жизнь белых людей. И они находятся в неподвижности. Вот, все это мне показалось чрезвычайно любопытным, и я подумал, что хорошо бы снять фильм в Африке, сделав его как басню. Я очень долго изучал все, что они сумели записать на бумаге: сказки, притчи, истории, легенды и прочее. И я пришел к выводу, что во всем этом есть какой-то глубокий смысл, который можно было бы использовать в кинематографе. Вот я и отправился в

Африку. Кроме всего прочего, я Вам скажу прямо: мне немножко надоело снимать белых людей — чисто в фактурном смысле. И так попал я в Африку, в деревню, которая в отличие от многих других деревень (а я много поездил по Африке, чтобы выбрать место, где буду снимать) оказалась на редкость изысканной, культурно очень глубокой. Там живут люди, которые знают свыше тысячи песен — по любому поводу жизни, которые воспитывают детей в старых традициях, в уважении к родителям, в чувстве локтя, в чувстве братства, и это удивительно...

Салказанова. Возможно, у них те же черты, что и у грузинского народа?

Иоселиани. Да, наверное, мне в этом повезло. Мы, например, оставляли все на съемочной площадке, всю нашу аппаратуру, которая стоит очень дорого. Вначале мы ее сторожили, потому что боялись, что что-то пропадет, а потом, когда мы через неделю познакомились поближе с населением этой деревни, то мы поняли, что сторожить не нужно. И ни один гвоздик не пропал, хотя деревня была эта приблизительно в 1800 человек.

Салказанова. Отар, я хорошо знаю Африку, и я знаю, насколько сложные, иерархически сложные отношения бывают в деревнях. Кто Вам дал разрешение на съемки в этой деревне? С кем Вы обсуждали вопрос о съемках? Со стариками?

Иоселиани. У них есть Совет старейшины есть вождь. Вождь — это, приблизительно, как старейшина в грузинских деревнях, скажем так. И все обсуждается на общей сходке, все вопросы, Но один раз решив какой-то вопрос, они уже больше к нему не возвращаются.

Салказанова. Но долго ли решался вопрос, дать Вам разрешение на съемки или нет?

Иоселиани. Два дня. Два дня они обсуждали это дело. Мы поехали с моим ассистентом и с директором производства, эти два человека — мои близкие товарищи. И группу мы набрали себе такую, что не было ни одного

мерзавца в ней. Потому что достаточно в такой ситуации допустить какую-либо ошибку или грубость, и всё — к вам повернутся спиной и больше вас видеть никто не захочет.

Салказанова. Съёмочная группа была из французов?

Иоселиани. Да, французская.

Салказанова. Отар, в Вашем фильме есть замечательные эпизоды о колдовстве. И такое впечатление, что Вы не только полюбили эту африканскую деревню, но и поверили во все ее легенды. Вот я помню эпизод, где колдун просят вызвать дождь. Он поливает водой статуэточку бога и начинает лить ливень. Потом от женщины уходят родственники. Она им в след дует. И подымается страшный ветер, настоящая буря. И мне бы хотелось знать, что это? Просто еще одно проявление уважения к народным повериям чужого народа, или же Вы сами верите в чудеса или в возможность чудес? Есть у Вас в фильме эпизод с отрезанной головой, которую пришивают, и человек оживает. Что это?

Иоселиани. Ну, во-первых, я немножко во все это верю и потом, так как я занимаюсь кинематографом, то очень приятно себе позволить делать чудеса.

Салказанова. В каждой африканской деревне бывает колдун и волшебник. Один лечит людей или вызывает дождь в засуху, а другой, наоборот, делает только черные дела.

Иоселиани. Другой опасен.

Салказанова. Вы сами были свидетелем каких-нибудь необъяснимых вещей в этой деревне?

Иоселиани. Да, да. Я думаю: важно, что они очень верят в это. Они верят в силу магии. И потому посыл колдуна всегда воспринимается как неизбежность и всегда осуществляется. Нам понадобился однажды дождь и нам сделали дождь.

Салказанова. Отар, я довольно хорошо знаю Африку. Я была в шести-семи африканских странах. Ваш фильм — очень африканский фильм и в то же время в нем постоянно присутствуют грузинские мотивы. Иногда они выражены

даже совершенно конкретно, не намеком, а конкретным фактом. Один из героев Вашего фильма в поисках ушедшей от него жены переходит границу и попадает в страну, где на африканских детях красные галстуки и они присутствуют на собрании, а над трибуной транспарант с надписью на грузинском языке. Что-то вроде такого: «Вас ожидает светлое будущее!» Почему в африканском фильме грузинские мотивы, грузинские плакаты, и какой смысл Вы вложили в этот эпизод с плакатом «Вас ожидает светлое будущее!»

Иоселиани. Всех нас ожидает очень светлое будущее, как известно. Дело в том, что всякий фильм — это все-таки немножко сказка, поэтому лучше делать все время то, что знаешь хорошо. Мои фильмы внешне выглядят как французские или африканские, но это грузинские картины. Я снимаю все то, что хорошо знаю, и проблемы, которые я пытаюсь представить на рассмотрение зрителя, они относятся к кругу тех проблем, которые привлекают мое внимание на основе опыта всей моей жизни. Я не могу сказать, что это африканский фильм потому, что там нет ни одного этнографического мотива, нет ни одного движения души, которое построено на типично африканской, на традиционно африканской структуре взаимоотношений...

Салказанова. Есть. Например, вспомните эпизод, где к беременной женщине подходят два молодых человека и каждый из них говорит ей: «Позволь мне стать отцом твоего ребенка». Она забеременела неизвестно от кого, но каждый из них счел бы за честь, чтобы она объявила, что отец он. Такая ситуация невообразима ни в одной мусульманской стране, арабской стране, восточной стране. А в Африке это совершенно естественная вещь.

Иоселиани. Да, так было, пока не появились религиозные (христианские или мусульманские) влияния. Чем больше у женщины детей, тем богаче невеста. Есть какие-то мотивы, которые действительно мне нравятся, мне симпатичны. Ребенок дан Богом, а кто будет отцом, кто им будет заниматься и кто будет его любить и лелеять — это уже вопрос второй.

Салказанова. Ну, а все-таки это — грузинский или африканский фильм?

Иоселиани. Я думаю, что это все-таки грузинская картина. Если бы я там допустил какие-то поползновения отобразить этнографические моменты, тогда они были бы придирчивы в оценке этой картины, а так они видят, что ничего общего это не имеет с действительностью, с традициями, что все традиции выдуманы. Но выдуманы они на основе того, что я взял все из традиций разных народов. На Тибете, например, есть многомужество, а у анималистов есть многоженство. И есть свободный обмен. Разлюбил... ушел.

Салказанова. Раз уж мы заговорили о грузинских мотивах Вашего африканского фильма, то я должна признаться, что, когда смотрела этот фильм, были моменты, что я вспоминала фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Но вспоминала не потому, что фильмы похожи, а как раз наоборот, — потому что очень и очень разные. В фильме «Покаяние» поставлен вопрос о дороге, ведущей к храму. И, как мне показалось, в Вашем фильме поставлен вопрос о дороге, идущей из храма, а не к храму. Есть эпизод, где африканец из покинутой деревни приходит в город и продает на базаре ширпотреб — того самого божка, который давал им дождь, но уже исполненного в десятках экземпляров. И мне кажется, что в Вашем фильме эта проблема поставлена не в лоб, как в фильме «Покаяние», и поэтому эффект гораздо сильнее. Становится понятно, что не дорога ведет в храм и не дорога ведет из храма, а человек выбирает себе дорогу в храм или из храма. И очень сильное противостояние между примитивным, матриархальным и в то же время очень одухотворенным образом жизни этих африканцев, которые живут в близости к природе, и тем материальным миром, что представлен в Вашем фильме границами, бульдозерами.

Отар, Ваше отношение к проблеме духовности?

Иоселиани. Небольшой идол, которому поклонялась вся деревня, имел силу постольку, поскольку он находился в определенной культурной среде, то есть на фоне традиций, которые его окружали. Только там он имел смысл. А когда

все разрушилось и все сгорело к чертовой бабушке, то божок приобрел коммерческую ценность. Так же и русские иконы покупаются любителями искусства, хотя русская икона никогда как произведение искусства не задумывалась, и не намечалось вывешивать ее в салонах. Люди так же коллекционируют фаюмские портреты, хотя такой портрет написан с умершего человека. И африканская скульптура, которую все наши дипломаты вывозят домой и украшают ею свои полки, представляет теперь лишь коммерческий интерес. То есть никакого смысла за всем этим нет. Да, когда идол идет на продажу, то это означает, что что-то где-то погребло, какая-то духовная статья где-то пропала. А остается только деревяшка, хорошо, может быть, сделанная, но которая приобретает совсем уже другую ценность — скорее, эстетическую, чем спиритуальную. Что же касается несчастий, которые обрушиваются на культурную структуру и разрушают ее, то именно тогда, когда они обрушиваются, и разрушается духовный уклад жизни, и появляются идеологии. Появляется христианство, появляется мусульманство, появляется коммунизм, появляется марксизм и т. д. и т. д. Появляется идеология затем только, чтобы подменить пустоту, возникшую в культурной и духовной жизни населения.

Салказанова. Вы ставите на один уровень, в один план и христианство, и мусульманство, и, скажем, марксизм?

Иоселиани. Я не ставлю ни иудаизм, ни христианство, ни мусульманство в тот же план, что идеологические течения. Но я терпеть не могу организованное моление. Я терпеть не могу все, что делается коллективно: попробуй не сделать. Например, ритуалы, придуманные большевиками, они очень схожи со всеми издревне известными египетскими, если хотите, ритуалами. Те же бюсты, те же песнопения, те же флаги, плакаты, аплодисменты, вставания с мест...

Салказанова. Коллективный ритуал?

Иоселиани. Да. В общем, все ясно. Поэтому я и позволил себе это все объединить в такую серию небольших портретов, которые должны, по моему убеждению,

привести к мысли, что есть некоторое рабское единство во всех коллективно исполняемых действиях.

Салказанова. Отар, сколько времени продолжалась съемка кинофильма?

Иоселиани. 8 недель.

Салказанова. И Вы приехали уже с совершенно готовым сюжетом, с готовым сценарием?

Иоселиани. Ну, конечно, все, все заранее было приготовлено и восемь недель — это очень быстро. Там жарко очень и трудно работать.

Салказанова. И в фильме снимались только местные жители?

Иоселиани. Только жители одной деревни.

Салказанова. Вы снимали фильмы в Грузии, Вы снимали фильмы во Франции, теперь этот фильм в Африке...

Иоселиани. Ну, я предпочитаю вообще работать с людьми, которые не рассматривают свою работу как профессию актера. Я предпочитаю делать это потому, что мне кажется: если не ставить каких-то непосильных задач совершенно нормальному человеку и если у него достаточно природного артистизма, то отпечаток личности, придаваемый пресонажу, которого он играет, бывает гораздо сильнее и неповторимее, чем то, что может сделать актер.

Я снимал неактеров в «Пасторали», я снимал неактеров в фильме «Жил певчий дрозд» и я снимал неактеров в «Фаворитах луны» — я просто снимал моих товарищей. Играть я их ничего особенного не заставляю. Все очень просто бывает, и они с удовольствием превращаются на какое-то время в актеров, если им не ставить сложных задач.

Салказанова. Отар, Вы хорошо знаете советское кино, французское кино. Мне бы хотелось, чтобы Вы сказали несколько слов о советском кино. Меня интересует, например, почему в СССР нет ни одного национального кино, кроме грузинского и киргизского. Да и киргизского в общем-то почти не существует. Чем объясняется такой факт?

Иоселиани. Я как-то считаю, что есть народы кинематографические и есть народы некинематографические.

Салказанова. Как есть народы немзыкальные, нелитературные?

Иоселиани. Есть народы, которые умеют петь, и есть народы, которые не умеют петь. Я так думаю. Я думаю, что в Грузии кинематограф стал фактом духовной жизни. Как в определенный период (известный период, и, наверное, это будет длиться долго еще) исчезло обращенное к разуму людей печатное слово, то в Грузии его кинематограф заменил. И поэтому он стал форточкой, через которую выходил накопившийся пар. Мне так кажется. Не все, конечно, но во всяком случае большое количество фильмов, сделанных за последние десятилетия, обладало какой-то магией воздействия на грузинского зрителя. И они очень ценны именно этим своим качеством.

Я не верю, например, в существование шведского кинематографа, хотя есть Бергман. Один человек погоды не делает. Я считаю, что Финляндия очень некинематографическая страна. И вообще все в кинематографе связано с легкостью, с которой его надо делать. Его нельзя делать серьезно и тяжело.

Это не то искусство, где можно докопаться до каких-то глубоких духовных глубин, где можно дойти до психологического анализа, достаточно точного и глубокого, который сам по себе будет ценен, как вскрытие под скальпелем какого-либо явления. Кинематограф — он сам по себе комичен. Он легок, он поверхностен, он не должен претендовать на проникновение в глубину. Чем больше люди говорят в кинематографе, тем меньше это — кинематограф. Известно, что никакими спорами и диалогами в кино нельзя заменить того, что можно сделать простым движением или простой мизансценой, или простым поворотом головы, или простым обменом взглядами, допустим. Культуры, у которых пропало понятие добра как единственной ценности, они очень трудно поддаются тому, чтобы из них высосать что-либо ценное в кинематографическом смысле. Когда народ обозлится и когда прольется

много крови, и когда накопится много несчастья, надо писать книги, а не снимать кино.

Салказанова. У Вас не возникло желания снять сейчас фильм о событиях, скажем, в Абхазии?

Иоселиани. Нет, у меня скорее может возникнуть желание написать что-то обо всем этом, чем снимать фильм. Вообще я думаю, что словесный анализ какого-либо явления гораздо серьезнее и сильнее, чем это можно сделать в кинематографе. Когда дело касается действительно серьезных событий, то тут не до кинематографа.

Салказанова. Тут я должна с Вами согласиться. Мне кажется, что у Вашего фильма будет еще одна функция, о которой мы не говорили совсем, но которая присутствует — функция воспитательная. Вы с такой любовью сняли фильм об африканцах, что, может быть, кто-то поймет, что можно любить и людей, отличающихся от тебя, совершенно на тебя не похожих, и признавать за ними право на свою культуру, и даже замечать красоту этой чужой культуры.

Иоселиани. Вы знаете, я уехал оттуда с ощущением гордости за то, что они в этой африканской деревне приняли меня как равного. Потому что я не совсем уверен, что достоин их уважения.

Салказанова. Отар, у меня к Вам еще один вопрос, касающийся кино. Совсем недавно заведующий сектором социалистических стран НИИ киноискусства (я даже не знаю, что это такое) Мирон Черненко сказал в интервью радио «Свобода» следующую фразу: «У нас умер Тарковский, у нас неизвестно где находится Иоселиани, нету вершин, не на кого равняться». Теперь, думаю, будет известно, где Вы находитесь и будет известно, что там, где Вы находитесь, Вы не бездельничаете. Но как Вы относитесь, Отар, к мысли, что советскому кино не на кого равняться?

Иоселиани. Я не понимаю, почему надо на кого-то равняться. Дело в том, что эпоха большого кинематографа — она не успела возникнуть. Она сникла. Во всем мире так. В Америке был Джон Форд, во Франции были Рене Клер и

Виго, были Карнэ и Превер, был Тати, а теперь в Италии единственный человек и тот очень неровно стал работать — это Феллини. А все остальное наполнено такой ненавистью и такой злостью, что никакой проповеднической функции такой кинематограф не несет. А в России — в России его никогда, собственно говоря, и не было. Кроме Барнета.

Это был замечательный человек, которому в свое время переломали хребет, и он кроме того, что сделал в молодости, потом уже так ничего и не смог сделать. И очень грустно по этому поводу. А такие молодчики, как Эйзенштейн, пудовкины, козинцевы, юткевичи — всё это было чистой воды безобразие. Такой придворный кинематограф, который начался, якобы, со служения революции, но все это была неправда, все это нечистое.

Тарковский — это другое совсем явление. Тарковский был удивительно порядочный человек и удивительно стойкий — удивительно стойкий и крепкий. Он не мог делать ничего другого. Но я не могу сказать, что кинематограф Тарковского вселяет в нас радость и веселье. Он печален, очень печален. И с интонацией более литературной, чем кинематографической, скажем так. Что само по себе очень интересно и ценно, но...

Салказанова. Вы намеренно не произнесли имя Параджанова?

Иоселиани. Нет, не намеренно. Параджанов снял чудную картину «Тени забытых предков», и я очень ее любил, но это другая история.

Салказанова. Отар, такого рода интервью принято заканчивать вопросом о планах на будущее. Поэтому я буду следовать традиции. У меня такое ощущение, что Ваш последний фильм получит массу всяких премий (считайте это женской интуицией), но какие у Вас еще планы?

Иоселиани. Я хочу снять еще одну картину, если мне удастся ее снять...

Салказанова. В какой стране?

Иоселиани. Я хотел бы ее снять в Грузии, но что-то с

аппаратурой у нас там плохо дело обстоит. С аппаратурой плохо, нет плотников, нет ассистентов, лаборатория работает плохо. Уже какой-то развал! Я не знаю, как можно писать картины без кисти и без полотна. И это характерно вообще для кинематографа в нашей стране. Такая жуткая разруха, что я даже не знаю, как технически все это осуществимо.

Салказанова. А Вы не можете взять аппаратуру напрокат здесь?

Иоселиани. Но это очень дорого стоит. Нет. Вся структура нужна для этого. Один аппарат не спасает, в последнее время в Советском Союзе перешли на то, что покупают аппаратуру в Западной Германии. Ее мало, и люди дерутся за нее. Люди расстаются навсегда, происходят склоки, скандалы и ссоры из-за элементарной аппаратуры. Поэтому будет тяжело. Но, наверное, надо будет снять один фильм в Грузии, потому что уже пора.

Салказанова. О чем будет этот фильм?

Иоселиани. Нельзя ничего рассказать про кино... Нельзя рассказывать, надо смотреть.

Июль, 1989.

Михаил Эпштейн

АВАНГАРД — ИСКУССТВО СМИРЕНИЯ

С московским культурологом Михаилом Эпштейном беседует художник и поэт Вилен Барский.

Барский: Михаил, Вы в своих лекциях в Германии очень объемно затрагивали вопрос соотношения авангарда и религиозного сознания — русского авангарда, я имею в виду. Обычный взгляд на авангард, во многом даже и совпадающий с официальным советским взглядом, таков: авангард — это один из рычагов борьбы за новую жизнь, которую начала большевистская партия после переворота 1917 года. И такое понимание довольно однозначно. Оно, по моему мнению, уплощает эту проблему, оно лишает ее объемности. Как Вы понимаете эту проблему?

Эпштейн: Для меня авангард означает конец эпохи классического искусства, которое генетически было связано с возрождением античности, с язычеством, которое получило новые мировоззренческие очертания в эпоху Ренессанса, иными словами, с художественной моделью эпохи XVI-XIX веков. И возвращение к религиозной модели мирозерцания, которая господствовала в эпоху Средневековья.

Произведения авангарда требуют не только чувственного наслаждения, понимания и радости, доставляемой классическим произведением, сколько вызывает у нас чувство тревоги и сомнения, чувство пропасти, лежащей между зрителем и художником, которая может быть преодолена только в акте веры.

Та работа с образным развоплощением мира, которая ведется в авангарде, не создает пластических образов реальности, в отличие от реалистического искусства. Она также соответствует новому апокалиптическому ощущению, которое было прекрасно выражено в словах апостола Павла о том, что «проходит образ мира сего». И поэтому искусство, которое пытается сегодня воспроизвести образ

мира сего, должно воспроизводить его в формах безобразности, в формах снятия образа, потому что сам мир современный, растекаясь потоком невидимых энергий по своим проводам, компьютерным системам, теряет этот образ, уходит в область невидимого. И, соответственно, наиболее реалистическим способом воспроизведения этого безобразного мира будет искусство, развоплощающее образ в самом себе.

Что касается позиции художника, занимаемой в авангардном искусстве, то она видится мне не как позиция героического корифея, ведущего за собой массы. Это *вырождение* авангардной позиции в тех формах тоталитарного искусства, которые воцарились у нас в конце 20-х годов. Роль эта была принята и освоена Маяковским, но Маяковский далеко не отвечает за весь авангард, точнее, авангард весь не отвечает за Маяковского.

Позиция авангардного художника — это, скорее, позиция юродивого, который занимается актами ниспровержения искусства с того высокого пьедестала, на который оно было поставлено в эпоху античности, сотворяя акты антиискусства.

Барский: То, что Вы сказали сейчас о Маяковском, — это верно. Авангард не отвечает за Маяковского, как Вы верно заметили. Ведь все дело в том, что утопия авангарда, которая, конечно, существовала, не идентична официальной государственной утопии, которая, так сказать, господствовала и которая потом окончательно и привела к тоталитаризму в Советском Союзе.

Эштейн: Разумеется, авангард можно обвинять в связи с тоталитаризмом так же, как в этом можно обвинять и религиозный тип мировоззрения. Поскольку любой тоталитаризм, как попытка целостного охвата всех сторон жизни, подчинение их некоторому одному движущему и духовно-жиздительному центру, — это пародия на религиозное сознание.

Я же хочу подчеркнуть в авангарде не эту позицию силового натиска на реальность, а напротив, чувство глубокого вхождения в те пласты реальности, где она снимает свой собственный видимый образ. Где художник

вместо канонически прекрасного или возвышенного произведения искусства выставляет в качестве такого какой-то ничтожный объект, скажем, унитаза под названием «Фонтан», как это сделал Марсель Дюшан на нью-йоркской выставке 1917 года. Художник тем самым занимает позицию, если искать религиозных параллелей, не священника, вещающего с амвона, не пророка, зовущего вперед на основании прекрасных сияющих или «зияющих» высот, а юродивого, который себя низводит с пьедестала художника. И в свой собственный язык вводит пласты косноязычия или зауми, или птичьего щебетания. Вспоминим образ авангардного искусства, хлебниковского искусства, созданный Заболоцким, где реальность выступает в своих самых последних измерениях.

В этом смысле авангард, на мой взгляд, есть искусство смирения. И в этом смысле он — антиискусство. Точнее, искусство, снимающее с себя жестом самоотречения предикаты прекрасного, возвышенного, целостного. Авангард — это тот тип художественного сознания, который стремится к уничтожению той пластики, той оформленности, которая может восприниматься как диктат, как образец, как каноническая или нормативная эстетика.

Вот почему неправильно утверждать, как это делают наши традиционалисты, что религиозное искусство — это то, которое изображает церковь, крест, предметы религиозной утвари, священника и т. д. Такого рода искусство относится к религиозному, как к ставшему, законченному, опредмеченному в окружающей нас жизни.

Подлинный религиозный пафос искусства XX века — это пафос авангардного искусства, которое раскрывает в окружающей действительности «зияние», исчезновение, таяние предметности. И в этом смысле авангардное искусство религиозно по структуре, по видению своему в том же смысле, в той же степени, в какой подлинно религиозное сознание всегда авангардно, т. е. движется впереди всех законченных результатов исторической жизни, движется в невидимое, в неставшее.

Июль, 1989.

НАША ПОЧТА

В редакцию журнала «Форум»

Уважаемые коллеги! К Вам обращаются журналисты журнала «Огонек» с просьбой о помощи.

Мы просим Вас рассказать на страницах своего издания об акции нашего журнала: мы открыли благотворительный валютный счет «АнтиСПИД» № 70000015 во Внешэкономбанке СССР — для скорейшей закупки одноразовых шприцев, одноразовых систем для переливания крови, одноразовых внутривенных катетеров и других одноразовых медицинских изделий.

СПИД — общая беда. Мы скорбим по всем людям, ставшим жертвами этой страшной болезни. Но мы хотим, чтобы все наши соотечественники, все, кому не безразлична судьба советских людей, все у кого есть родственники, друзья, близкие люди в СССР, узнали наконец страшную, замалчиваемую правду: нашу страну ожидает эпидемия СПИД еще более страшная, чем другие цивилизованные страны. Так считают авторитетные ученые и медики, чье мнение не зависит от официальной позиции.

Дело в том, что в наших поликлиниках и больницах до сих пор практически нет одноразовых шприцев, одноразовых систем для переливания крови, одноразовых внутривенных катетеров, одноразовых контейнеров для хранения крови и т. д. Имеющиеся же в некоторых центральных больницах одноразовые шприцы, системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры используются не один раз для разных пациентов — потому, что этих инструментов элементарно не хватает. Шприцы многократного применения часто не стерилизуются — медсестры меняют лишь иголки. В большинстве больниц СССР просто нет одноразовых систем для переливания крови и одноразовых капельниц, используются резиновые трубки, которые стерилизуются и снова используются. Все это приводит к массовым заражениям в больницах. 80 детей по сути одновременно заражены в Элисте, 25 в Волгограде — но это лишь факты, которые получили огласку.

Тест-системы для проверки крови на СПИД, выпускаемые отечественной промышленностью, некачественны, поэтому нет никаких гарантий, что «проверенная» донорская кровь не заражена.

Уже понятно: тысячи, сотни тысяч советских граждан — в том

числе детей! — обречены на заражение вирусом СПИД в больницах и родильных домах.

Не защищен советский человек и в кресле стоматолога: некоторые инструменты не стерилизуются после каждого пациента, как положено, только потому, что у врача в наличии всего один комплект данного инструмента, и если он отдаст его на часовую стерилизацию, ему просто нечем будет лечить следующих пациентов.

Перспектива ближайших лет удручает. Наша промышленность не имеет отечественных медицинских изделий и они даже еще не разработаны. А на закупку импортных линий Совет Министров СССР до сих пор не выделяет валюту, вернее, выделены крохи, которые нас не спасут.

От полной безысходности и отчаяния журнал «Огонек» открыл благотворительный валютный счет «АнтиСПИД» No. 70000015 во Внешэкономбанке СССР, видя в этом единственный выход из трагической ситуации. Приобретенные нами одноразовые медицинские изделия будут направлены в первую очередь в детские больницы и родильные дома, а не «уплывут» в больницы для высокопоставленных лиц.

Мы хотим через ваше издание обратиться с зовом о помощи ко всем нашим соотечественникам: «Наше государство не защитило нас от СПИДа. Мы обращаемся за помощью к вам. Каждый перечисленный вами доллар спасет чью-то жизнь».

Распоряжаться всей собранной валютой будут не государственные ведомства, а общественный Распорядительный Совет при журнале «Огонек». В него входят люди, которым верят: видный экономист, народный депутат СССР Гавриил Попов, академик Рэм Петров, офтальмолог, народный депутат СССР Святослав Федоров, академик Израиль Гельфанд, чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, писательница Татьяна Толстая, поэт Евгений Рейн, главный редактор журнала «Огонек», народный депутат СССР Виталий Коротич и другие. Надеемся, будут в Совете и видные представители Церквей — Православной, Баптистской, Мусульманской, Католической... Зарубежными представителями Совета уже согласились стать писатели Анатолий Гладилин и Владимир Войнович, художник Михаил Шемякин.

Коллеги, просим Вас донести до наших соотечественников горькую правду о ситуации со СПИД в СССР и рассказать о нашем благотворительном счете.

С уважением, координатор фонда «АНТИСПИД»,
специальный корреспондент «Огонька» Алла Алова.

РАИСА ОРЛОВА-КОПЕЛЕВА

31 мая 1989 г. в Кельне после тяжелой болезни скончалась Раиса Давыдовна Орлова-Копелева — писатель, литературный критик, журналист. Эссе Р. Орловой много раз публиковались на страницах журнала «Форум». Все, кто близко знал Раису Давыдовну, навсегда запомнили ее как человека исключительной искренности, доброты и бескорыстия.

Карола Штерн

(публицист, заместитель председателя Пен-клуба, одна из основательниц «Международной амнистии»)

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

...Прощаясь с Раисой, мы ощущаем, что мы были беднее до того, как мы ее встретили. Она обогатила нас так, что это сохранится еще и после ее кончины. Вот я, например, не знала никогда сестринской любви, пока это нежное чувство не выросло во мне как выражение избирательного родства с Раисой. Я уважала ее немного робко и любила ее как старшую сестру. И ведь мы все испытали ее волшебство, когда самые резкие противоречия сочетаются в гармоническое единство. В Раисе сочетались разум и острый ум со страстностью и фантазией. Ее доброта нередко выражалась в лихой иронии, наша подруга была гневлива и в то же время нежна, трезва до педантичности и в то же время сердечна и всегда готова помочь. Она могла быть очень пристрастной и все же была терпима, она страдала от незаживающих ран и все же сохраняла любопытство к жизни и небесную голубизну оптики. Значительность ее личности выросла из образования, знаний и опыта. Ее достоинство — из способности страдать и скорбеть. Своей повадкой, взглядом, выражением она умела выразить отстраненность, дистанцию и в то же время была так способна дружить, так зависима от дружбы, как мало кто из нас.

Вначале, когда мы только познакомились, я испытала

двойное чувство солидарности с ней. Она была женой Льва, вместе с ним постарела, вместе с ним была изгнана, отрезана от семьи, от друзей, от дома. Но в отличие от него, она оказалась в стране, языка и порядков которой не знала, «была беспомощной, глухой и немой». В то же время я испытывала чувство солидарности с коллегой того же поколения, того же международного цеха, с пишущей эмансипированной женщиной того особого типа, к которому мы обе принадлежим. Это старомодные прилежные женщины, требовательные к себе и к другим, одержимые чувством долга, интеллигентные и рассудительные.

Раиса Орлова-Копелева — русская американистка, писательница, редактор, живет в наших воспоминаниях за письменным столом и пишущей машинкой, отбирая, взвешивая слова, выстраивая предложения, странствуя по московским и кельнским, нью-йоркским и парижским редакциям, сдавая рукописи, редактируя и правя, выступая на писательских собраниях, читая из своих книг, испытывая счастливую радость открытий...

...Хотя Раиса была старше, чем многие из ее друзей, она почти всех нас превосходила своей страстностью и юношеской одержимостью, порывистостью. В прошлом году мы с ней ездили на чтения в Саарбрюкен. И хотя мои патриотические чувства по сравнению с ее чувствами весьма жалки, когда мы поехали по берегу Мозеля, и во мне зашевелилась известная гордость, частичка любви к Родине. И как всегда при виде этой реки я начала восхищенно: «Погляди, Раиса, ведь прекрасно, не правда ли?» А Раиса подняла голову, быстро взглянула, сказала «Гм», и продолжала изучать газету «Известия». Правда, в тот день была низкая облачность, и виноградники были еще обнаженные, но ведь я знаю столько рассказов о Мозеле, знаю, как по Мозелю ездили в любовной печали. Но только я собралась об этом рассказывать, как моя старшая сестра внезапно подняла голову и спросила звенящим голосом: «Карола, а ты слышала, что в Москве издают уже новые переводы Кафки? Ты слышала, что советские рабочие решили изучать работы Бухарина? И вот еще что я хотела тебя спросить, как все-таки относился Брандт к Брежневу?..»

Когда мы уже сидели в такси по дороге к церкви святого Людовика, Раиса рассказывала мне о грузинской кинорежиссерше, о киргизской переводчице Брехта. Интенсивностью своих чувств, страстностью, одержимостью, с которой она принимала участие в ком-нибудь или в чем-нибудь, Раиса действовала на меня как двадцатилетняя. Ее сердце было подтверждением тех строк Бориса Пастернака, которые она избрала эпиграфом для одной из своих книг:

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Таким был патриотизм Раисы. Он был свободен от затхлости, провинциализма, от той ненависти к чужеземцам, которую она здесь наблюдала в начале восьмидесятых годов. В ее первой опубликованной здесь книге она сдержанно высказывает удивление тем, как безмолвно воспринимается проявление ненависти к иностранцам, приезжим искателям убежища. Патриотизм Раисы — та любовь, которая и в 70 лет была почти детской любовью, — к родному городу, к улице и дому, в котором она выросла, к семье, старым друзьям. Он стал политическим, вероятно, уже в зрелые годы ее жизни, и на какое-то время он был связан с мечтой о том, что в стране, где победила Октябрьская революция, может после всех заблуждений, отклонений и преступлений все же в конечном счете возникнуть настоящее социалистическое государство.

К тому, что составляло смысл и содержание ее жизни, принадлежит и солидарность с преследуемыми, с правозащитниками в Советском Союзе и Восточной Европе, с неграми Южной Африки, с теми, кого пытаются в Иране, кто пропал без вести в Латинской Америке. На всю свою жизнь сохранила она веру в интернационализм, в общность всех людей. В московской интеллигентке Раисе Орловой-Копелевой жила мечта о едином человечестве, мечта рабочего движения XIX века.

Три года тому назад она написала последние строки своих «Писем из Кельна о книгах из Москвы». Тогда она

писала в палате кельнской больницы: «Испытываю боль, окружена болью... Читаю и перечитываю любимые строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 **Четыре года перестройки. Итоги.**
(На вопросы журнала отвечают:
Милован Джилас, Кронид Любарский, Сергей Максудов,
Олесь Шевченко).
- 14 **Юрий Щербак.** Отвергаю всякую революцию.
- 26 **Лен Карпинский.** Решительнее идти вперед.
- 39 **Леонид Баткин.** Встреча двух миров на съезде депутатов.
- 48 **Вячеслав Игрунов.** В первом классе.
- 56 **Эрнест Аметистов.** «Твердая рука» погубит страну.
- 68 **Николай Шмелев.** Результат будет со знаком плюс.
- 88 **Николай Драгош.** Перестройка политической системы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 106 **Марью Лауристин.** Решение национальных проблем возможно.
- 120 **Левко Лукьяненко.** Украина на пути к суверенитету.
- 133 **Степан Хмара.** Экзарх Филарет не ошибается — он лжет.
- 137 **Анатолий Доценко.** Еще одна Полтавская баталия.
- 143 **Давид Маркиш.** Нас ожидает расставание.
- 153 **Вадим Белоцерковский.** Ответ «Нашему современнику».

ИСТОРИЯ

- 157 **Эндерс Уимбуш.** Политическая жизнь мусульман России перед Февральской революцией.
- 164 **Миклош Кун.** Пакт Молотова-Риббентропа и Венгрия.

ФИЛОСОФИЯ · РЕЛИГИЯ · ЭТИКА

170 *Петр Кропоткин*. Анархия, ее философия, ее идеал.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

191 *Марк Алданов*. Этюды из книги «Огонь и дым».

214 *Евген Сверстюк*. Творчество — это сгорание избытка сил.

218 *Отар Иоселиани*. «И стал свет».

230 *Михаил Эпштейн*. Авангард — искусство смирения.

НАША ПОЧТА

233 *Алла Алова*. В редакцию журнала «Форум».

НЕКРОЛОГ

235 *Карола Штерн*. Слово прощания (Памяти Раисы Орловой).

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунта.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 867451